

ISSN 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

2/2018

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Д: Филология и психология»**

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Виллюжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацера**, д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко**, д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

**Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University
Series D: Philology and Psychology”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Ilyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33.

E-mail: terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, hiteeva.v@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

*Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Протокол № 5 от 01.06.2018 г.*

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2018

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д:
Филология и психология

№ 2/2018

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Филатов В.А.* О языке и стиле книги Г. Володина «Человеку нужен лебедь» 3
- Чуприна И.И.* В поисках правды (к проблеме художественного конфликта в романе «Санька» Захара Прилепина) 11
- Гладкая Н.В.* Когнитивный аспект демотиваторов о Донбассе 29
- Колычева А.С.* Формулы приветствия в донском казачьем этикете 34
- Рудометова С.М.* Волгоградские территориально изолированные, цокающие говоры: история и современность 38
- Скрипченко Е.В.* Донецкий текст Анны Ревякиной 43
- Филатова И.М.* Образ человека в донских казачьих говорах 48

Психология

- Сидоренков А.В.* Типологический подход к исследованию межличностных конфликтов в малой группе 53
- Кацера А.А.* Понимание саморегуляции в контексте психологии свободы 61
- Рогозина М.Ю.* Игровые формы поведения созависимых супругов 69
- Устинова Н.В.* Особенности решения задач на оценку вероятности сложных событий студентами с доминированием интуитивного когнитивного стиля 76
- Яновская Л.В.* Применение юнгианского анализа в толковании сказок (на примере сказки «Приключения Пинокио») 85
- Яновский М.И., Чуканов Е.В.* О влиянии чувства собственности на мышление (к постановке проблемы) 92
- Правила для авторов 97

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series D:
Philology and Psychology

№ 2/2018

CONTENTS

Philology

<i>Filatov V. A.</i> About the language and the style of the book “The man needs the swan” by G. Volodin	3
<i>Chuprina I. I.</i> In search of truth (to the problem of artistic conflict in the novel “Sankya” Zakhar Prilepin)	11
<i>Gladkaya N. V.</i> Cognitive aspect of demotivators about Donbass	29
<i>Kolycheva A. S.</i> Greeting formula in the don cossack etiquette	34
<i>Rudometova S. M.</i> Volgograd territorially isolated, clinking dialects: history and modern state	38
<i>Skripchenko Ye. V.</i> Anna Revyakina's Donetsk text	43
<i>Filatova I. M.</i> The image of a man in the don cossack dialects	48

Psychology

<i>Sidorenkov A. V.</i> Typological approach to the research of the interpersonal conflicts in small group	53
<i>Katsero A. A.</i> Understanding of self-regulation in the context of psychology of freedom	61
<i>Rogozina M. Y.</i> Game forms of behavior of co-dependent spouses	69
<i>Ustinova N. V.</i> Peculiarities of solving problems on evaluation of probabilities of complex events by students with dominance of intuitive cognitive style	76
<i>Yanovskaya L. V.</i> Application of the Yungian analysis in interpretation of fairy tales (on the example of “The Adventures of Pinocchio”)	85
<i>Yanovsky M. I., Chukanov E. V.</i> On impact of feeling of property on thinking (problem statement)	92
Guidelines for authors	97

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ КНИГИ Г. ВОЛОДИНА «ЧЕЛОВЕКУ НУЖЕН ЛЕБЕДЬ»

© 2018. В.А. Филатов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Статья посвящена языковым и стилистическим особенностям книги Г. Володина «Человеку нужен лебедь» как отражению региолекта Донбасса в языке художественной литературы. Уделяется внимание лексике, фразеологии, синтагматике. Отмечаются языковые достоинства книги. Не остаются без внимания и некоторые авторские огрехи.

Ключевые слова: языковая структура произведения, профессиональная лексика, диалектизмы, синонимы, неологизмы.

Давно назрела необходимость в изучении языка писателей Донбасса, как объективного и весьма яркого отражения особенностей региолекта данной территории.

Выступая на Втором Всесоюзном съезде писателей, В.В. Виноградов говорил: «Художественная литература дает эстетически отраженное воспроизведение «речевой жизни» народа. Работа писателя над языком своих произведений — дело не частное, не личное, а общее, народное. Язык писателя — общенародное достояние».

Изучение языка писателя возможно лишь на основе общей науки о языке, его теории и истории. Анализируя язык художественного произведения, необходимо обращать внимание не только на то, **как** и **чем** выражается содержание произведения, **что** составляет его языковую **структуру**, но и на семантику слов, выражений, конструкций и других элементов языка, определенным образом организованных в тексте, образующих художественное произведение как нечто целое, как единство содержания и формы. Уместно выяснить, в какой степени язык писателя соответствует общеязыковым показателям, а также что нового и индивидуального они несут в себе. Индивидуальное в языке художественного произведения может быть выделено только при сопоставлении с нормами литературного языка. Без такого сопоставления разговор об индивидуальных языковых особенностях того или иного писателя не может состояться вообще. Только на фоне общепринятого можно говорить о языковой и стилистической манере писателя.

Первое, на что обращает внимание читатель, это **лексика**, которая наполняет произведение, образует его языковую структуру. В этом аспекте книга Григория Володина «Человеку нужен лебедь», включающая 23 рассказа и одну повесть, представляет интерес. Она посвящена месту и роли человека в борьбе за сохранение тех богатств и красот, которые достались ему в наследство. В произведениях представлена природа южной России и Донбасса. В тексте мы находим десятки слов, являющихся названиями **диких животных** (*вепрь, енот, заяц, волк, сайгак, кабан, лиса* и др.); **птиц** (*чайка, дрофа, камышевка, утка, гусь, лебедь, коршун, цапля, журавль, кряква, чирок, кулик, соловей, иволга* и др.); **рыб** (*белуга, сазан, осетр, щука, чехонь, окунь* и др.); **растений** (*куга, осока, камыш, чекан, метлик, шалдей, звербой, шиповник, чабрец, типчак, ряска, стрелолист* и др.), названия явлений природы,

характерных для этих мест.

Широко представлена во всех произведениях книги профессиональная лексика, связанная с **охотой** и **рыбной** ловлей: *засидка* (укромное место охотника, где он поджидает зверя или птицу), *жировать* (набирать вес, о птице, звере, рыбе), *распрет* (отмена запрета на охоту, разрешение охотиться), *скрадок* (место, где прячется охотник, поджидающий дичь), *подранок* (раненая птица, животное), *мельяк* (мель), *утрянка* (утренняя охота), *вечерянка* (вечерняя охота), *жировка* (действие от глагола *жировать*, а также место, где происходит это действие), *сколоться* (о собаке: потерять след), *лежка* (место, где лежат звери), *ахан* (вид снасти), *мотня* (часть невода), *гон* и многие другие. Интересно, что в языке рассказов и повестей нашла отражение не только профессиональная лексика, но и характерная для профессиональной речи синтагматика (сочетаемость слов): *Утки натягивали на мой скрадок часто* (стр. 18).

Умение автора работать со словом отчетливо проявляется в отборе в употреблении просторечной и диалектной лексики. Григорий Володин с достаточным знанием дела пользуется словами этих сфер. Он широко включает их в языковую структуру произведений, но не злоупотребляет ими. Их использование всегда мотивировано авторскими целями. В одних случаях это продиктовано стремлением создать точную речевую характеристику:

— *Да разве так можно? Разве это по-хозяйски? Выгнал я скот на летние выпаса, ферму, как **плановали**, надо отремонтировать, а он лес не везет!* (стр. 85);

— *Однажды Шкунов подпустил **дудаков**, близ-ко-о... **вдарил!** А он как **шарахнет** его по спине! Весу-то — пуд, ну **памороки** и отбил Шкунову* (стр. 67).

В других случаях диалектизмы вводятся в язык героев, в авторское повествование, а также в речь рассказчика и целях этнографической и художественной достоверности изображаемого, нередко они используются для реализации лирического начала. Очень часто писатель употребляет диалектизмы и соответствующие им литературные слова в качестве синонимов, чтобы избежать повторения одного и того же слова:

*Возвращаемся засветло, ночью можно влететь в **полянью**, да и мороз покрепчал — **мейны** начало затягивать льдом* (стр. 41); *Но в **заливах-заманухах**, в **култуках-озерах**, всегда воды много* (стр. 208); *Тонкие и упругие удилица нацеливаются на водную гладь **ставка**...* (стр. 121).

В качестве синонимов автор употребляет такие слова, как: *цапля — чапура, дрофа — дудак, промоина — потяжина, плотина — гребля, пруд — ставок, залив — замануха, озеро — култук* и др.; Широко используются им в текстах следующие диалектизмы: *жарник* (приспособление для приготовления еды на охоте, рыбалке), *костерок* (небольшой костер), *одежина*, *урак* (кусок косы па короткой ручке), *зеленя* (молодые всходы всех трав, а также хлебов), *утренник* (утренний мороз), *оберемок* (охапка), *провесень*, *поручь*, *крошево*, *затишно*, *новина* (новый урожай), *сторожский*, *краснина*, *бочажина* (яма, наполненная водой), *побежка* (бег), *снулая* (о рыбе: задохнувшаяся), *отзимок* (весенний мороз), *неторопко*, *могутность*, *стылый*, *окосок* (небольшая мель, выдававшаяся в море, коса, заросшая камышом или чаканом) и другие.

Примечательно, что среди употребляемых автором диалектизмов большое количество глаголов (*проплутать*, *затренькать*, *заплутаться*, *загулготеть*, *закуканить*, *кочевряжиться*, *взбулгачиться* и др.), что придает повествованию новизну, динамизм, образность и экспрессивность. Глагол — главное орудие речевого синтеза, он отражает движение мысли. Если существительное включает в себя только категории рода, числа и падежа, то глагол предполагает наличие категорий лица, число,

времени, наклонения, вида, залога, а в прошедшем времени и рода. В связи с этим он обладает большими выразительными возможностями, чем существительное или любая другая часть речи. Многие диалектизмы, употребляемые писателем, отличаются достаточно прозрачной внутренней формой, что в большинстве случаев исключает необходимость дополнительных ссылок и разъяснений.

В критической литературе, в высказываниях писателей часто возникал вопрос использования местных слов в языке художественных произведений. В романе «Золотая роза» К.Г. Паустовский писал: «Злоупотребление местными словами обычно говорит о незрелости и недостаточной художественной грамотности писателя. Слова берутся без разбору, мало понятные, а то и вовсе непонятные широкому читателю, берутся больше из щегольства, чем из желания придать живописную силу своей вещи». Составитель известного диалектного словаря Рязанской области, большой знаток диалектной лексики и исследователь ее функциональных особенностей в языке фольклора и художественной литературы И.А. Осовецкий, говоря об употреблении диалектных слов, никогда не акцентировал внимание на количественной стороне вопроса [2]. Он подчеркивал, что можно ввести в языковую ткань произведения очень много диалектных слов, но все они будут к месту, все понятны и ясны читателю, а можно употребить всего лишь несколько таких слов, но неумелое их применение вызовет отрицательную реакцию у читателя. Диалектное слово может органически вписаться в художественное произведение, если оно является понятным и образным или экспрессивным. Чтобы оно стало понятным, совсем не нужно излишних объяснений или ссылок. Достаточно поставить его в такой связи с другими словами произведения, чтобы его значение стало ясно читателю без редакторских или авторских ремарок. В этом также заключается мастерство писателя как художника слова. Именно такое включение диалектных слов в текст произведений мы находим у Григория Володина, когда понимание почти каждого диалектизма детерминировано контекстуально.

Удачной представляется и форма построения рассказов, многие из которых объединены одним рассказчиком, являющимся в то же время и действующим лицом. Рассказчик — участник многих охот, рыбалок, вылазок на природу, путешествий. Находясь рядом с опытными охотниками, он постигает премудрости кабаньей, лисьей охоты, особенности перепелиной охоты, замечает и тонко чувствует красоту окружающей природы, понимает необходимость ее охраны. Чем опытнее, искуснее охотник, тем бережнее он относится к природе, тем лучше понимает ее, осознает неповторимость и бесконечность ее красоты, глубину ее мудрости. К этой мысли приходит сам рассказчик, и в этом убеждает он читателя. Речь рассказчика богата, красочна. Она изобилует диалектными и разговорно-просторечными элементами, причем не только лексического, но и синтагматического характера:

Вместе с нею навалился теплый духмяный и ни с чем не сравнимый запах разогретых камышовых крепей (стр. 97); Около отары волка герлыгой убил» (стр. 93); подвалили на взморье утки (стр. 7); буксир уволокет бакан (стр. 16); на воду плюхнулась птица; промазать; проиляпить лису; орава; разиня; кочевряжиться и др.

Это придает повествованию разговорный характер, живость, красочность, экспрессивность. Разговорный стиль повествования легко воспринимается читателем.

Форма изложения при помощи рассказчика позволяет автору активно использовать те разговорные конструкции, которые в литературном языке не относятся к нормативным. Так, в литературном языке не рекомендуется сочетать в качестве

однородных членов предложения различные морфологические категории. Однако подобные отклонения от литературной формы в разговорной речи очень часты. Использование разговорного стиля позволило автору вводить в текст такие, например, конструкции:

А Волга широкая-широкая и движется, и движется вниз (стр. 165); *Говорят, охотники любят приврать и мастера сочинять небылицы* (стр. 24); *А осенью около огневки, обычно к ночи, собираются лодки и куласы с ближних кос и култуков, съезжаются охотники, чтобы веселее скоротать длинный вечер. Народ общительный и затевает общий котел* (стр. 62); *Пойма Крынки широка, заросла ивами, тополями и осоками»* (стр. 129).

Академик В.В. Виноградов утверждал, что «нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для образа». Другое дело — насколько они уместны и оправданы. Широко и вполне уместно используются автором во многих рассказах и повестях фольклорные элементы: народно-поэтические слова, пословицы, поговорки, народные приметы, синтаксические конструкции, характерные для народного творчества:

Самостоятельную жизнь Ларион начал лет с семи подпаском. Знал нужду, за горем и бедой к чужим не ходил — своей по маковку хватало. (стр. 74); *На охоте быть — не разиня рот ходить; У горбатого и постель горбатая.*

Здесь наблюдается соединение элементов разговорного и народно-поэтического стилей, что представляется не амальгамой (смесью разнородных вещей), а органическим синтезом стилей, синкретическим, целостным художественным единством. Все это создается не ради простой имитации народно-фольклорного стиля, не ради достижения орнаментальности, цветистости, а исключительно в целях достижения художественной истины, достоверности в плане содержания, а также свежести, новизны, образности и естественности в плане выражения. Сравните, например, употребление автором устаревшего народно-поэтического слова *заполонить*:

*Посадка круто обрывается — за нею большая степь, вправо по балкам будто текут голубые реки — это заросли терна **заполонили** овраги* (стр. 115).

Заметьте, *овраги не просто заросли терном*, произошло нечто иное и в смысловом и в выразительном аспектах: *заросли терна заполонили овраги*, т.е. со временем, постепенно отвоевали у остальных растений клочок за клочком всю площадь оврагов. Автор находит слово, которое является образным и в контексте способно заменить не менее десяти слов, передающих тот же смысл. Внутренняя форма слова *заполонили* (от *полон* — «плен, добыча, взятая в бою») способствует созданию свежего, меткого, нешаблонного образа. А.А. Потебня высоко ценил писателей, умеющих мастерски использовать для создания образа такие выразительные возможности языка, как внутренняя форма слова. Мастерство и талант писателя как художника слова определяются умением использовать в художественных целях именно вот такие приемы творчества.

А вот несколько народных примет, включенных автором в текст своих произведений:

Закричал куличок на взморье — жди норд-веста. Подала голос гагара — моряна будет. Пошел пролет — совсем тепло, а гуська нет, — значит, еще ударит морозами отзимок (стр. 256).

Представлены в тексте рассматриваемой книги и игровые моменты, нашедшие языковое выражение. В этом отношении интересна, естественна и реалистична ситуативная игровая роль героя повести «Человеку нужен лебедь» Бориса Бочарова:

Борис — человек не низкой речевой культуры. Его речь вполне литературна. Но вот возникает игровая ситуация, герой активно включается и полностью входит в нее, его речь соответствует этой ситуативной игре:

— *Правильно, добывайте три пая, — поддержал Борис и спокойно уточнил: — Алексей Иванович, ты на день или с ночевкой ко мне?*

— *Вечером уеду, — пожалел Андрейчев.*

— *Зря. — Уже весело закончил: — По тропе ходит... агромадный кабан.*

— *Что ты?! — Алексей Иванович возбужденно потер руки* (стр. 309).

Речевые структуры героев, рассказчика и самого писателя включают значительное количество неологизмов, окказионализмов (слов, образованных самим писателем, но вполне понятных читателю) и потенциальных слов, созданных по законам русского словообразования. В большинстве случаев их семантика не вызывает у читателей никаких затруднений: *В воздухе бесптичье* (стр. 136); *глаза с трусливинкой в глубине* (стр. 232); *места тут кормистые* (стр. 209); *Кто-то коротко обрубил ей хвост, и стоящий торчком ошкamelок безобразил собаку* (стр. 59); *затравневший террикон; брал мористее* (т.е. дальше от берега); *зевластый рот; приметливый; угольи* (как угли); *самодуристый; браконьерничать* и др. Кроме того, неоднократно употребляются такие неологизмы, как *маячник* (бакенщик), *солнцегрев, приглубье, свинойрой* (ямы, вырытые дикими свиньями) и др.

Многие из слов, квалифицируемых нами в качестве неологизмов, по-видимому, относятся к той части словарного состава языка произведений, о которой в каждом конкретном случае трудно сказать: являются ли они авторскими образованиями или представляют собой заимствования из народных говоров. Возможно и то, и другое. Во всяком случае не исключена возможность их существования в других областях языкового употребления, в частности в диалектах. В первую очередь это относится к таким словам, как *свинойрой, приглубье, кормистый, солнцегрев* и др.

Следует отметить активное воздействие писателя на лексическую сочетаемость отдельных слов. Новизной и свежестью веет от многих словосочетаний: *нетронутая тишина, нетревожная тишина, бредут сумерки, затравневший террикон, изморозь седины* и др.

Разнообразен и синтаксис рассматриваемой книги. В ней представлены все типы простого предложения с различными видами обособления, типы сложного предложения, сложные синтаксические конструкции. Для языковой структуры многих рассказов Григория Володина характерны присоединительные конструкции:

«*А впереди раскидывалась степь. Особая, донецкая*» (стр. 113). Используются автором синтаксические конструкции, зачины, характерные для художественного очерка:

«*В весенний день, когда клен выкинул сережки цветов и шумит яркой листвой, а на акациях только еще лопнули почки, когда травы — зеленые и сочные, а их цветы еще не выгорели от солнца и без полутонов, когда по степям ветер еще не вихрит маленькими смерчами придорожную пыль, — мы с дедом Ларионом сидели около костра на опушке молодой лесной полосы*» (стр. 74).

Все начало рассказа развивается по правилам художественного очерка. Прежде, чем приступить к главному, дается своеобразная предыстория, цель которой — подготовить читателя к восприятию того, что намечает для него автор, зачин — это своего рода подготовительная работа, стремление вызвать у читателя необходимое эмоционально-интеллектуальное состояние.

В другом месте, стремясь к гармоническому единству мыслей и чувств, автор создает сложную синтаксическую конструкцию, полную глубокого лиризма и откровения — своеобразный гимн человеку природе:

Здесь, особенно когда остановишься в котловине между восточным и западным кряжами, утопая по пояс в траве, не тронутый человеком, когда шага нельзя сделать, не продираясь через обилие цветов, когда вокруг носятся тысячи пчел, ос, сотни гулких и тучных шмелей, а где-то в мрачных расщелинах скал тоскливо кукуют кукушки: одна, другая, третья, и в зарослях терна плачет горlinkа, а с поднебесья стремительно падает ястреб на свою жертву и, промахнувшись, летит плавно, словно не выискивая, а выслушивая добычу: когда от редкого крика ворона веет глухой стариной... и когда ты знаешь, что здесь никогда не властвовал человек, здесь миллионы лет так же куковала, с берущей за душу тоской, кукушка, плакала неутешно горlinkа, а ночью надрывно кричали сычи и выли волки, здесь миллионы лет ястреб, выслушав добычу, насмерть бил свою жертву, а ворон пророчил беду, — тишина поражает, сминает душу (стр. 166).

Писатель говорит о природе с большой теплотой и любовью, природа живет, развивается, служит человеку, нуждается в охране и защите. Поэтому для него такие словосочетания, как *лес стонет, грач ворчал, небо рычит, лес замер, солнце кинуло луч, лес запел, ураган умер, суховей умер* и другие, не просто метафоры, не просто один из художественных приемов, а отражение принципиальной жизненной позиции.

Природе, ее красоте и ее проблемам в книге отводится очень много строк. По все же в центре каждого произведения стоит человек, с его заботами, мыслями, делами:

Понимаю, здесь и без меня все так же будет, и не соглашайсь. Нет, с моей смертью умрет мир — мой мир! Единственный, неповторимый. Второго такого нет и не будет! Кто еще увидит так, как я, вот эту лупоглазую зеленую стрекозу на острие чаканинки? Этот голубой шар перекасти-поля, переброшенный через камышовые крепи недавним ураганом и отраженный в зеркале прозрачной воды в колдобине, которую выбил лебедь? Вот ту, блестящую на солнце сеть-паутинку с отливающей малюсенькой радугой каплей воды? И если никто не увидит, значит, всего этого нет. А оно — вот оно! Значит, я необходим всему окружающему (стр. 100-101).

Мир героя — это не только все то, что он видит. Мир его значительно больше. Герой видит мир, сложный, интересный, неповторимый, захватывающий. Он помогает читателю увидеть этот мир, свой мир, но главное, понять его, беречь, охранять его красоту. Григорий Володин хорошо знает то, о чем пишет: события, героев, природу. Он знает язык и тонко чувствует его. В его рассказах и повестях можно легко найти многие достоинства художественной прозы: лаконизм, лексическое богатство, точность, образность, насыщенность и движение мысли, динамизм.

В книге имеется много замечательных или просто удачных мест, которые по известным причинам мы не можем здесь все назвать, но которые без труда отыщет любой читатель. И все же она не лишена отдельных языковых неточностей

Так, в ней имеются случаи неудачного оформления предложений с **однородными** членами и использованием градационного союза *не только... но и...* Например:

Ждановцы об этом времени говорят: «Перепел наливается жиром и плотно сидит». А им можно верить, они не только прекрасные стендовые стрелки, но и собак для перепелиных охот лучше, чем у них, ни у кого нет (стр. 111-112).

Союз *не только... но и...* предполагает соединение соотносительных слов как в морфологическом, так и в логико-понятийном **отношениях**. Здесь по-видимому, лучше было бы опустить союз *не только... но и...* (*А им можно поверить, они прекрасные*

стендовые стрелки, да и собак для перепелиных охот лучше, чем у них, ни у кого нет) или поместить в обеих частях союза соотносительные слова (...они не только прекрасные стендовые стрелки, но и владельцы лучших собак для перепелиных охот).

В следующем примере неточности в согласовании обобщающего слова:

Никто — ни птицы на ильменях и заводях, ни верткие и крикливые чайки в море, ни дикий вепрь и енот, ни малая камышовка в зарослях не нарушают предрассветной тишины (стр. 8).

В данном случае сказуемое *не нарушают* согласовано с однородными подлежащими, тогда как оно должно быть согласовано с обобщающим словом *никто*.

Иногда неудачный выбор слова приводит к неоправданному нарушению стилевой структуры языка, а также к нарушению ритма повествования. Вот пример, когда неудачный выбор слова приводит к нарушению стилевой структуры языка героя. Вначале следуют такие лирические строки, составленные из простых и естественных слов:

А если закрою глаза, на секунду даже, — все исчезнет; значит, мир все-таки мой! И люблюсь им, я радуюсь ему, а он радуется меня. И где бы ни был я, этот мир будет всегда со мной...

И тут же за ними читаем:

Все дни на мои вопросы, как они пережили трудную зиму сорок второго года, мать и отец отвечали однозначно: “Ничего”. За этим ответом я слышал другое: было очень тяжело с питанием (стр. 102).

Конечно же, ни родители героя, ни он сам не сказали бы: “Было тяжело с питанием”. Здесь уместнее более конкретные слова (например, *харчи, продукты, еда.*), но только не *питание*.

В следующем примере избыточное слово снижает качество повествования:

*И появилась водная гладь — широкая, с лазурью. А на ней при нетревожной тишине плавала большая стая лебедей. Стая удивительно красивых, белых птиц. **Взмахнут** они метровыми крыльями **вверх** — и словно кто-то радостно вздохнет, большой, сильный и добрый; пойдут их крылья вниз — и нежно зашелестят перья подкрылков, а потом заговорят голосом флейт маховые крылья...* (стр. 326).

Взмахнуть — значит “махнуть, направляя **вверх**, **вскинуть вверх**”. Уже в самой семантике глагола *взмахнуть* заключено значение *вверх*, поэтому в цитируемом отрывке слово *вверх* является излишним.

По этой же причине не совсем удачным представляется следующий отрывок:

От бесчисленного обилия комаров нет никакого спасения, их беспощадные жала проникают даже сквозь брезент плаща и рукавиц (стр. 95).

А в следующем фрагменте, наоборот, недостает слова. Сравните:

*То и дело слышится **кряканье** (?), **гогот** гусей, **кигиканье** казарок, **свист** куликов, **треск** чирков, **мяуканье** хорхалей* (стр. 16).

Конечно же, писатель имел в виду *кряканье уток*, а не *кряканье и гогот гусей*.

Конечно, приведенные огрехи не могут умалить достоинств, удачных мест, о которых уже частично говорилось, не могут снизить значение всей книги, являющейся страстным призывом «посмотреть на землю, как на бесконечно дорогой тебе дом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володин Г. Человеку нужен лебедь / Г. Володин. — М : Советский писатель, 1974.
2. Володин Г. Человеку нужен лебедь / Г. Володин. — Донецк: Донбасс, 1978.

Поступила в редакцию 19.12.2017 г.

ABOUT THE LANGUAGE AND THE STYLE OF THE BOOK
“THE MAN NEEDS THE SWAN” BY G. VOLODIN

V.A. Filatov

The article deals with the language and stylistic peculiarities of the book “The man needs the swan” by G. Volodin, which reflect Donbass regional dialect in the belles-lettres. Attention is paid to vocabulary, phraseology and syntagmatics. Language values of the book are highlighted. Some shortcomings made by the author are mentioned.

Keywords: language structure of the work, professional vocabulary, dialectisms, synonyms, neologism.

Филатов Владимир Аниканович

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры русского языка.

E-mail: anikanych@yandex.ua.

Filatov Vladimir Anikanovich

Candidate of Philology, Docent..
Donetsk National University.
Associate Professor of the Russian language
Department.

E-mail: anikanych@yandex.ua.

УДК 821.161.1

**В ПОИСКАХ ПРАВДЫ (К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
КОНФЛИКТА В РОМАНЕ «САНЬКЯ» ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА)**© 2018. *И.И. Чуприна**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк*

В статье автор обращается к проблеме художественного конфликта. Роман как поэтическое высказывание автора-творца — способ разрешения внутреннего конфликта. Конфликт на уровне фабулы — и предмет изображения в романе Захара Прилепина «Санькя». Развитию и разрешению художественного конфликта способствует слово автора-повествователя и поступки героев. Поступок — не только действие, но и слово-высказывание.

Ключевые слова: роман, слово, конфликт, художественный конфликт, сюжет, фабула, поэтическое целое, герой, память, одиночество, народ.

Конфликт — проблема социальная, эстетическая, этическая. Основной конфликт как проблема этическая коренится в конфликтной природе человека. Суть проблемы — в несовпадении человека падшего с человеком «до грехопадения», в потребности вернуться к своей изначальной сущности, обрести «потерянный рай». Производными от этого противоречия являются все социальные коллизии. Основным конфликтом обусловлена и природа творчества (автор — творец поэтической реальности разрешает свой внутренний конфликт поэтическим высказыванием, каковым является художественное произведение). Но как, в каких формах проявляется **художественный конфликт** поэтического произведения на уровне сюжета? Своеобразие литературного произведения обусловлено специфической особенностью «сцепления» элементов художественного микромира внутри «движущейся коллизии» и в плане «композиции сюжета». Анализ «движущейся коллизии» — не только поступки героев, но их размышления, рассуждения, высказывания, переживания, способствующие развитию конфликта. На наш взгляд, при рассмотрении проблемы художественного конфликта в романе следует принимать во внимание противоречия между сюжетом и фабулой: между автором как внутренней формой и героями как его иноформами, а также между самими героями — на уровне фабульной действительности (на уровне фабулы конфликт — явление социальное).

Данная статья — начало исследования проблемы художественного конфликта в романе Захара Прилепина «Санькя». Наше внимание сосредоточено лишь на одном из важных аспектов: борьба главного героя романа — Саши Тишин за социальную справедливость, его попытки нравственного самоопределения и поиски духовного смысла неразрывно связаны с проблемой русской деревни. Некоторые тезисы только намечены и требуют дальнейшего развития.

Роман «Санькя» от начала и до конца пронизан конфликтами. Конфликт обозначен в самом названии произведения и в начале: «Санькя» — так звала бабушка главного героя в детстве; автор-повествователь называет его Саша Тишин. Саша Тишин — городской парень, из провинции, один из активных «союзников». «Союзники» — члены партии «Союз созидателей», отношение к которым и власти и простых людей неоднозначное: для одних они — эсесовцы (аббревиатура «СС» ассоциируется никак не с созиданием), хулиганы, бунтари, революционеры, для других — молодое поколение, которому принадлежит созидать будущее (потому некоторые

старики на площади на них и смотрят с надеждой). С первых строк произведения проявляются поступки «союзников»; они несут разрушение. Союзники протестуют против правящей государственной власти, хулиганят, нарушают покой в обывательской среде.

Конфликт, выражающийся в названии партии и в радикальных действиях ее членов, — неслучаен. «Союз» — когда-то это слово символизировало название государства, Родины, которой больше нет, но живы люди, бывшие гражданами великой страны, память о которой объединяет незаметно, тихо уходящих из жизни стариков и молодых её патриотов. Бывшие граждане исчезнувшей из карты мира великой страны заняли в новой жизни новые позиции: власть имущие; депутаты; граждане, не вписавшиеся в новый формат, с активной в прошлом жизненной позицией и равнодушные обыватели, массы. Автором-повествователем обозначены: патриоты, либералы, обыватели, бомжи, инородцы

В начале романа — описание митинга оппозиции. Картина мероприятия (организаторы, митингующие, атрибутика и символика) производит впечатление театрализации происходящего события. Все осуществляется планоно: заранее распределены места, расписаны речи, известен результат. Да и важны ли для кого-то цели и результат? Обветшалые знамена и постаревшие лица — портрет оппозиции. Понятие «оппозиция» — условное.

Автором обозначен конфликт в жизни героев (на уровне фабулы произведения): существует *государственная система* с ее отношением к обществу, человеку и *человеческий мир* — митингующие, в основном, старики; и бомж — за оградой митинга, и где-то равнодушные к происходящему горожане, народные массы, и ещё где-то в глубине — умирающая русская деревня, истоки России-матушки — конфликт между Россией-матушкой — исторической и современной государственной машиной.

Шум улицы: метро, авто; асфальт, грязь. Город в целом и каждый отдельный человек — поработаны, заключены в оковы. Существование, кажется, лишено энергии созидания. Конфликт «оппозиции» и господствующей системы — мнимый, путь его разрешения может быть естественным, природным: старое умирает, в новом, являющемся на смену старому — совершенно иные символы и смыслы. Напоминание об ушедшей советской эпохе: *«Многие из тех, кого нехотя разглядывал и касался, двигаясь, Саша, выглядели дурно и бедно. Почти все они были глубоко и раздражённо немолоды.*

В их поведении просматривалось нечто обречённое, словно они пришли сюда из последних сил и желают здесь умереть. Портреты, которые они носили на руках, прижимая к груди, изображали вождей, и вожди были явно моложе большинства собравшихся здесь. Мелькало мягко улыбающееся лицо Ленина, увеличенная картинка, знакомая Саше ещё по букварю. Выплывало на подрагивающих старческих руках спокойное лицо преемника Ильича. Преемник был в фуражке и в погонах генералиссимуса. ... Происходящее вызывало простую смесь жалости и тоски.

Несколько сотен, быть может, несколько тысяч человек два-три раза в год собирались на этой площади — в какой-то неизъяснимой уверенности, что их печальные сходки станут причиной ухода постылой власти.

За минувшие со времени буржуазного переворота годы митингующие окончательно постарели и никого уже не пугали» (с. 7).

Пройдет еще немного времени, и старики, время периодически собирающиеся на площади, уйдут в мир иной, а вместе с ними исчезнут и реалии уже несуществующего государства. Чем интересна эта картина? Автор-повествователь говорит о том, что

«происходящее вызывало простую смесь жалости и тоски». Смешанные чувства «жалости и тоски», прежде всего, это чувства главного героя романа — Саши Тишина (на уровне фабулы), автора как субъекта эстетического бытия, читателя.

Толпа митингующей оппозиции — отмирающая реальность, не опасна и не интересна власть имущим, не интересна она и Саше, Вене и другим «союзникам», не интересна городскому обывателю, неизвестна жителям забытых русских деревень. Центр площадного мероприятия — трибуна, на ней — *«степенно»* перетаптывающийся депутат патриотической парламентской фракции, отличающийся от *«серолицых»* тем, что *«даже издалека было различимо его розовое, гладкое лицо, отменно питающегося человека»* и *«черное, дорогого покроя пальто»; «барашиковую шапку»* этого господина *держал в руках «кто-то из челяди, толпящейся позади»* (с. 8).

С первых страниц романа автор представляет жизненную (фабульную) реальность мнимых, условных противоречий: все упорядочено, гармонично и предрешено, во всем незримо присутствует установившаяся система. Это и — городской, равнодушный к человеку с его духовными и душевными поисками, мытарствами поток взвизгивающих и зудящих машин, с бесконечно раскачивающимися дверями метро (словно напоминание о существовании где-то, совсем близко дороги в преисподнюю); и так называемая «патриотическая» партия, самодовольная в своей сытости, так же равнодушна к простым людям, обеспечивающим оппозицию; и обреченно собравшиеся люди, прижимающие к груди портреты вождей, люди, еще не умершие, но уже ставшие памятниками ушедшей эпохи. Сомнительно звучат слова повествователя: люди, два-три раза в год собирающиеся *«на этой площади»* имеют *«неизъяснимую уверенность»*, *«что их печальные сходки станут причиной ухода постылой власти»* (с. 7). В их обреченности нет уверенности; *«глубоко и раздражённо немолоды»*, люди в свое время были приучены выходить на площадь, этот ритуал — часть их существования без будущего. Подтверждение тому — развешенные под трибуной транспаранты *«с нелепыми надписями, которые никогда и никого не смогли бы побудить к поступку»* (с. 8). Саша, главный герой романа, *«морщился, читая»*.

Саша Тишин — один из *«разношёрстного молодняка в партии Костенко»*, один из *«злых юнцов»*, *«толпу»* которых *«бывший офицер и, как ни странно, философ, умница, оригинал Костенко впервые вывел на площадь»* четыре года назад. Ребята, не всегда в полной мере знающие и понимающие цели, *«подросли и стали известны своими наглыми акциями и шумными драками»*, теперь их *«набралось»* столько, что митинг *«решили обнести железной оградой. Чтобы не выплеснулось»*. Так автор вводит в повествование «Союз созидателей». «Союзники» — живая, движущая сила настоящего конфликта. *«Крепкие внимательные старики с интересом, надеждой и лёгким сомнением всматривались в Сашу и Веню»*, вошедших в толпу (с. 8). Будущее может принадлежать только молодым и дерзким, это, очевидно понимают еще *«крепкие старики»*, готовые оказать им поддержку. Это и есть завязка конфликта произведения.

«Союз созидателей». Их называют: кто — *«союзниками»*, а кто *«эсесовцами»*. Подростки, *«молодняк»* нацелены на разрушение старого мира. Они не выступают на митингах (да их и не пускают), не рассуждают о политике и об истории. Они — часть реалий мира (страны, системы), которого больше нет, и мира, явившегося вместо прежнего, но который нельзя назвать новым. Им, молодым и дерзким не находится места, как нет места и для стариков, которые собрались на митинг, прижимая к себе портреты старых вождей. «Союзники» кричат: *«Революция!»*, несут разруху и хаос в ненавистный мир сытых депутатов и «макдональдсов». А вместе с ненавистным

попадают в эпицентр хаоса: служащие, случайные прохожие, улицы, и все на улицах. Все, что попадает на пути — сокрушается напором и силой дерзких молодых.

Конфликт обозначен в первых словах романа: *«Их не пустили на трибуну»* (с. 5).

Далее: *«Саша смотрел под ноги: глаза устали от красных полотен и серых армяков.*

Красное мелькало вблизи, касалось лица, иногда овеивая запахом лежалой ткани.

Серое стояло за оградением. «Срочники», одинаковые, невысокие, вяло сжимающие длинные дубинки. Милиционеры с тяжёлыми, бордовыми от раздражения лицами. Непременный офицер, молодцевато, с вызовом смотрящий в толпу. Его наглые руки – на верхней перекладине ограды, отделяющей митингующих от блюстителей правопорядка и от всего города.

Несколько усатых подполковников, под их бушлатами угадывались обильные животы. Где-то должен быть и полковник, самый важный и деловитый...» (с. 5).

В изображённой картине полно противоречий: красное и серое, от которого устали глаза Саши до такой степени, что он смотрит под ноги. Мелькающие красные полотна с запахом *«лежалой ткани»* и серые армяки *«срочников»*, милиционеров, с вызовом смотрящих в толпу, и митингующей оппозиции — на трибуне, и тех, кого не пустили на трибуну — все в его восприятии; и наглые руки, и вызывающий взгляд офицера, и обильные животы под бушлатами, и важность, деловитость полковника, и аскетичные щёки верховного распорядителя митинга оппозиции — самые разные типы, кажется, собрались в одном месте в одно время, с какими-то своими, целями, и Саша, кажется, один в этой толпе, до конца так и не понимает — ради чего все это происходит, и зачем он сам здесь. Этот площадной, митингующий мир чрезвычайно зыбкий, кажется вот-вот окончательно выбьется из-за ограды и, окончательно превратившись в хаос, выплеснется в город, которому нет дела до оппозиции, митингующих, в город, который пока *«где-то там»*...

Но город не далеко, а совсем рядом. Чуть дальше, за оградой — продолжение хаоса и начало типичной городской жизни: *«зудели и взвизгивали машины, бесконечно раскачивались тяжёлые двери метро, пыльные бомжи собирали пивную посуду, деловито рассматривая бутылочные горлышки. Человек с Кавказа пил лимонад, разглядывая митинг из-за спины милиционеров. Саша случайно поймал его взгляд. Кавказец отвернулся и пошёл прочь»* (с. 6). И нет ничего необычного для городского человека в наблюдаемой картине, но во всем этом — визге и скрежете, пыли, грязи — враждебность и какая-то затаившаяся опасность. Все это вместе взятое в каком-то своём уродливом единстве хаоса стремится поглотить все живое человеческое, что ещё осталось. А *«человек с Кавказа»* - посторонний наблюдатель, пьёт лимонад (вспоминаются строки Ф.М. Достоевского об ананасовом компоте, упомянутом Лизой Хохлаковой в беседе с Алёшей Карамазовым и: *«турки любят сладкое»*), но встретившись взглядом с Сашей, *«человек с Кавказа»* уходит прочь. Что увидел этот чужой человек в глазах Саши Тишина? Кавказец наверняка знает о *«союзниках»*, и понимает, что Саша — один из них. Автобусы со спецназовцами, *«помеченные гербом и зубастым зверем»* с зашторенными окнами, завершают декорации митинга.

Костенко — один из главных сюжетных героев романа, организатор *«Союза созидających»* отсутствует как действующее лицо на уровне фабулы романа, но автор вводит его в повествование с первых строк: *«бывший офицер и, как ни странно, философ, умница, оригинал Костенко впервые вывел на площадь»* четыре года назад *«толпу злых юнцов»*. Толпа, за четыре года пополнилась, выросла и постепенно превращается в реальную молодую, крепкую силу, несущую угрозу системе. Депутат, присутствующий на митинге, приметив на руке Саши Тишина *«красную повязку с*

агрессивной символикой», озабоченно интересуется судьбой Костенко, обращаясь к организатору мероприятия, и ехидное сообщение последнего: «сидит», — явно не успокаивает тревогу сытого и довольного своим благополучием, равнодушного к толпе «защитника интересов народа». Организатор же, даже «с уже некоторым сожалением» сообщает о том, что «пятнадцать лет ему дадут, говорят» (с. 8). Костенко — в тюрьме, под следствием, «его взяли за покупку оружия... а они, его свора, его ватага — они стояли нервными рядами, лица в черных повязках, лбы потные, глаза озверелые.

Непонятные, странные, юные, собранные по одному со всей страны, объединённые неизвестно чем, какой-то метиной, зарубкой, поставленной при рождении» (с. 9). Они — «Союз созидателей», но ещё не наступило время созидать. Колонна «союзников» «с дикой, почти животной радостью» крушила все ненавистное на своём пути, а ненавистным становилось все, что им на пути встречалось.

Порядок, в котором им выпала судьба жить — хуже хаоса, потому что порядок этот мнимый. Их семьсот на площади, они ненавидят правительство, кричат: «Революция!»; они разрушители, революционеры. Их бьют спецназовцы и милиция при задержании за то, что всю улицу «расхерачили... магазины, машины». Принимая побои, они остаются дерзкими. Им нечего терять, кроме свободы в системе, где свободы нет, где нет им места. Блюстители порядка их ненавидят, некоторым хочется их «застрелить прямо сейчас». Люди смотрят на задержанных подростков «с интересом, но большинство со злобой». Обыватели равнодушны к судьбам бунтующей «пацанвы». Подростки ломали город, «город оказался слабым, игрушечным — и ломать его было так же бессмысленно, как ломать игрушку: внутри ничего не было — только пластмассовая пустота. Но оттого и возникало детское ощущение торжества, терпкое чувство преодоления, что все оказалось гораздо проще, чем казалась...» (с. 28). Кому казалось?

Автор-повествователь передаёт внутреннее состояние Саши Тишина, возвращающегося домой, в свой провинциальный город («пятьсот вёрст от столицы») «на перекладных собаках» (так он и его сотоварищи называли электрички). Но подобные чувства, наверняка, переживал не только Саша. Молодняк обретал опыт преодоления, набирал силу. Союзникам требовалось уже что-то новое.

Образ Костенко, кажется, намечен автором в общих чертах, но сам Костенко незримо присутствует во всем романе на духовном уровне. Он демиург, он творец, он создал партию «Союз созидателей». Он воин. В романе нет ни его подробно изложенной биографии, ни характеристики, ни портрета. Известно, что он — бывший офицер, философ, оригинал, собравший союзников со всей страны, сидит под следствием за покупку оружия и ему грозит пятнадцать лет заключения. Показательно театрально представлена повествователем Яна, кричащая команды союзникам на митинге — любовница Костенко. Об этом знает Саша; Яна притягивает, манит его своей женственностью. Она ещё один штрих к образу Костенко. Без Костенко «Союз созидателей» — неполноценный, обезглавленный. Матвей, «принявший руководство партией после ареста Костенко» — наблюдатель «со стороны» за происходящими на площади событиями — таково первое упоминание повествователя о нем. На вопрос Саши о будущем партии, в конце романа (глава 12) Матвей отвечает, что у них нет «ни одного шанса».

Саша Тишин. Родители Саши Тишина: отец — умер, не дожив до старости, — преподаватель вуза, мать — медсестра. Из всех героев Саша наиболее близок автору. Казалось бы, уже в имени его отмечено его предназначение: нести в мир лад,

гармонию, тишь да благодать. Он — один из «Союза созидателей», а значит, — творец прекрасного. Однако, кто он — герой нового века? Его портретная характеристика кратко даётся во второй главе романа. Саша после митинга, погрома, ареста и побега — в электричке, едет домой: *«За окном темло сирое и безрадостное. В стекле отражался он — короткие волосы с упрямым чубом, небритая челюсть, тёмная кожа, лоб в ранних морщинках... Обычное лицо»* (с. 29). Обычный русский парень.

После конфликтных событий в столице Саша заехал домой, в городскую квартиру, уже зная со слов матери по телефону, что *«все они в розыске»*. После этого он едет в родную деревню (где прошли его лучшие годы) *«пересидеть»*.

С Сашей Тишиным связана и тема русской деревни. Из русской деревенской, кажется, затерявшейся в лесной тиши глубинки и фамилия — Тишин. Саша возвращается в родовое гнездо Тишиных. Дорога-бездорожье в заброшенную деревню, сама деревня расширяют фабульное пространство романа. Саша (в своей жизненной (фабульной) реальности) — часть этого лесного, деревенского, крестьянского мира, и этот мир — часть поэтического целого образа героя в поэтической реальности «Саньки». В памяти его воскресает прошлое: детские страхи *«перед тихо наступающей темнотой, деревьями»*, как они косили с отцом, как отец разводил костёр, Саша собирал ветки; вспоминает страх, который испытывал тогда, когда отец уходил с полянки в лес, вздрагивающий костёр, треск сучьев, иронический голос отца, лица отца тогда он не разглядел... Поток воспоминаний охватывает Сашу все больше, по мере его приближения к дорогим сердцу, заветным с детства местам (лес, поляна). Саша погружается в воспоминания, философствует на тему возможности сосуществования одиночества и памяти.

У водителя *«копейки»*, с которым Саша едет в деревню, *«в деревне догнival дом. У Саши там жили дедушка и бабушка, родители отца. Он не видел их год. Ни в осень, ни зимой, ни весной — если только в тёплом сухом мае — в деревню было почти не проехать. Разве что на тракторе. Редко кто отваживался отправиться в дорогу на ином транспорте»* (с. 31). Так автор-повествователь начинает и развивает тему русской деревенской глубинки. Воспоминания Саши сменяются сумбурным копошением мыслей и темой одиночества: *«...В голове копошилось что-то едва различимое. В иные мгновенья он сам удивлённо отмечал это копошение, казалось бы, своих мыслей — скучный сумбур почти не подвластных ему заметок, ассоциаций чего-то смутно отмеченного с чем-то уже забытым»*.

Одиночество, казалось Саше, недостижимо именно потому, что нельзя остаться воистину наедине с самим собой — вне этих отражений, которые оставили в тебе прошедшие мимо, без обильного репья обид и ошибок, и огорчений. Какое может быть одиночество, когда у человека есть память — она всегда рядом — строга и спокойна. «Что за одиночество, если всё прожитое — в тебе и с тобой, словно ты — мороженик, который все распродал, но ходит со своим лотком и, ложась спать, кладёт его рядом, холодный...» — подумал Саша, и сам хмыкнул над собой. «Бред. Какой бред», — сказал голос. Саша опять не ответил, но на этот раз согласился» (с. 31—32).

Одиночества нет. В городе Саша был частью «Союзников» в митингующей толпе, и главное, что было там — бунтарские поступки, восприятие всего происходящего каким-то сторонним взглядом. Возвращаясь к истокам, Саша, обретает родной дух. Воспоминания, копошение мыслей пробуждают в нем философа. Человек жив родовой памятью, Саша — один из Тишиных, последний. Голос цивилизации, звучащий в нем наперекор родовому в нем же, опровергает жизненную правду: *«Бред...»*. И в какое-то

мгновение, наверное, устав от копошения мыслей, от своих же собственных мыслей, отражающих жизненную правду, парень склонен стоять на том, что все это — бред. Фабульный уровень романа — поиск жизненной правды. Городской парень, Саша Тишин спорит с деревенским Санькой. Автор поэтического целого — Захар Прилепин убеждает нас: сила и правда человека, вся жизнь — в глубинном, родовом, в его памяти, в том, что становится началом развития исторического самосознания. О значении и спасительной силе воспоминаний детства для человека в трудные периоды жизни замечательно высказался в своё время Фёдор Михайлович Достоевский. Слова великого русского писателя вспоминаются в защиту философствования Саньки о невозможности человека быть одиноким, потому что у него есть память.

Вернувшись в места, где вырос, Саша *«почти не чувствовал оживления»*. Запустение, грязь, разруха. От представившейся взгляду деревни, было *«уныло и тошно»*, и это состояние Тишин переживал *«уже давно»*. Родительский дом, постройки во дворе, как и вся деревня, ветшают и разрушаются, хозяйство содержать бабушке и деду — уже непосильный труд. Невыносимая тоска пронизывает душу Саши и передаётся читателю. Саша *«огородом»* подходит к дому, *«постепенно погружаясь в неприглядность и запустение»*, вспоминает, как в детстве просовывал руку в *«прощёлок»* калитки и вскрывал засов, волнуется, *«не забыл ли?»*, и шёпотом произносит, подбадривает себя - *«не забыл...»*, и ещё больше нарастает, вскипает душевная боль: *«Не забыл, - ещё раз повторил он вслух, и эта фраза уже ни к чему не относилась, просто надо было что-то произнести, закрывая калитку и двигаясь по двору, среди двух заброшенных немощным дедом сараек и риги. Дальше располагалось стойло, где бабушка уже год как не держала козу, три года как там не было свиней, и десять лет как оттуда увели в последнюю дорожку Доманьку. Из стойла не доносилось запахов жизни, навоза, ни одна мохнатая душа не переступала там копытцами, никто не жевал, шумно дыша и пугаясь Сашиных шагов. Пахло только сыростью и грязью»*.

Саша тоскливо взглянул на дом – маленькие окошки были темны» (с. 33).

Печальные картины настоящего и воскресающие в памяти Саши картины безвозвратно ушедшего счастливого хлопотливого прошлого жизни родной деревни, рода Тишиных одновременно переполняют душу крайне противоречивыми чувствами. Боль автора, отражающаяся в состоянии Тишина, передаётся словами повествователя, заполняет поэтическое целое романа, включая читателя, вызывает чувства горечи и тоски, переживаемые героем. Он раздвоен: Саша Тишин — союзник-бунтарь вновь становится Санькой; Санька возвращается в родной дом, видит разруху традиционного патриархального уклада, и он сам — часть уже рухнувшего и продолжающего рушиться остатка прежнего, родного мира. Он, Саша Тишин — уже и сторонний наблюдатель деревенской разрухи — парень из города, скиталец. И в этом одновременном присутствии в сознании, в душе прошлого и настоящего — его, Санькина сопричастность деревенской, уходящей в небытие жизни, и его же оторванность, его самость. Две жизни, два мира, две картины прошлого и настоящего сошлись, смешались в нем одном, в его рвущейся в клочья от боли, мятежной душе. И в этой боли — чувство собственной вины и злость от бессилия, и обида, и тоска по утраченной Родине, по родным берегам.

Немощь деда отражена во всем, в предметах быта — все рушится, близится к концу жизнь, и нет продолжения рода. Разорвана цепь преемственности поколений, выпало из родовой цепи звено — поколение отцов, нет духовного скрепа между дедами и внуками. И только бабушка, как и прежде, *«сидит на лавочке... — бесстрастно и*

недвижимо» — в прошлом и в настоящем, «сложив мягкие усталые руки на коленях» (с. 34).

«На дороге возле дома стоял ребёнок с хворостиной. Что-то приговаривая, он хлестал хворостиной по луже и шипел, отскакивая от брызг.

Саша сделал ещё полшага.

Да, бабушка сидела на лавочке — бесстрастно и недвижимо. Казалось, она не видит ничего. И поведение ребёнка, его игра, его голос давали понять, что и он не видит, не помнит о сидящей на лавочке бабушке. Бабушка и ребёнок словно находились в разных измерениях.

Улица была пустынна, темна и грязна, как и все остальные улицы деревни. За огородами, поросшими корявыми сорняками, виднелся соседний порядок, еле помеченный редкими жёлтыми оконцами. Солнце заходило, почти зашло.

Ребёнок взмахивал хворостиной и топтался на месте.

Бабушка смотрела, не моргая, поверх ребёнка, поверх огородов, поверх деревьев.

Деревня исчезала и отмирала — это чувствовалось во всём. Она отчленила изрытой, чёрствой, тёмной льдиной и тихо плыла. Зброшенные, вросшие в землю сараи, стоящие вдоль дороги, чернели отсыревшими боками, прогнившими досками. На крышах сараев росла трава и даже кривились хилые деревца, прижившиеся, но не нашедшие, куда пустить корни — под их слабыми корешками располагались холодные, опустевшие помещения, куда, к разбитым крышкам и продырявленным бочкам, заползали ужи, которых никто уже не тревожил. Кусты разрослись и вылезли на дорогу.

Среди всего этого медленного и почти завершившегося распада ребёнок смотрелся странно, стыдно, неуместно.

— Санька... — выдохнула бабушка, когда Саша, сжав зубы, чтобы не развернуться и не убежать огородом, шагнул вперёд, и скинул сумку на землю, и протянул руки к бабушке» (с. 34—35).

Символичны образы бабушки и ребёнка. Бабушка — хранительница народной правды, традиции, до последних дней своих она — на страже разрушающегося очага, ушедшей в прошлое эпохи, эпохи, которая, кажется, остановилась в ней, застыла и запечатлена в её бесстрастности и неподвижности. Ребёнок — будущее. Но между прошлым и будущим нет связи, нет никаких точек соприкосновения. Они живут параллельно, и отсутствие каких бы то ни было жизненных пересечений для них в их жизни — привычка и норма. Пустота, темнота, грязь и заходящее солнце — своеобразный космос героев деревни, через который в разных чертах и деталях просматривается шевелящийся хаос. И трава, растущая на крышах, и неукорённые деревья — свидетельство зыбкости жизни; и ужей — тварей мира скрытого уже «никто не тревожит»; и «сытые и скучные мухи» в отчем доме, и мысли Саши, высказанные повествователем, о том, что присутствие ребёнка во всем этом — «странно», «неуместно» и даже «стыдно» — все это единая целостная картина русской деревни Захара Прилепина, картина, запечатлённая болью автора-творца поэтической реальности «Саньки».

Боль автора в романе персонифицируется в различные формы: боль глубоко переживается Сашей Тишиным, она вызвана всем увиденным им в родных местах; в жизнь бабушки, ребёнка и остальных жителей деревни; боль утраты, боль от безысходности, боль, обусловленная кажущимся героям романа отсутствием смысла жизни. Боль от слов бабушки, вдруг оживившейся при неожиданном появлении внука, особенно остро пронзает душу, когда бабушка «выдохнула» его имя: «Санька», и от

нарастающей силы боли ему хочется «убежать огородом», и он сжимает зубы и протягивает бабушке руки. Желание бежать от боли знаменательно: бежать, устранившись — не видеть разрухи, смерти, не принимать в себя данную реальность по причине своего бессилия что-либо исправить — бежать и от себя самого, предпочитая предать забвению своё первое детское имя. И, кажется, проблемы надо решать не здесь, на месте, а там, в большом городе, откуда герой явился. Здесь же все брошено, забыто, травой поросло, и только безграничная острая боль терзает душу и мучает совесть.

Появление Саши, его неожиданное вторжение в два параллельных жизненных пространства бабушки и ребёнка оказывается событием, объединяющим эти две привычно непересекающиеся реальности: Саша обнимает, целует бабушку, *«прижав её мягкие плечи»*, и ребёнок замечает это, недоуменно смотрит (с. 35). В этой ситуации Саша заполняет пустующее пространство, становится на мгновения звеном, связывающим разорванную цепь поколений.

Бабушка говорит Саньке о нем же самом в третьем лице; она думала о нем — единственном внуке, последнем мужчине рода Тишиных, и ждала его, полагаясь на волю Бога или судьбы, надеялась, что по зову крови, рода он придет, чтобы проститься с умирающим дедом. *«Дед плохой, — по словам бабушки, — до сентября не доживёт...не встанёт, исть не хочет, только водички попьёт...»* (с. 35). Причина недуга деда — в его отношении к жизни. В бабушкином слове о деде: *«помрЕт — «беззащитность», «обречённость» и «увядание»*. Бабушка не ругает и не упрекает внука, и только *«малосильная укоризна»* чувствуется в её родном голосе (с. 35).

Бабушка говорила о сыновьях. Что именно говорила она Саньке о них — известно на фабульном уровне; автор-повествователь не сообщает прямой речи. Читателю известно, что «у неё было три сына». Образы покойных братьев Тишиных воскресали в словах, пережившей их старой матери. В её и в Сашиной памяти оживало прошлое, часть и продолжение которого — Санька. Смерть каждого из братьев преждевременна и трагична. Они уходили из жизни друг за другом в обратной последовательности, начиная с младшего брата, который пьяный *«разбился на мотоцикле»*. Средний погиб в пьяной драке. Отец Саши *«был самым образованным в семье, преподавал в университете, но тоже пил, причём под конец пил настойчиво, почти беспробудно»* (с. 36). Три брата Тишиных умерли от водки. И кажется, виной тому — горемычная деревенская жизнь. Судя по запечатлённому образу всей деревни, погибшие из-за пьянки брата Тишины — не исключение. Однако старший из братьев, отец Саши жил в городе, преподавал в университете, но *«пил настойчиво, почти беспробудно»* — значит не деревенская жизнь — причина пьянства?

Бабушка, убитая горем, готовая пройти *«тысячу дён, босиком, в любую зиму, чтобы сыночков увидеть своих... Ничто не говорить, не трогать, просто увидеть, как дышат...»* (с. 36), недоумевает, неужели в книгах, которых Васька, отец Саши, *«несчётно перечитал»*, нигде не написано, *«что умирают от водки?»* (с. 42). Воспоминания Саши об отце связывают деревенскую тему с городской: полтора года назад он привёз отца в гробу. Тяжёлым испытанием была та поездка для Саши, а для его умершего отца — возвращение в родную землю. Примечательны слова автора-повествователя и о том, что Сашин отец перенёс операцию на сердце, но умер от водки, а пить начал после смерти младшего брата. Рассказ о прошлом деревенской жизни, о судьбе отца Саши, младших братьях отца, бабушки и дедушки — в памяти живых — Саши и его бабушки.

Дедушка занемог, и одиночество с каждым днём подтачивает его силы: *«дед раздумал жить»* после смерти последнего из сыновей. Автор-повествователь

характеризует состояние: *«В голове деда не возникали отсветы прошлого. Не было воспоминаний о том времени, когда он, молодой ударник, работал на комбайне, и о том, когда он, красивый офицер, командовал орудием. Ни почти трёхлетний плен не вспоминался, ни послевоенное житье. Не было ясности, доброй памяти. Были отзвуки, недоговорки, обмылки воспоминаний, ни одна мысль не находила своего завершения, всё покачивалось, будто в тёмном вагоне, с мигающим, почти бессильным светом, и где-то голоса невидимых спутников, и позвякивает посуда, и проводника нет, и что-то невнятное мелькает за окном.*

Дед прислушивался, но ничего не мог разобрать.

Прошла бабушка, заметил дед. И опять он ничего не смог подумать ни о ней, ни о себе, ни о ком. Нечего было решать, и ничего не решалось само. Всё истекло и отмелькало. Накатывало бесцветное. Редко капало оставшееся на дне...» (с. 43). И невольно возникает вопрос: куда уходит, исчезает то, что какое-то время является человеческой памятью?

По дороге в деревню Саша думал о том, что память не позволяет человеку быть одиноким. Деревенская жизнь с приездом Саши тревожит память и его, и бабушки, которая, встретив внука, в очередной раз передумывает все, чем полна её душа, что ещё питает её жизненные силы. И Саша знает до мелочей все, о чем думает бабушка, что расскажет она ему о своих сыновьях, о жизни деревни. Последние деревенские новости о спившихся и умерших за последнее время односельчанах дополняют её предыдущий рассказ. Бабушка живёт, потому что дед нуждается в ней. Пережив сыновей, она жива памятью о них и пониманием своей необходимости в этом мире пока жив дед, у которого, память сменилась одиночеством.

Дед не имеет *«строгой памяти»*, потому что он *«передумал жить»*, *«в голове деда не возникали отсветы прошлого...»*. Дедово беспамятство — противоположность *«строгой памяти»*, не позволяющей быть одиноким — памяти, о силе которой думает Саша по дороге в деревню. Память больно жалит, от этого душе невыносимо больно, но без этого нет жизни. Одиночество и память. Эти два понятия сталкиваются в сознании Саши, в жизни бабушки и деда. На сюжетном уровне романа память и одиночество — конфликтные явления человеческой жизни.

Памятью и одиночеством переполнена душа бабушки. Её *«почти невысказанное одиночество»* слышит Саша в её словах о сыночках, оно *«огромное, но лишённое эха, — оно не отзывалось ни на какие голоса»* (с. 36). Саша вспоминает общеизвестные слова о том, что *«внуков любят больше, чем детей»*, и говорит себе, что это неправда. Бабушка любила своих сыновей, Саша был ей напоминанием о её семье в прошлом, но *«она не в силах была наделить Сашу чертами его отца, почувствовать в нём свою — отданную сыну и проросшую во внуке кровь. Саша был отдельным человеком, почти уже отчуждённым...»*

Очень редко бабушка взглядывала на Сашу с надеждой, что покойный сын проявится в облике внука, подаст знак, но тут же осекалась: «нет, не он...»

Саша это понимал и принял тихую, почти не осязаемую, тоньше волоса, отчуждённость бабушки спокойно. Не осознав это рассудком, втайне от самого себя он чувствовал, что так — в некоем отчуждении от бабушки — ему легче здесь находиться. Когда у каждого в сердце своя беда, касаться этим сердцам, может быть, и незачем. Разве надо идти за предел того, что и так едва выносимо.

Дедушка же и не собирался больше ничего терпеть, торопился к детям» (с. 43).

Отчуждённость бабушки — тихая и тонкая, уловима сердцем Саши, потому что ему самому она понятна и переживаема им. Конечно же, бабушка любит внука, но

между собой и внуком — живыми, она оставляет неприкосновенным и оберегает в своей душе, в своей памяти чувственное пространство для сыновей, которые должны были жить. Она ищет в облике Саши черты сына, но при этом сердцем опасается, что Сашины черты закроют собой черты Васи — старшего из сыночков, которые забыть она не имеет права, их забыть нельзя. И эта внутренняя борьба чувств, и память, и одиночество возводят барьер отчуждённости *«тоньше волоса»* — дань любви живым в её душе образам её умерших сыновей.

За словами бабушки, её *«почти невысказанным одиночеством»* — *«чёрный ужас»*. При этом она говорит спокойно. И её горькая память, и *«невысказанное одиночество»* и *«чёрный ужас»* удивительным образом сосуществуют в ней, и она вся сама — сочетание памяти, одиночества и ужаса. Ужас становится объединяющим одиночество и память. Кажется, этот *«чёрный ужас»* выходит за пределы естества, жизни бабушки, ширится в пространстве деревни, становится всеобъемлющим. И в этом всеобъемлющем *«чёрном ужасе»* — *«невысказанное одиночество»* не только бабушки, но других ещё живущих какой-то неестественной, призрачной жизнью крестьян заброшенной деревни.

Слова автора-повествователя дополняют тему чёрного ужаса, какого-то всеобщего одиночества и заброшенности, богооставленности: *«Совсем стемнело. Деревня была безмолвна.*

Ребёнок ушёл. Возле лужи лежала его хворостина.

Сигарета дымилась. Пепел не падал.

Мимо протопал пьяный, захиревший мужик, не обратив на Сашу внимания» (с. 38).

Саша садится у постели деда, дед говорит с внуком, в полной мере осознавая своё положение, в голосе его *«подрагивала стариковская ирония»* и жалость. Как много смысла кроется за словами — *«стариковская ирония»*... и жалость... жалость к внуку, к живущим. В немногословном обращении к внуку, готовящегося к смерти деда — великая трагедия русского человека, русской деревни, России.

Деревня кажется проклятым грязным местом — то ли оттого, что Богом забыта, то ли жители её сами отпали от Творца. Автор-повествователь сообщает, что деревенские жители к последним годам жизни прежней власти подкопили денег, покупали детям мотоциклы, и те, ездили пьяными, разбивались насмерть. Это говорит о многом. Такого рода баловство родителями детей и пьяные смертельные забавы деревенской молодёжи — не признак культуры. Достижения цивилизации разрушают вековые традиции и оказываются губительными для народа. Времена эти наступили, когда Саша был ещё ребёнком. В памяти его: у деревенского магазина, куда он бегал за хлебом — женщины в черных платках, разговаривающие друг с другом о своих погибших детях. Не война, не эпидемии, не природные катаклизмы становятся причиной горя, а сами родители, их безответственность, глупость, неправильность жизни.

Саша просыпается в деревенском родительском доме, и в памяти его воскресают счастливые солнечные мгновения детства: *«гимн в шесть часов утра по радио»*, *«бабушкины каравайчики»*, *«необыкновенно вкусный, сладкий молочный суп»*. Картина воспоминаний детства сменяется реалиями настоящего, в котором радио *«засипело»* в шесть утра (а когда-то *«избу сотрясал гимн»*) и Саша прислушивается к дыханию умирающего за стеной деда. Мгновения счастливого детства Саньки, воскресают в памяти Саши, и горькое, больно ранящее душу настоящее тесно сплетаются в его душе, составляют личностное целое — на жизненном (фабульном) уровне романа и поэтическое целое героя на уровне сюжета.

Семейный иконостас с фотоснимками на стене, где нет ничего незнакомого, нового, каждый образ, каждая деталь которого навсегда запечатлена в памяти Саши, вновь притягивает его внимание, и он с любовью разглядывает старые фотокарточки, на которых запечатлены лица родных людей, ушедших из жизни, товарищей, знакомых дедушки и бабушки, фотокарточки, по которым в памяти воскресает, поднимается из прошлого вся история жизни рода Тишиных, эпохи, страны: 1933 год, 1938 год, 1942-й... На одной из фотокарточек — и сам Саша, четырнадцатилетний подросток, со временем потерявший в городе «яркий, редкий, «аляной» окрас» (с. 47). Теперь он один — «хранитель малого знания» о жизни людей, образы которых запечатлены на черно-белых фото. Все уходит в прошлое, предаётся забвению, память живёт в народе, в потомках рода. Нет продолжения рода — исчезает память, знание о семьях, родах, народе. Народ исчезает.

Деревенская картина нового дня запечатлевается в памяти Саши. Все кажется неизменно застывшим: общее «отсутствие признаков жизни», и лужи, и «вчерашний мальчик, с хворостиной в руке», и в сердце — пустота такая, что оно не щемит от вида ребёнка в мёртвой деревне. От грязи и серости яичница, приготовленная бабушкой на завтрак, кажется неестественно яркой, как живая, и радостной, и Саше вдруг подумалось о том, а что если бы заставить стариков рисовать — насколько бы яркими были их рисунки, по сравнению с детскими: «такие же яркие»? Дети и старики, начало и конец рода, жизни, народа. Дети и старики естественны, правдивы, лишены фальши, они — носители правды. И, пожалуй, ирония — первая отличительная черта стариков по сравнению их с детьми, стариковская ирония обусловлена жизненным опытом.

Воображаемая картина яркой яичницы с кабачками приглушается всегдашней суровостью хлеба и туманящимся самогоном, Саша помнит цену хлебу. Каждая деталь жалит сердце, а память снова и снова возвращает в детство. И он идёт с детства знакомыми, но заросшими тропками, вспоминает, заново переживает свои детские страхи. «Вспоминая себя, свою жизнь, Саша только того мальчика и любил, темноногого, в царапках. Потом, выпростав белую шею, из этого малыша вымахала белотелая, ссутулившаяся дурнина, глупо ухмыляющаяся и несущая прочие подростковые приметы. Саша не вспоминал свою подростковую пору, всегда обходил её стороной. Суетливый, задиристый, неприятный – хочется разве вспоминать такого» (с. 51).

Вместе с памятью оживает, напоминает о себе деревенская порода. Сам он замечает, что мысли вдруг иначе воплощаются в язык: и бабушкино «нешто» пристало, и цвет волос в детстве иначе не назовёшь, как «аляной». Саша ощутил в себе, почувствовал проявление деревенской породы, и оправдывал своё «заигрывание» с ней, как с «давно сошедшей на нет». Об этом говорит внутренний голос Саши. Теперь Саша другой. Как воспринимает он себя настоящего? Автор представляет героя в постоянном действии (в столице или в родном городе). А деревенская порода (о ней иронизирует Саша) народная исчезнуть не может, она — святыня под спудом, спит до поры, и однажды прорвётся, заявит о себе беспощадным русским бунтом или покаянием и смирением, воскресением нового человека.

Поступки и мысли Саши, его одиночество и память, и душевная боль — основа сюжета романа. Перед читателем — вся жизнь его, одного из «Союза созидателей», собранных из уголков всей страны Костенко — философом, бывшим офицером, парней уже подросших, вступающих в зрелость, неудобных правящей власти, представляющих ей угрозу и во имя торжества справедливости готовых пожертвовать собственной жизнью.

Сашино пребывание в родной деревне заканчивается посещением Тимохиного угла и самого потайного места — бетонной плиты на берегу, сползающей одним концом своим с берега в реку и обросшей развесистыми кустами. Тимохин угол — красивый тихий пляж. С этим местом связаны самые сокровенные воспоминания. Воспоминания об отце, с которым любил бывать здесь, и начинал постигать жизнь, и не только об отце. Первые детские впечатления: красота и сила родной природы — расширяющаяся, с резким поворотом река, образующая угол, загадочная история отшельника Тимохи, неизвестно почему жившего когда-то возле реки, и однажды утонувшего, и светлая память о нем в народе, назвавшем его именем *«красивый тихий пляж с белым, аляным песком»*, Сашины детские мысли о судьбе Тимохи и вопросы, возникающее в голове маленького мальчика, на которые так и не нашлось ответов, купание, солнце, непонятная мальцу, полная секретов, взрослая жизнь *«крепких парней»* и *«ладных красавиц»* — все это, кажется, хранит не только память Саши, но и память реки и память речных берегов, и оттого это все — родное Саньке, Саше Тишину — и его знание об этой общей памяти, и сама река, и её берега, и небо, и лес, и деревня с живущими и когда-то жившими, но ушедшими в мир иной людьми.

Общую память имеют человек и родная ему природа, родные места, питающие жизненными силами. При виде бетонной плиты Саша испытывает *«тоскливый спазм в сердце»*. Она напоминает ему *«упавший надгробный памятник»*. В *«некрасивых царапистых кустах»* трудно найти место, *«где можно было присесть, спокойно потосковать»*, и вода в реке оказалась холодной, и подводная глина — *«осклизлая, как стариковская десна, и ужасно холодная»* (с. 54). Дорогие сердцу, заветные места не наполнили живительными силами, а отнимали последние силы, и Саша драл с корнями, *«дурную, упрямую поросль»*, бросал в воду. Траву вырвал, но *«пляж не стал ласковым и чистым, как в детстве, нет»*. Душевная боль, тоска усиливается, нарастает и становится до такой степени невыносимой, что Саша спешит уехать, так и не побывав на могиле отца.

Бабушка, молча, приняла решение внука, только спросила — был ли он на могилке отца. Ложь Саньки приняла за правду. Ей и ответ-то не нужен, она сама уже в мире земном наполовину — пока дед ещё не умер. Она — приготовившаяся в путь, к своим сыночкам, — странница, уже безучастная к судьбе и Саши, и деревни, и всего мира.

Память о счастливом прошлом, незабываемые воспоминания детства дают человеку силы жить и бороться. Память о счастливом прошлом возвращает домой. Посещение родных мест не питает живительными силами, не исцеляет душу, а бережит душевные раны, вызывает невыносимую боль в ответ на то, что человек уходит, за то, что безответственно оставляет отчий дом. С этого начинается предательство Родины. Саша Тишин приезжает в деревню пересидеть угрожающую ему опасность, возвращается в родной дом, когда ему плохо. И деревню он покидает, не заботясь, не думая о стариках, не простившись с дедом. Скиталец бежит от себя самого, неприкаянный, и нет ему места, нет покоя, а берега его родной реки уже поросли высокой сорной травой.

Одиночество, память и боль — составляющие конфликта героев «Саньки». Конфликт проявляется в противостоянии одиночества — памяти: одиночество невозможно, если есть память. Каждый переживает это по-своему. Верочку (подругу Саши) впечатлил случай из маминого детства: будучи в пятом классе, наугад, ткнула карандашом в карту, попала в Кавказ, придумав адрес, написала письмо девочке, познакомились со сверстницей, долго переписывались и ездили друг к другу в гости, пока не родилась Верочка: *«Была страна»*. Дочь помнит об этом, а мама, по словам

Веры, теперь ее ненавидит, причиной чего, очевидно, является память дочери об этом и ее поступки, обусловленные силой этой памяти. Верочка рассказывает этот жизненный эпизод, когда Саша спрашивает, что привело ее в партию. И Саше кажется, Верочка *«ответила правильно»*. Очевидно, суть правды в ином (ее подразумевает автор): мать помнит, ничего не забыла. Но у нее и ее дочери — разная память, разных поколений о стране, которую они потеряли.

К проблеме деревни автор обращается и в конце романа. Саша с товарищами отправляются в деревню на несколько дней *«пересидеть»* опасность, переждать, пока снимется острота конфликтной ситуации, которая возникла у *«союзников»* с властью. Обострившийся конфликт разрешается устранением *«союзников»* (аресты, смерть). Саша, Олег, Матвей, Венька и Вера на старенькой «Волге» Олега уезжают из города. Саше думается о том, что бабушка накормит их и обогреет (рефлексия давно ушедшего детства): *«Саша представил, едва сдерживая улыбку, как им хорошо там будет: накормленные, в тепле, гулять пойдут, на санках кататься... а что? ... Избу починят.*

«На могилу к отцу друзей схожу... Покажу ему, какие у меня друзья... Выпьем на могилке... Деду поклонюсь, ни разу у него не был. А? Господи, довези нас!»

Саша дрогнул сухим сердцем, вспомнив, как спрашивал, много ли нужно ещё до ада...

«И теперь к тому же Господу пристаешь: довези?»

«Ни о чём не прошу. Ни о чём», — ответил» (с. 297).

Потребность в защите — глубинная потребность в родном доме, необходимость возвращения к истокам, к тому, без чего не может быть продолжения истории народа, жизни. Каждое поколение должно потрудиться на ниве жизни ради общего блага, продолжить традицию рода, народа. Деда — последнее из поколений, не отпавшее от традиции. Поколение отцов и поколение Саши — отщепенцы, и расплаты не избежать: кто умирает молодым, а кто скитается неприкаянным.

Внутренний голос Саньки вызывает к Господу, и Саша ловит себя на этом вопрошании, сам себя перебивает: *«Ни о чем не прошу. Ни о чем»*. Жизненные трудности были сравнимы с адом, и неоднократно, очевидно, Саша обращался к Всевышнему с вопрошанием и надеждой. Но надежды больше нет, и сердце Саши *«сухое»*. Герои романа живут в адской действительности, и создатели ада — сами люди, сбившиеся с праведного, пути. Кажется, что-то рухнуло во всем мире, что-то пошло не так. Господь не слышит человека, потому что он в своей жизни не оставил Ему места. На уровне жизненной (фабульной) действительности романа это остается сокрытым. Саша и его товарищи — в поиске земной правды, ускользающей и непостижимой.

В деревне, в избе, где *«союзникам»* пришлось остановиться на ночлег, внезапно из какого-то укромного угла дома, появляется дедушка — тихий, спокойный, почти гость в мире живущих: *«Дверка открылась, и появился дедушка, маленький, со спутавшимися белыми волосами, с лицом готового заплакать ребенка*

«Прямо лесовичок какой-то», — подумал Саша. (...)

— Давно делегации у нас не было, — сказал дедушка. — Бывалочь, каждую неделю по три раза приходили, начиная с ноября и до мая. Не то перехоронили всех стариков? Не к кому ехать теперь?» (с. 301). Старость и детство возникает в сознании Саши в одной связке, как и во время предыдущей его поездки в деревню: бабушка и ребенок, мысли о возможности схожести в яркости рисунков детей и стариков. Дедушка напоминает Саше лесовичка; деревня в лесу; владения лесовичка, должно быть, просторнее, чем домового. Души ушедших поколений деревни, кажется, связаны с лесом. Лес. Умирающая русская деревня. Река. Тимохин угол. Одиночество. Память.

Дедушка говорит, говорит правду. Просто. Тихо. Мудро. На его глазах происходило многолетнее предательство детьми и внуками своих предков. Оставив отчие дома, и став городскими, дети крестьян приезжали в деревню в гости да хоронить стариков. Выходцы из крестьян, они хоронили родную деревню, или уже их дети привозили их же гробы на родные деревенские кладбища (Саша Тишин во время своей первой поездки в деревню *пересидеть* вспоминает, каким тяжелым был его путь в деревню с гробом отца в зимнее бездорожье).

« — Только что-то много вас, — сказал дед... (...) — А? Милки? Не к могилкам добираетесь, а как бежите куда. Я всё жду, когда вы все побежите в деревню, всем народом городским: близится срок-то. Не горит там ничего пока, в городе? Скоро загорится.

— Бог-то уже совсем к нам свесился, в лицо заглядывает, а мы всё никак его не разглядим. Бывалочь, когда в деревне согрешит кто, Бог долго думал, годы и годы, наказать аль нет. А то и на деток грешника откладывал наказание. До самой смерти грешника ждал, что тот исправится. Вот как было: пока вера была человечесьей породе. Теперь сразу себя выказывают Господь: как бывалочь отец ложкой бил сопливым пострелам за столом, когда наперёд старшего лезли в чугунок за картошкой, так и он. Господь нетерпеливый стал: знать, устал от нас. Раз знак подаст, поставит вешку, два, на третий раз оглоблей по хребту, напололам ломает... Приметили это, милки? — старичок обвёл собравшихся взглядом. — Не было у вас вешок по пути?» (с. 302).

Поступки «союзников» — движущая сила развития сюжета романа, они всегда в действии: митинги, разбой, оказание сопротивления представителям силовых госструктур, побеги, подготовка и осуществление антигосударственных акций, исполнение особых заданий. Герои Прилепина активны, немногословны, кажется, им и размышлять-то некогда. Но тем более значимы фрагменты поэтической реальности: кратковременные размышления Саши об одиночестве и памяти, его воспоминания детства; слова бабушки; незабываемая речь дедушки о судьбе умирающей русской деревни, с которой неразрывно связана судьба всей России.

« — Я весь чай выпил давно, весь хлебушек прожевал. Теперь чужой чей-то ем. И говорю вам: скоро побежите все, как поймёте, что от вас устали. Но бежать будет некуда: все умерли, кто мог приютить. В сердцах ваших все умерли, и приюта не будет никому... Думают сейчас, что Русь непомерна во временах, вечно была и всегда будет. А Русь, если поделить всю её на мной прожитый срок, — всего-то семнадцать сроков наберёт. На семнадцать стариков вся Русь делится. Первый родился при хазарине ещё. Умирая — порвал пуповину второму, что родился спустя семь десятилетий. Третий Святослава помнил... Пятый в уособицу попал, шестой — татарина застал... Двенадцатый в смуту жил, тринадцатый при Разине, четырнадцатый при Пугаче... Так до меня дошло быстро: семнадцать стариков — всего ничего. Нас всех можно в эту избу усадить — вот те и вся история... Мы-то в юность нашу думали, что дети у нас будут, как сказано было, - не познавшие наших грехов, а дети получились такие, что ни земли не знают, ни неба. Один голод у них. Только дурной это голод, от ума. Насытить его нельзя, потому что насытятся только алчущие правды... Вы там в церкву, говорят, все ходите. Думаете, что, натоптав следов до храма, покроете пустоту в сердце. Люди надеются, что Бога приручили, свечек ему наставив. Думают, обманули его. Думают, подмяли его под себя, у кого насколь когтей хватает. А откуда им, глупым, знать, что Он задумал, что по Его воле, а что от попустительства Его?.. И печаль не в том, что ничтожен человек,

а то, что он зол в своём ничтожестве. Чем больше замечает, что другие его ничтожество видят, тем злее становится... Нету выхода вам больше так» (с. 303).

Это приговор, правда русского народа, сказанная одним из последних его представителей — заблудшим потомкам. Кратко, в нескольких предложениях — вся история России (17 стариков) и нравственный облик детей, не знающих ни земли, ни неба: оставили Землю-Матушку, забыли Отца Небесного. «Голод от ума» — характерная черта, мешает быть «алчущими правды», высшей правды. Со слов дедушки ясно, что правда постигается не умом, а сердцем. Но в сердце — пустота, человек «зол в своём ничтожестве». Этот путь тупиковый. Так дальше продолжаться не может. Дедушка произносит речь не в первый раз, что очевидно по усмехающемуся на его «философию» хозяину дома (вероятно, зять). Старик уходит тихо. В пространстве, среди присутствующих, едва уловим, он исчез так же внезапно, как и появился.

Так дальше жить нельзя, но кто виноват в том, что дети «получились не такими», как было сказано и как думалось их родителям? И ответ — в этом же высказывании старика о замысле Бога и о Его попустительстве. Человек самонадеян, горделив, богоотступник, и горе — всему роду человеческому, не знающему покаяния.

В словах дедушки — правда всех поколений русского народа, правда надмирная, выше правды земной. После ухода дедушки (с глазами то ли смеющимися, то ли плачущими) автор-повествователь поспешно переносит внимание читателя на решение бытовых проблем: появление ласковой хозяйки дома, отогреть ноги в горячей воде, замена сырых носков, сковорода картошки. Из века в век простые нужды остаются для человека неизменными. Только Бога люди забыли и отделились от земли.

Дедушка, его слова — не заполнение пустоты, не анекдот. Повествователь называет его не иначе как «дедушка» — уважительно ласково, Саша мысленно сравнивает его с «лесовичком». И когда, после высказывания дедушка был негрубо выпровожен хозяином избы из горницы, а располагающиеся гости собирались к столу, Саша вспомнил: «дедушку пригласить»? И хозяин позвал, заметив: «Как же без деда-то?» (с. 304). Только тот больше не сказал ни слова, ел мало и скоро ушел. Не вышел он и когда уезжали гости, и «в окошко не смотрел» (а им, конечно же, хотелось еще хоть раз, уезжая, соприкоснуться с высшей правдой, носителем которой он был). Образ дедушки, его слова глубоко затронули чувства гостей, проникли в души, обожгли, хотя повествователь достаточно лаконичен: Саша заметил грусть Позика, склонился к нему с вопросом, а тот грустил, думал о цветах, которые забыл полить. В простых житейских заботах — суть жизни. И дедушка, и его речь, и весь традиционный деревенский уклад, частью которого оказались Саша и его товарищи, остановившись на ночлег в первой на их пути избе — напоминание о временном и вечном.

Хаос, конфликты города, страны на какое-то время отделились. Из лесной деревенской глубинки все виделось и чувствовалось иначе до тех пор, пока не узнали утром телевизионные новости, которые напомнили ребятам о событиях, к которым в определенной мере был причастен каждый из них. «Союзники» возвращаются в город, в разрастающийся хаос.

Прорасти в душе зерно народной правды, посеянное дедушкой, Саше Тишину, кажется, так и не удаётся. Какая-то неведомая разрушительная сила уже не оставляла времени для покаяния и исправления жизни, и все, что происходило — было неуправляемо и необратимо. Где она — конечная цель в стремлении достижения правды земной? В чем суть земной правды? Где ее начало и конец? Как отделить ее от зла? Жертвы, кровопролитие, смерть не приближают победу. Чувства притупляются. Приходит усталость:

«Саша сел на подоконник, положив автомат на колени.

«Приморозило как, — думал устало. — Оттаает, и грязь потечет...»

Выставил левую ладонь. Было странно, что снежинки облетали её, не попадали на горячую кожу и резкие линии, прочерченные в ладони.

Расстегнул куртку, китель... Извлёк нательный крестик, положил в рот. Сначала он холодил язык, потом стал теплым. А потом — пресным.

В голове, странно единые, жили два ощущения: всё скоро, вот-вот прекратится, и — ничего не кончится, так и будет дальше, только так» (с. 349).

Сопричастность вечности наступает неожиданно вместе с усталостью, когда автомат – на коленях и мысли — о самом простом: «Приморозило... оттаает... грязь...», и левая ладонь с резко прочерченными на ней линиями, и горячей кожей, на которую почему-то не попадали снежинки, а облетали, — символ человеческой жизни — трепетной и вдруг чрезвычайно хрупкой... Каждое движение Саши символично; он все дальше отдаляется от мирской суеты. Все, чем был движим вперед и чем жил — отошло, отступило, забылось. Ничего не осталось, и только: «...нательный крестик, положил в рот. Сначала он холодил язык, потом стал теплым. А потом — пресным». Автор-повествователь ничего не говорит о мыслях Саши, да их и нет. Нет страстей, протеста, бунта. Саша Тишин смиренно несет свой крест, «русский мальчик» персонифицируется в тишину, в снежинки, в какой-то неведомый ему ранее, уносящий его поток, в котором роковыми нитями жизни всех поколений русского народа связано временное и вечное: «В голове, странно единые, жили два ощущения: всё скоро, вот-вот прекратится, и — ничего не кончится, так и будет дальше, только так».

Примечательно, что в начале романа в качестве основного конфликта, кажется, автор представляет разрастающийся конфликт «союзников» и правящей в стране власти. Автор стремится показать борьбу молодых бунтарей, растущих и крепнущих в своей массовости и организованности. И Захару Прилепину — автору романа «Санька» это удастся. Однако движущей силой развития сюжета оказывается Саша Тишин, а основным конфликтом среди множества конфликтов, изображенных в романе, является несовпадение главного героя с самим собой — Саши Тишина с Санькой, что очевидно не только на уровне сюжета, но переживаемо самим Сашей. Оставаясь наедине с самим собой, он ведет внутренний диалог, отделяет себя в настоящем от себя в прошлом. Не раз, очевидно, обращался с вопрошанием он и к Господу. История Саши Тишина — его путь к себе, возвращение к истокам, хотя им и неосознанный. Он и его товарищи — борцы за социальную справедливость, искатели правды. В их представлении, прежде всего, необходимо уничтожить врагов — источник несправедливости, но этот путь разрушающий и разрушительный для них самих. Извечная история, ничего оригинального.

Роман Захара Прилепина «Санька» — поэтическое высказывание истинно русского писателя, знающего, искренне любящего народ, сыном которого является он сам. Только русской душе доступно столь глубокое проникновение в понимание русской деревенской глубинки — души России, где рождаются люди с пламенными сердцами, герои, жаждущие справедливости и готовые ради достижения этой справедливости пожертвовать собственной жизнью. Каждый русский человек неразрывными нитями связан с судьбой своей родной земли, своего Отечества, и горе тому, кто, оставив отчий дом, возвращается в него только как гость или слишком поздно — на пепелище. О самом сокровенном — глубокие, пронзительные слова правды русского народа автор произносит устами дедушки. Люди превратили жизнь в ад. Забыли Бога. Дальше так нельзя жить. Пришло время покаяться. История Саньки —

один из вариантов любимой в русском народе евангельской притчи о Блудном Сыне, осознанно или неосознанно представленной русским писателем XXI века Захаром Прилепиным. Возможно, это тот случай, когда автор романа не знает то, что знает его душа, но истинно русская его душа и сказала нам истинно русское слово, каковым является роман, созданный в контексте отечественной литературной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прилепин З. Санья. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. — 349 с.

Поступила в редакцию 01.03.2018 г.

IN SEARCH OF TRUTH (TO THE PROBLEM OF ARTISTIC CONFLICT IN THE NOVEL “SANKYA” ZAKHAR PRILEPIN)

I.I. Chuprina

In the article the author deals with the problem of artistic conflict. The novel as a poetic expression of the author-Creator is a way to resolve internal conflict. The conflict at the level of the plot and as a subject of representation in Zakhar Prilepin's novel "Sankya" is considered. The artistic word of the author-narrator and the characters' actions contribute to the development and the resolution of the conflict. An act is not only an act, but also a word-expression.

Key words: novel, word, conflict, artistic conflict, subject, plot, poetic whole, character, memory, solitude, peoples.

Чуприна Ирина Ивановна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: avesta93@mail.ru.

Chuprina Irina Ivanovna.

Candidat of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Russian Language
Department

E-mail: avesta93@mail.ru.

УДК 81'42

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ДЕМОТИВАТОРОВ О ДОНБАССЕ

© 2018 . Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата. Освещены вербальное и невербальное влияние демотиваторов на состояние реципиента. Сам жанр демотиватора можно считать прецедентным феноменом, то есть регулярно воспроизводимым и хорошо известным всем представителям социально-культурного пространства. Особое внимание уделено проблеме понимания текстов через выведение имплицитного смысла высказывания

Ключевые слова: поликодовый текст, креолизованный текст, когнитивный подход, демотиватор, интернет-коммуникация

В последнее десятилетие внимание ученых все больше приковано к изучению поликодовых (креолизованных текстов). Широкое распространение новых видов таких текстов, особенно в пространстве Интернета, делает эту научную тематику особенно актуальной. Креолизованный текст может быть описан как «текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [6, с. 180-181].

Интернет-общение привело к нейтрализации оппозиции устной и письменной речи, тем не менее в последнее десятилетие исследователи отмечают возросший интерес к невербальным средствам, сопровождающим письменную речь. В большинстве своем это касается средств визуальной информации. Можно отметить, что использование изображений в сфере речевой коммуникации отвечает потребностям современного общества. Информационная емкость и прагматический потенциал подобных явлений формируется за счет синтеза вербальных и невербальных средств компонентов текста. Обращение к креолизованным текстам объясняется тем, что их интерпретация представляет особый интерес для адресата с точки зрения познания. Учитывая тот факт, что любой монолог по своей природе диалогичен, следовательно, реакция адресата является неотъемлемой частью вербального или невербального общения. «Создавая или воспринимая высказывание в процессе коммуникации, каждый человек, прежде всего, опирается на свой опыт и знания о мире, соотнося сказанное с действительностью и производя мыслительные операции по выявлению смысловых ядер текста» [7].

Важным условием успешного общения является умение адресата понять интенцию говорящего, проникнуть в самую суть высказывания. Современная реальность представляет собой синтез объективной реальности, картины мира, личной и социальной жизни с медиапространством. Поэтому проблема понимания и восприятия в современном обществе у представителей различных лингвокультур является крайне актуальной. Доминирование в современном интернет-пространстве визуальных образов можно считать попыткой преодоления речевых барьеров. С этой позиции представляется возможным рассматривать особенности донецких региолектов, а точнее когнитивно-региолектного мышления, выраженного в устойчивых образах жителей Донецкой области, их характера и современных условий. Основным

постулатом когнитивной парадигмы является утверждение о том, что знания хранятся в памяти не хаотично, но организованы с помощью определённых структур. Для понимания текста человек строит его единичную ментальную модель, которая в процессе конструирования постепенно расширяется, дополняется и оценивается индивидом [4]. В процессе понимания носитель языка проходит через сложный процесс анализа-синтеза многочисленных структур, причём на нескольких уровнях одновременно. В результате пошаговой обработки текста сначала на уровне поверхностного кода, потом на уровне «текстовой базы», а затем на глубинном уровне конструируется «модель ситуации» как конечный продукт понимания текста [8]. Соответственно, предметом когнитивных исследований креолизованного текста становятся репрезентации, возникающие и активируемые в сознании в процессах коммуникации с помощью как языковых, так и паралингвистических средств.

Интернет-коммуникация не просто дополняет вербальное сообщение визуальными образами, а направляет восприятие в соответствии с требованиями и веяниями массовой культуры. Поэтому активное использование креолизованных текстов в социальных сетях представляется наиболее эффективным средством преодоления языкового барьера и создания новой медиареальности.

Интернет – идеальная среда для создания и развития смеховой стихии. Поэтому вопрос о том, почему одному человеку что-то кажется смешным, а другой остается к этому равнодушным, представляется наиболее сложным и в то же время интересными и актуальным. М. Минский отмечает, что «самым общим элементом для всех видов юмора является неожиданная смена фреймов: сначала сцена описывается с одной точки зрения, а затем неожиданно (для этого часто достаточно одного единственного слова) предстает совершенно в ином ракурсе» [5, с. 59-92]. Для восприятия креолизованных текстов адресат должен обладать не только чувством юмора, но и уметь извлекать из комического текста элементы имплицитного смысла высказывания, которые непосредственно, очевидным образом в смысл предложения не входят, но выводятся слушающим в речевом акте. В комическом тексте имплицатуры создают «эффект обманутого ожидания». Жанр демотиватора, как один из наиболее распространенных жанров креолизованных текстов, по своей природе ориентирован на смысловую неоднозначность. Самой распространенной смысловой неоднозначностью, по версии Л. В. Бабиной, является каламбур, когда вербальная и визуальная составляющая демотиватора обыгрывают разные значения одного и того же слова [3]. Следовательно, можно сказать, что для достижения наибольшего успеха демотиватора он должен содержать диссонанс между надписью, бросающейся в глаза, и изображением. Спонтанному распространению подвержена та информация, которая не оставляет равнодушным пользователей по тем или иным причинам (острые социальные вопросы, политические проблемы, игра слов и проч.).

В нашем случае актуальной информацией для жителей Донецка в течение последних четырех лет является военный конфликт и все вытекающие последствия. На просторах Интернета встречается довольно большое количество демотиваторов комического содержания связанных с этими событиями. Сложно представить, что в таком русле можно говорить о каком-либо комическом эффекте, но, учитывая исследования ученых, можно сделать вывод, что смех помогает преодолеть человеку чувство страха, стресс, а также влияет на восприятие определенных ситуаций.

Демотиваторы № 1, 2, 3 находятся на стыке когнитивной и коммуникативной пресуппозиций. Для корректной интерпретации вербального и иконического компонента адресат должен обладать определенными фоновыми знаниями. Смысл

Рис. 1

Рис. 2

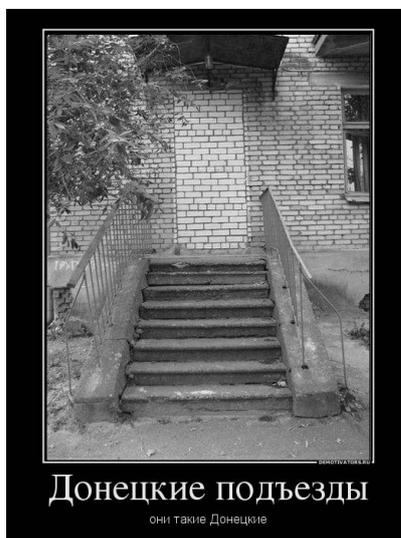

Рис. 3

любой коммуникативной единицы определяется относительно конкретной ситуации (в данном случае иконический компонент отсылает нас к нелепым и комическим ситуациям); а внутренним фактором, обуславливающим действие пресуппозиции в тексте, является неоднородность смысловой структуры высказывания, которая расчленяется на пресуппозицию и сообщение. (Т.е. выражения «Донецкие подъезды – они такие донецкие», «Донецкие велосипедисты – они такие», «Песочница в Донецке. Поэтому шахтеры суровее челябинских мужиков» воспринимаются как некое сообщение, однако данное высказывание предполагает наличие предварительных, фоновых знаний без которых невозможно адекватно воспринять смысл демотиватора, а именно стереотипное представление о суровости дончан).

Вербальный компонент демотиваторов № 4, 5 имеет определенное значение, но не обладает смысловой самостоятельностью вне соотнесения с изображением. Например, вербальная составляющая демотиватора (рис. 5), ориентированная на изображение, становится понятной при установлении семантической связи с иконической частью и без нее теряет смысловую завершенность. В данном примере автор играет на многозначности текстового компонента и диссонанса вербальной и иконической части.

Рис. 4

Рис. 5

(Иконический компонент отсылает нас к известному фильму «Терминатор» о человеке-киборге, а вербальный – к донецким реалиям: к местному представлению об украинской армии, воевавшей в донецком аэропорту и получившей среди местного населения название «киборги»). В отличие от демотиватора № 5, в демотиваторе № 4 вербальный компонент сразу отсылает нас к наименованию «киборг», а благодаря иконической составляющей, а также фоновым знаниям о сложившейся ситуации в Донецке и военных столкновениях в аэропорту, нам становится понятен смысл данных креолизованных текстов. Автор использует игру на многозначности слов. В то же время данные примеры содержат в себе четкую концептуально-прагматическую составляющую, имплицитный смысл, т. е. он может быть понят только теми адресатами, которые знакомы с данной ситуацией.

Погода в Украине

Рис. 6

В демотиваторе № 6 адресат может реализовать многозначность текстового компонента и диссонанса вербальной и иконической части. Если рассматривать процесс построения данного текста с перспективы его автора, становится очевидным, что он основывается на содержании определенной пресуппозиции. При этом преследуется следующая коммуникативная цель: достижение восприятия адресатом имплицитной информации как факта, общепризнанного и не требующего комментариев. Однако следует отметить, что разграничение пресуппозиций довольно нечеткое поэтому, часто языковые явления относятся к различным типологическим структурам. Таким образом, в когнитивно-прагматическом плане демотиватор № 6 относится и к лингвистической пресуппозиции, которая опирается на знания,

содержащееся в самом языке (*представления человека о том, что такое погода и погодные явления*), и к коннотативной пресуппозиции, которая связана с побочными значениями слов и выражений (*Град – 1. Вид ливневых осадков; 2. Система залпового огня*), и к коммуникативной, которая основывается на представлении говорящего о степени осведомленности адресата речи.

Итак, демотиваторы представляют собой единство иконического и вербального компонентов на содержательном, языковом и композиционном уровнях. Кроме того, данный жанр отличает высокая прагматическая функция, которая выражается на уровне пресуппозиций. Пресуппозиция не только способствует раскрытию имплицитного смысла высказываний или подтекста отдельных частей высказывания, но и сама пресуппозиция может основываться на знании имплицитного смысла предыдущего высказывания и подтекста предшествующих отрезков текста, а также национальных и территориальных особенностях. Вопрос баланса между вербальной и иконической составляющей остается открытым, и это обеспечивает целесообразность дальнейшего исследования данной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. – Т. 32. – Вып. 1. – С. 84–90.
2. Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. – № 5. – С. 74–85.
3. Бабина Л.В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М., 2013. – № 2 (20). – С. 28–33.
4. Джонсон-Лэрд П.Н. Ментальные модели // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: хрестоматия / В.А. Пищальникова и др., Барнаул: Алт. Ун-т, 2001. – С. 67–75.
5. Минский Н. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / Н. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1998. – С. 52–92
6. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Сорокин Ю. А., Тарасов Е.Ф. // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
7. Шендельс Е.И. Имплицитность в грамматике // Сб. науч. тр. МГПИЯ им М. Топеза. – М., 1997. – Вып. 112. – С. 109–120.
8. Kintsch, Walter. Text Comprehension, Memory, and Learning // American Psychologist, April 1994. – P. 294–303. URL: <http://www.uic.edu/classes/psych/psych454/kintsch.pdf>

Поступила в редакцию 01.03.2018 г.

COGNITIVE ASPECT OF DEMOTIVATORS ABOUT DONBASS

N.V. Gladkaya

The article reviews the main functions and the most common mechanisms for creating a creolized text in the Internet communication, as well as its impact on the addressee. It was considered the verbal and non-verbal influence of demotivators on the recipient. The very genre of the demotivator can be considered a precedent phenomenon, that is, regularly reproduced and well-known to all representatives of the socio-cultural space. Particular attention is paid to the problem of understanding texts through the derivation of the implicit meaning of the utterance.

Key words: polycode text, creolized text, cognitive approach, demotivator, Internet communication.

Гладкая Наталья Витальевна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Старший преподаватель кафедры русского языка.
e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru.

Gladkaya Nataliya Vitaliyevna.

Donetsk National University.
Senior Lecturer of the Russian Language Department.
e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru.

УДК 811'161.1

ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ В ДОНСКОМ КАЗАЧЬЕМ ЭТИКЕТЕ

© 2018. *А.С. Колычева*

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются формулы традиционного приветствия, распространённые в культуре донских казаков. Актуальность темы обусловлена необходимостью всестороннего изучения традиционной культуры донского казачества как одного из субэтнических образований, обнаруживающего самобытные черты в языке и культуре. В ходе исследования были сделаны важные выводы о том, что формулы приветствия в контексте народного речевого этикета донских казаков воспринимаются не просто как вежливый жест и признак уважения, а как благопожелание, в отличие от литературных формул, в них сохраняется традиционная архаическая семантика.

Ключевые слова: формулы приветствия, речевой этикет, диалектная картина мира.

Стремительное развитие общества способствует появлению новых форм межличностных отношений, а соответственно, и коммуникативных ситуаций, требующих определённых стереотипных средств выражения. Культура речевого поведения основывается на речевом этикете. Функции, принципы, особенности русского национального этикета не раз становились предметом научного внимания (см. работы В.Е. Гольдина, Н.И. Формановской). Народный речевой этикет на сегодняшний день изучен фрагментарно, что делает необходимым исследовать как отдельные диалектные этикетные формулы, так и весь речевой этикет в целом, представленный в различных территориальных вариантах русского языка и культуры.

Говоря о речевом взаимодействии внутри отдельных субэтнических групп, стоит указать на наличие у них уникальных устойчивых языковых единиц, обладающих культурной ценностью и отличающихся от синонимичных им форм литературного языка. Л.Ю. Зорина отметила, что осознание важности изучения языка как функционирующей системы дало толчок формированию отдельной отрасли языкознания – коммуникативной диалектологии, в центре которой стоят проблемы речевого взаимодействия в условиях территориального варьирования русского языка. Поэтому актуальным представляется изучение отдельных фрагментов субкультур в сравнении с общенациональной культурой.

Особую роль в формировании культурной специфики субэтнических групп играет народный речевой этикет – совокупность стереотипных вербальных единиц в говорах, главная функция которых заключается в проявлении вежливости и доброжелательного отношения. Особенности взаимоотношений внутри социума определяются традициями, сложившимися на протяжении длительного сосуществования членов этнического коллектива, продиктованными необходимостью ведения общей хозяйственной деятельности.

Формулы приветствия в силу особой функции, заложенной в них эмоционально-коммуникативной нагрузки являются одними из наиболее значимых единиц речевого этикета. Именно приветствие задаёт последующий тон и атмосферу общения. Это своего рода вербальный знак, выполняющий регулятивную функцию, координирующий дальнейшее взаимодействие адресата и адресанта. При этом выбор необходимой речевой формулы зависит от различных факторов: места, времени,

внешних обстоятельств, при которых происходит двусторонний речевой акт, а также социального статуса говорящих, целей общения.

В русском литературном языке существует небольшое количество формул приветствия, обладающих различной степенью ситуативной употребительности, а также различным уровнем эмоциональной и стилистической окраски. Так, например, к стилистически нейтральным формулам приветствий можно отнести следующие выражения, соответствующие нормам русского литературного языка: *Здравствуй (те)!*, *Доброе утро!*, *Добрый день!*, *Добрый вечер!*.

Традиционная русская формула *Здравствуйте!* в структурном отношении является императивной формой глагола *здравствовать*, пожеланием быть здоровым. В «Словаре русского языка» А.П. Евгеньевой слово *здравствовать* определяется как глагол со значением 'быть здоровым, благополучно существовать', при этом указывается, что форма повелительного наклонения употребляется как приветствие при встрече [СРЯ, 1, с. 605].

Формула *здравствуйте!* употребляется безотносительно ко времени и ситуации речевого общения, более того, в современном коммуникативном процессе она утратила исходную семантику благопожелания ('пожелания здоровья') и функционирует как знак вежливости, общепринятое обращение к кому-либо при встрече.

Литературные этикетные формулы *Доброе утро!*, *Добрый день!*, *Добрый вечер!*, используемые в зависимости от времени суток, в современном русском языке приобрели вид утверждения, констатации факта, хотя раньше имели вид благопожелания, например, *Доброго дня!*, *Доброго вечера!* и т.д. На сегодняшний день вышеперечисленные приветствия не осмысливаются на уровне первоначальной семантики. Приветствуя собеседника словами *Доброе утро!*, никто не задумывается о том, что это благопожелание, чтобы утро адресата было добрым. Таким образом, утрата первичной семантики литературных этикетных формул делает последние штампами, лишёнными конкретизирующих особенностей.

Судьба речевого этикета в говорах сложилась совсем по-другому. Диалектные этикетные формулы обладают целым рядом особенностей, отличающих их от принятых в литературном языке, что обусловлено спецификой диалектной картины мира, которой свойственны детализация при номинации объектов и явлений окружающего мира, субъективизация и антропоцентризм. Поэтому очевидным становится количественное преобладание в говорах диалектных этикетных выражений над литературными.

В говорах выбор того или иного приветствия напрямую зависит от времени, когда его нужно употребить, характера и обстоятельств коммуникативной ситуации. Кроме того, формулы приветствия, функционирующие в отдельных территориально ограниченных культурах, мыслятся как маркеры участия и заинтересованности всех участников коммуникативной ситуации.

Формулы приветствия в контексте народного речевого этикета донских казаков воспринимаются не просто как вежливый жест и признак уважения, а как благопожелание. В отличие от литературных формул, в них сохраняется традиционная архаическая семантика.

Основываясь на данных «Большого толкового словаря донского казачества» и «Словаря донских говоров Волгоградской области», можно выделить следующие структурно-семантические единицы, входящие в тематическую группу «Приветствия». Отбор единиц и классификация были произведены с учётом особенностей коммуникативной ситуации, в которой используются речевые формулы.

Первую группу формул приветствия образуют универсальные приветствия-благопожелания безотносительно времени. К ней относятся следующие единицы: *Доброе здоровьице!*, *Доброго здоровья!*, *Здорово были (були, буллы)?*, *Здоровы были (були)?*, *Здоров был (була)?*, *Здорово!*, *Здорово живете?*, *Здоровеньки живешь (живете)?*, *Здравствуешь?*, *Живой-крепкий?*

Прилагательное *здоровый* и образованное от него наречие имеют значение 'обладающий здоровьем'. В современном русском языке встречается также просторечное междометие *здорово*, употребляющееся в функции приветствия [СРЯ, 1, с. 605].

В донских говорах наречие *здорово* в составе этикетных формул имеет значение не только и не столько физического здоровья, сколько общего благополучного существования. Адресант, обращаясь к адресату с вышеуказанными выражениями, одновременно и приветствует собеседника и спрашивается о его благополучии.

Вторую группу образуют универсальные приветствия-благопожелания относительно времени. К ней относятся следующие формулы: *Здорово дневал (-и, -а)?*, *Здорово ночевал (-и, -а)?*

Данные формулы приветствия, как и единицы из предыдущей группы, отображают заинтересованность в благополучии адресата и отличаются лишь временем употребления.

Интересен и важен для более глубокого понимания донской культуры также обязательный ответ на данные приветствия, который в любом случае остаётся неизменным, – *Слава Богу!*. В данной формуле заключается одновременно информация о благополучии и восхваление Бога, что очень примечательно. Как известно, значительный пласт духовной культуры донского казачества занимает православная вера.

Третью группу составляют приветствия-благопожелания работающему человеку: *Здорово работали?*, *Бог в помощь / (в) помочь!*. Данные формулы используются безотносительно времени и являются ситуативно ограниченными. Они являются окликаками, которые используются для того, чтобы поприветствовать трудящегося человека и одновременно пожелать ему успешного выполнения работы.

К четвертой группе относится всего одна формула приветствия *Здорово-прощай!*, которая используется при мимолётных встречах безотносительно времени суток.

В последнюю группу входит приветствие-благопожелание *Хлеб-соль!*, которое употребляется при входе в чей-то дом. Хлеб и соль – традиционные атрибуты многих событий в жизни казаков (свадьба, проводы и встреча с войны и др.), чем и обусловлена их значимость.

В ответ на данное приветствие хозяин дома отвечает: «Едим, да свой! А ты приставай да свой доставай!». Эта формула представляет собой приглашение к столу и носит несколько шуточный характер, способствующий установлению непринуждённой, благоприятной обстановки.

Анализ диалектных формул приветствия выявил типологичность языковых единиц, устойчивость их форм. Н.И. Формановская предлагает рассматривать формулы речевого этикета как особый класс фразеологизированных предложений, обладающих устойчивой синтаксической формой.

Примечательно, что среди всех рассмотренных этикетных формул нет конструкций, связанных с формами повелительного наклонения. В основном все приветствия построены в виде вопросов, в которых на первом месте стоят прилагательные *доброе*, *доброго*, *живой* или наречие *здорово*, причём второй случай – наиболее распространённый. Затем следует глагол в настоящем либо прошедшем

времени, который несёт основную семантическую нагрузку, например, *живете, ночевал, был* и т.д; либо существительные *здоровье, здоровьице*. Это является подтверждением синтаксической типичности в большинстве случаев формул приветствия. Особую группу фразеологизированных предложений, отличающуюся от приведённых этикетных формул своей синтаксической структурой, составляют: *Хлеб-соль, Здорово-прощай!* и ответы *Едим, да свой! А ты приставай да свой доставай!, Бог в помощь!, Слава Богу!*.

Проведённый анализ этикетных формул приветствия в донских говорах помогает расширить представление о народной языковой традиции, увидеть некоторые закономерности в историческом развитии этикетных формул в диалектной среде и русском литературном языке, глубже осмыслить систему духовных ценностей и воззрений донских казаков. Перспективным представляется рассмотрение донских этикетных формул не только на фоне литературного языка, но и на фоне других восточнославянских говоров с целью выявления языковой специфики донской духовной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишина А.А. Русский речевой этикет / А.А. Акишина, Н.И. Формановская. – М., 1983. – 181 с.
2. Гольдин В.Е. Речь и этикет / В.Е. Гольдин. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
3. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив, словосочетаний / Ростов, гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.
4. Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры / Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2012. – 216 с.
5. Словарь донских говоров Волгоградской области : около 17000 слов / [авт.-сост. Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун] ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. – [Изд. 2-е, перераб. и доп.]. – Волгоград, 2011. – 704 с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1–4.
7. Формановская Н.И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета / Н.И. Формановская // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: СФУ, 2011. – Вып. 12 (20). – С. 69–76.

Поступила в редакцию 19.12.2017 г.

GREETING FORMULA IN THE DON COSSACK ETIQUETTE

A.S. Kolycheva

The article is devoted to the traditional formula of greeting, common in the culture of the don Cossacks. The urgency is due to the need for a comprehensive study of the traditional culture of the don Cossacks as one of sub-ethnic formations that detects distinctive features in the language and culture. The study drew important conclusions that the greeting formula in the context of the national speech etiquette of the don Cossacks are perceived not just as a polite gesture and a sign of respect, but as good wishes, unlike literary formulas, they remain traditional, the archaic semantics.

Key words: formulas of greeting, speech etiquette, dialectal picture of the world.

Колычева Алина Сергеевна.

ФГАУ ВО «Южный федеральный университет».
Институт филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации.
E-mail: amarilsiz@mail.ru.

Kolycheva Alina Sergeevna.

Southern Federal University.
Institute of Philology, Journalism, and Intercultural
Communication.
E-mail: amarilsiz@mail.ru.

УДК 811'161.1 + 811'282.3

ВОЛГОГРАДСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО ИЗОЛИРОВАННЫЕ, ЦОКАЮЩИЕ ГОВОРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2018. С.М. Рудометова

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

В статье рассматриваются языковые особенности островных, территориально изолированных мешчерских говоров Волгоградской области. Цель исследования: выявить современное состояние островных цокающих говоров Волгоградской области, сравнив с исконным мешчерским диалектом, определить степень влияния окружающих диалектов и литературного языка на систему территориально изолированных говоров.

Ключевые слова: территориально изолированные говоры, мешчерские говоры, цоканье, южнорусские говоры.

Среди волжских диалектов Волгоградской области бытуют территориально изолированные, островные говоры, которые находим в двух крупных сёлах: Перещепное Котовского района и Краишево Еланского района. В прошлом эти сёла относились к Саратовской губернии, Камышинскому и Аткарскому уездам. Говоры рассматриваемых сёл входят в перещепновско-краишевскую группу волжских говоров.

В течение двух веков данные говоры окружены разнотипными как среднерусскими, так и южнорусскими говорами и должны были бы претерпеть значительные изменения, находясь под влиянием соседних диалектов, однако, до сегодняшнего дня сохраняют свои яркие языковые особенности, например, цоканье. Это можно объяснить тем, что жители сёл Перещепное и Краишево вели обособленный образ жизни и старались не контактировать с жителями других населенных пунктов, осознавая свое языковое отличие.

Исследуемые нами перещепновский и краишевский говоры окружены следующими диалектами. Говор села Краишево соседствует с донскими говорами. Село Перещепное имеет пёстрое диалектное окружение. На большой территории говор села соседствует с донскими говорами, но также и с мокроольховским (с. Мокрая Ольховка образовано в 1782 году переселенцами из Тамбовской губернии) и Погроменско-Ельшанской группой говоров среднерусского типа (Громки Руднянского р-на, Дубовочка, Ельшанка, Терновка Камышинского р-на).

Данные говоры (перещепновский и краишевский) по своему происхождению восходят к говорам рязанской мешчеры, т.е. являются мешчерскими.

Мешчеры – поволжско-финское племя, заселявшее междуречья Клязьмы, Москвы и Средней Оки (Мешчерскую низменность). Язык мешчеры не сохранился, население к началу II тысячелетия н.э. полностью было славянизировано [9, с. 92].

По данным Саратовского краеведческого музея, село Перещепное образовалось в 1787 году и заселили его православные великороссы, государственные крестьяне, переселенцы из Керенского уезда Пензенской губернии. Село Краишево, по сведениям Центрального государственного архива древних актов, возникло в 1799 г. Первые его жители также переселенцы из Пензенской губернии и пришли, считают старожилы, из села Ушинки, которое тоже относилось к Керенскому уезду. В свою очередь жители Керенского уезда Пензенской губернии являются переселенцами из рязанской

Мещеры. Иными словами, в середине XVII в. предки перещепновцев и краишевцев переселились из рязанской Мещеры в Пензенскую губернию, а уже оттуда перебрались в Поволжье [2, с. 29].

К исследованию мещерских говоров на территории Волгоградской области впервые обратился в 50-е годы XX в. Л.М. Орлов, повторное исследование говоров, уточнение и дополнение некоторых данных было осуществлено Р.И. Кудряшовой в 1980 г. В течение последующих 30 лет комплексного обследования состояния волгоградских цоканющих говоров не осуществлялось.

В 2009 – 2011 гг. в рамках диалектологических экспедиций преподавателями и студентами филологического факультета Волгоградского государственного социально-педагогического университета проводилось обследование говоров указанных сел, что позволило уточнить некоторые лингвистические данные.

Территориальная изоляция говоров рассматриваемых сел повлияла и на языковые процессы. Конечно же, перещепновский и краишевский говоры испытывают воздействие как со стороны соседних диалектных систем, так и со стороны литературного языка, но при этом на протяжении двух веков сохраняют свои типичные особенности.

Перещепновскому и краишевскому говору присущи многие южнорусские черты. Среди них недиссимилятивное аканье, яканье: *Сю сялО сабирАли; у сястр□Е; принясУ вадЫ*; произношение [γ] фрикативного: *сыурАли свАт□бу интир□Есную..; наб□Еули ка мнЕ тудА...*; произношение [т'] в окончаниях глаголов 3-го лица: *...стАли пухОвые шАли в□Есть 'вязать' ..., ...нОуи уУдум уудУть.*

Говорам обоих сел свойственно произношение [и] на месте [а] второго предупредного слога в начале слова: *...ип□Ать привязУть прАвнука мне...; ...ибязАтил□на схадИти тудА...; идиЯлка ис клИнушкаф*; в некоторых случаях мы зафиксировали полную редукцию начального гласного в этой позиции: *...у кадУшычки стаёца мАсла...; ни бязАтил□на.*

Говор интересен произношением шипящих и свистящих согласных. На месте литературного долгого мягкого шипящего [ш'] может звучать твёрдый шипящий: *...ани вапишЭ плОха жывУть..* Местные жители иногда называют своё село «п□эрэшишэпнОе».

Помимо долгого твёрдого шипящего, ранее уже отмечавшегося в исследованиях [2, с. 30], в экспедициях последних лет обнаружен еще один тип произношения, который, вероятно, является результатом взаимодействия говоров с литературным языком. А именно произношение на месте мягкого литературного [ш'] сочетания твердых звуков [шч]: *...шчалцкИ – эт травА, надАвишь и шчОлкаить...; ...у Яшчыки – с□Акая красКа; край биндЕшки яшчык стаить....*

Безусловно, самая яркая фонетическая черта рассматриваемого говора – это твердое цоканье: *п□эц, цавО хош, цулкИ, цЫркаши ш'нИцки[спички], ш'в□Эцки[свечки], коц, цАжэцка [чашечка], цэтив□эрт□, ноц-палнОц, крыцАт□ хОцэ, цулАн.*

По данным исследования перещепно-краишевского говора, цоканье как фонетическая особенность, претерпевает изменения как под воздействием литературного языка, так и по причине того, что старшее поколение, основные носители диалектного языка, умирают, а молодое поколение старается забыть своеобразную речь и старается говорить «грамотно». Приведем примеры высказываний жителей о своей речи. «*КраИшэўка –уавар□Ать цавО-цавО. Тцас ни уавар□Ать. ПиряурАлась[переигралась – речь]на Эткай, а тады уаварИли «цавО». У нас, если*

уварИть на старЫй манЕр, эт маёй снахЕ бабушка. ЦукриспУблика назывАють. ЦыкунЫ нас назывАють [о жителях с. Перещепное]. ЦавОкино силО. ЦуканЫ на нас уавар [Ать] [о жителях с. Краишево]». Приведем пример частушки, которую поют жители с. Перещепного, записанную в экспедиции 2009 года: «Ни хадИти, дейки, зАмуш в пир [щаннОвскае силО, у них уОвар нихарОиий, бАють там «цаво-цаво».

В с. Краишево, в отличие от с. Перещепного, цоканье в речи местных жителей в настоящее время слышится довольно редко. На месте литературного [ч] звучит также твёрдый звук [ч], близкий к [тш]: ... *йих приЕхала тиЭт [вира, с натиОфкай...; ...лятУтишка – эт витр [анАя Оспа. Эта особенность произношения фиксировалась исследователями диалекта и ранее [2, с. 28].*

Сохранилось в говорах и часто встречается произношение [j] на месте [ф'] : ... *дЕйки маладЫи тут; лАйки у акна; замены [ф] на [х], [хв]: хундАмент у дОма, сарахванЫ шЫли.*

Говоры с. Перещепного и с. Краишева, являющиеся в своей основе южнорусскими, сохраняют в современном состоянии типичные преимущественно южнорусские черты и материнские черты говоров Рязанской мещеры. Однако в обоих говорах мы наблюдаем изменение или утрату тех или иных языковых особенностей, например, чистого цоканья или особого произношения свистящих мягких согласных [з', с'] в говоре с. Краишева. Причина заключается, как показывает исследование, и во внеязыковых факторах. Краишево – село с большей численностью населения (в отличие от Перещепного), с более развитой инфраструктурой, с более молодым составом населения. В Перещепном гораздо меньше жителей, и все они в основном пожилого возраста. Перещепное более изолировано территориально от соседних населенных пунктов, туда труднее добраться, чем в Краишево. Следовательно, можно говорить о значительно большей устойчивости типичных языковых особенностей в говоре села Перещепного.

Говоры с. Перещепное и с. Краишево в современном своем состоянии имеют общие грамматические черты, например, такие, которые были отмечены исследователями ранее - типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на – *ть*, на месте литературного – *ти* (*атн [Есть наст [Ель; стул [jЯ нада вЫнесть]; образование возвратных глаголов с добавлением частицы –сь (с [к глаголам, оканчивающимся на гласный (мать с дЯдий вЫвчались шЫть пОльта, шубнякИ; цай-то, утянУлись у кино); переход существительных среднего рода в женский (халаднО сю вр [Емя у нас...; плАтья кр [Епкая, ни худАя, дЫграф ни былО); особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б]: тае, сае: «...эт я сайе купИла...; на той нидЕли сае зубы встАвила...; они тиаво хочешь тае сделаютъ. В говоре с. Краишево в речи местных жителей употребляются энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах *мя, тя*: «радИтили баславляли мя икОнай...; у мя ни былО такОва».*

В формах глагола 2-го лица единственного числа происходит полная ассимиляция [ш] с последующим [с]: *йишь ни уИсси; канЕшна, паслУхаисси; перематАисси энtimi лЕнтами. После [т] в обоих говорах сохраняется частица –ся: пришли свАтаца чириз ниделю, эт запой назывАица.*

В говорах обоих сел глаголы в 1-м лице настоящего времени регулярно произносятся с переносом ударения на основу, и при этом, как правило, отсутствует чередование на стыке основы и окончания, характерное для литературного языка: «*я не брЕшу, вот што бОуу, што вам...; ...вЕтишырам малакА лью, дражжЭй пУстю туда...; накОрмю фсю сяло.*

В говорах обоих сел частотно употребление постпозитивной частицы - *ти* после любых частей речи. Это явление было отмечено ранее Р.И. Кудряшовой [2, с. 32].

«*ВитУшк такаИми-ти парЕжышь и у п□эцЕ няклиИ; дЕйки-ти садИтись на стульЯ, стайМА ни стОйтЯ; скапнИли–ти сено.*

Далее обратимся к частицам - *та*, - *ту*, которые согласуются в роде и падеже с предшествующим именем: *дЕства-та мы ёё ни видАли; кАша-та пше́нная стаИть на пицЕ...; итИть на Ульцу-ту.*

Рассмотренные нами постпозитивные частицы преимущественно употребляются в севернорусских и среднерусских говорах. Регулярное употребление этих частиц характерно для говора с. Краишево, а в с. Перещепное реже встречаются подобные конструкции.

Также в говорах обоих сел нами зафиксированы некоторые грамматические особенности, которые не отмечались в предшествующих исследованиях.

Существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения существительных на -а, в данном случае флексию -е в предложном падеже: *...на паду хлеп пикли у русской пицЕ...; ...в варОтах, в двирЕ могут здЕлать.* Мы предполагаем, что флексия –е появляется в говорах обоих сел тогда, когда на нее падает ударение.

В говоре с. Перещепного нами зафиксированы особенности образования формы множественного числа у некоторых существительных – с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]: *тыквЯ растёт у нас...; ...писнякА пели; ...уурец: хвостик на плитнЯ прикрипЛяща.*

Окончание –*ай* у прилагательных мужского рода независимо от места ударения (в том числе на месте литературного –*ий*): *...струцок уОрькай; ...блИнцык – он тОнинькай.*

В говоре обоих сёл используется особая синтаксическая модель для образования названий игр: предлог *по* + винительный или дательный падеж слова, называющего игру (*по клёк, по застукалки, по слепому козлу, по бегалки, по красочки*). В литературном языке этой модели соответствует модель с предлогом *в*: *в прятки, в догонялки* и т.п.

Говоры обоих сел в современном состоянии сохраняют в своей основе общие черты, которые являются традиционными для выделенного ранее перещепновско-краишевского говора (см. работы Л.М. Орлова, Р.И.Кудряшовой). Опираясь на материалы экспедиций прошлых лет, мы можем отметить, что на современном этапе говор с. Перещепное содержит больше уникальных диалектных черт, чем говор с. Краишево. Это является результатом большей языковой изолированности перещепновского говора от влияния других говоров и литературного языка.

Уникальные фонетические и грамматические черты, присущие перещепновскому и краишевскому говорам, обусловлены тем, что данные говоры являются изолированными, островными. На протяжении двух веков данные говоры сохраняют свои исконные черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 2000.
2. Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: Учеб. пособие / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1997. – 124 с.
3. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области) / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1998. – 93 с.

4. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб. пособие / Л.М. Орлов. – Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984. – 96 с.
5. Русская диалектология / под ред. Касаткина Л.Л. – М.: Академия, 2005. – 288 с.
6. Словарь русских народных говоров /Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. – М.: Наука, 1965 – 2011. – Вып. 1–43 (СРНГ).
7. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. (МАС)
8. Словарь Донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брыкина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с. (СДГВО)
9. Финно-угры и балты в эпоху средневековья [Текст] / В.В. Седов [и др.]. Ин-т археологии АН СССР: под общ. ред. Б.А. Рыбакова; отв. ред. тома В.В. Седов. – М.: Наука, 1987. – 509 с.

Поступила в редакцию 13.12.2017 г.

VOLGOGRAD TERRITORIALLY ISOLATED, CLINKING DIALECTS: HISTORY AND MODERN STATE

S.M. Rudometova

The linguistic features of insular, territorially isolated Meshchersky dialects of the Volgograd region are considered at this article. The relevance of the research is determined by the fact that the insular Meshchersky dialects of the Volgograd region at the present state of their development did not subjected to full analysis on different language levels. Study and comparative analysis of the results of previous years researches with the results of current researches allow us to trace sustainability and variability of traditional language features of migrant dialects. The study showed that the territorially isolated clinking dialects of the village Pereschepny and the village Kraishvevo retain typical features today.

Key words: territory isolated dialects, meshcherskys dialects, clinking, the southern Russian dialects.

Рудометова Светлана Михайловна.

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания.

E-mail: svetlana-stud@mail.ru.

Rudometova Svetlana Mikhaiylovna

Volgograd State Socio-Pedagogical University.

Assistant of Department of Russian language and its teaching methods.

E-mail: svetlana-stud@mail.ru.

УДК 81'42

ДОНЕЦКИЙ ТЕКСТ АННЫ РЕВЯКИНОЙ

© 2018. *Е.В. Скрипченко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Статья посвящена рассмотрению специфики художественного пространства поэмы Анны Ревякиной «Шахтерская дочь» и анализу средств, избираемых автором для характеристики этого пространства. Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования текстов современных донецких авторов как текстов региональных. Полученные выводы позволяют утверждать, что «Шахтерская дочь» не только может, но и должна рассматриваться в тесной связи с особым лингвистическим пространством Донецка.

Ключевые слова: донецкий текст, региональный текст, художественное пространство, средства художественной выразительности.

Анна Ревякина – автор поэтических сборников «Сердце», «Untitled», «Хроники Города До. Безвременье», «Зубная фея», «Хроники Города До. Dominus», член Союза писателей России. Будучи активным пользователем социальных сетей, аудитория которого на момент написания статьи насчитывает без малого 10 тысяч подписчиков, Анна Ревякина широко известна в Донбассе и за его пределами. Однако именно Донецк (Город До) стал визитной карточкой Анны и во многом определил особенности ее поэтики.

Шестая книга Анны Ревякиной, «Шахтерская дочь», увидела свет в 2016 году. «Шахтерская дочь» – это 33 текста, объединенных общей сюжетной линией. Это поэма о жизни и смерти, о долге, о любви и, конечно, о любимом городе, без которого и вне которого не мыслит себя автор.

Цель нашего исследования – рассмотреть поэму Анны Ревякиной «Шахтерская дочь» как *донецкий* текст и выделить те черты, которые позволяют говорить о ее принадлежности к библиотеке, которая создается здесь и сейчас – в особом лингвистическом пространстве Донецка.

В этом плане представляется целесообразным изучить специфику организации художественного пространства поэмы и проанализировать спектр средств, избираемых автором для создания и характеристики этого пространства.

Актуальность темы обусловлена необходимостью рассмотрения художественных текстов современных донецких авторов как текстов, среди прочего, региональных. Представляется, что исследования такого рода помогут выявить ряд общих черт, присущих *донецким* текстам и объединяющим их в некий единый текст.

«Шахтерская дочь» – это книга-рубеж, книга-итог, герои которой оказываются в состоянии пограничья в прямом и переносном смысле этого слова: между войной и миром, между счастьем и горем, между жизнью и смертью. Именно война становится тем самым фактором, который разделяет человеческую жизнь на До и После: «Этот мир существовал до войны и будет существовать после. Пожар войны, как калейдоскоп, перетасует и изменит его метафорический язык, но никогда не уничтожит» [3].

Главная героиня, как следует из названия поэмы – шахтерская дочь. Эта характеристика становится настолько универсальной, всепоглощающей, что теснит

собой имя собственное. Мария – это девочка, чья судьба predetermined, с одной стороны, ее отчеством, а с другой – Отечеством. Мария – это дочь шахтера Николая, представителя самой *донецкой* из возможных профессий, и дочь своего Отечества – донецкого края, в котором она родилась, в котором (и за который) она погибнет.

Образ главной героини тесно связан с русской фольклорной традицией. «Русокося ясна девица, / в волосах голубой цветок», – именно такой впервые предстает перед нами Мария, и тот факт, что это образ именно русской девушки, не вызывает сомнений.

Образ Марии во многом формируется за счет ее речевых характеристик. В тексте произведения приводятся фрагменты речи Марии, которую автор предваряет оговоркой:

*Она пишет на русском,
А иногда на птичьем.*

То, на каком языке пишет, говорит и думает героиня, определяет ее национальную принадлежность. Говоря на русском, Мария ассоциирует себя с конкретным языковым пространством, с языком конкретной нации и, стало быть, с ее судьбой. Примечательно, что *на русском* рифмуется далее со словами *о грустном*, благодаря чему это значение, безусловно, усиливается.

Появление образа отца также предваряется комментарием, который служит его речевой характеристикой: «был отец, который ей говорил "Ложи!"». Этот момент интересен в том плане, что просторечная форма *ложи* (вместо нормативного варианта *клады*) характеризует Николая, отца Марии, как человека, русская речь которого, возможно, далека от соответствия литературным нормам, но которому, в силу его характера и профессии, знакомы другие, не менее значимые нормы: моральные, нравственные, человеческие.

Как отмечает И.А. Кудрейко, просторечие вряд ли можно включать в региолект. «Однако элементы этой формы национального языка, – отмечает исследователь, – могут присутствовать в региолекте, если носят массовый характер употребления, а не фиксируются у малочисленной группы респондентов, являющихся носителями городского просторечия» [1, с. 20].

Ряд поэтических образов приобретает характерную *донецкую* окраску, в первую очередь, за счет своей связи именно с шахтерской средой. Автор словно бы невзначай сравнивает лицо отца Марии с углем: «Николай с лицом черным, как добываемая им порода, прикрывал собой горящую передовую». И это сравнение подсказывает читателю, что даже в окопе отец оставался, прежде всего, человеком своего дела.

Луна, которую видит над собой Мария, напоминает ей об отце и одновременно о боге:

*Над Марией молчит луна
коногонкою в небе буром –
немигающий глаз отца.*

Известно, что слово *коногонка* произошло от слова *коногон*, обозначающего рабочего, который сопровождал поезда подземной конной откатки (Д.Н.Ушаков) в те времена, когда в процессе добычи угля еще были задействованы лошади. Отождествление коногонки и луны позволяет говорить о том, что профессиональная среда, к которой принадлежит отец Марии, является одним из ключевых факторов, формирующих ее мировосприятие.

Этот момент получает развитие в дальнейшем:

*Эти воины – дети кротами изрытой земли,
вместо нимба Господь отдал им коногонку.*

*Вместо сердца Господь даровал антрацит,
вместо вдоха степного – горючесть метана.*

Если коногонка, неотъемлемый атрибут шахтеров, приравнивается к нимбу, то антрацит (название сорта угля, который составляет примерно третью часть геологических запасов угля Донбасса) – к живому сердцу.

Лучшей, на наш взгляд, визуализацией этой метафоры является известная донецкая достопримечательность – памятник «Слава Шахтерскому труду». Монумент представляет собой фигуру шахтера, который держит в вытянутой руке кусок угля, будто бы протягивая его миру. Этот кусок угля напоминает живое сердце – сердце шахтера, которое навсегда принадлежит его родному краю.

Свечи, которые видит Мария в церкви во время отпевания отца, также сравниваются с коногонками:

*И эти свечи, что коногонки,
и путь в тумане, в пыли забоя,
подобен смерти на поле боя,
подобен жизни в твоём Донцеке.*

Сам жизненный путь человека – от рождения к смерти – становится подобен тому тяжелому пути, который ежедневно проделывают шахтеры под землей, а далее уже ему уподобляется жизнь в военном городе, где никто не знает, вернется ли он домой живым или мертвым.

Образ Донецка как особенного, уникального пространства, также формируется, в первую очередь, за счет маркировки его как города шахтеров и металлургов. Тем острее ощущается противопоставление успешного и некогда благополучного города теперь уже познавшему все ужасы войны Донецку: «Город детства его, город угля и стали, превращали в пустыню, в пустыню неплодородную», и далее: «И у каждого в городе оставалась мать, в городе миллиона прекрасных роз».

Часть поэтических образов перекликается с металлургической тематикой. В частности, в самом начале поэмы, описывая бедный наряд Марии, автор говорит, что «ее крестик – металл да нить», а при описании ненависти, которую испытывают к тем, кто разрушает некогда цветущий город, автор сравнивает ее с доменной печью:

*Эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.*

Особое место в поэме занимают образы, с помощью которых автор, мазок за мазком, воссоздает перед нами узнаваемый донецкий пейзаж. Образ террикона встречается в тексте несколько раз. В начале поэмы террикон – это нечто неодушевленное:

*Загорелые травы донецких степей, терриконы,
obeliski невозвращенцам из дальних дорог.*

В дальнейшем террикон сопоставляется с китом. Но примечательно, что кит этот мертвый:

*Террикон лежит, словно мертвый кит,
облака плывут, облака из ваты.*

Террикон же становится местом, где разворачивается финальная сцена поэмы, происходящая вне времени, но в конкретном, донецком пространстве:

*На самой вершине дальнего, рыжего террикона,
где колокольный звон – музыка из привычных,
они встретятся – отец и дочь – натянут сетку для бадминтона,
у подножия плещется море – поле пшеничное.*

Герои «Шахтерской дочери» воссоединяются после смерти для того, чтобы встретиться на вершине рукотворной горы и обрести покой

Наряду с горными пейзажами, в поэме присутствуют и степные. Это пространство обозначено как «Поле Дикое», и теперь, в свете войны, это выражение предстает перед нами в новом свете. Не случайно в самом начале поэмы Мария пишет: «Мы все теперь стали дичью...».

Донецкая степь становится символом того самого рубежа между своим и чужим, между живым и мертвым: «Степь – лоскутный пейзаж и горячий рубеж, пограничье двух разных миров. Я люблю этот кряж, его дикий мятеж в кружевах кучевых облаков».

Если раньше, в период До, поля были олицетворением жизни, плодородия, богатства, то с наступлением войны все изменилось. Единственными жителями некогда мирных и щедрых полей становятся только редкие животные и птицы:

*Эх, донецкие ветры – вольница, житница,
а теперь безлюдье – лишь псы да вороны.*

Земля, которая раньше отдавала сторицей, теперь только лишь забирает. По обе стороны невидимой границы оказываются вчерашние братья и сестры, под ногами которых утопает в крови донецкая земля:

*Но Мария не видит горы – она ослепла,
врастая хребтом в донецкие черноземы.*

Подводя предварительные итоги, можно говорить о том, что средства художественной выразительности, используемые при описании пейзажей, определяют специфику художественного пространства поэмы. Терриконы, стремящиеся к облакам и утопающие в них своими вершинами, донецкая степь, в которой остаются лежать ее дети – это два полюса, два вектора, сообразно которым выстраивается пространство «Шахтерской дочери» и личное поэтическое пространство героев. «Донбасс – продолжение соседства inferнального и небесного, а вместе с ним – чего-то неназванного, того, что способно проявить себя преодолением языка – поэзией» [3].

Однако где-то между ними существует еще одно пространство. Это пространство самого города, которое способно объединить живых и мертвых, их (героев поэмы) и нас (автора и читателя):

*И только Донецк с его улицами, проспектами и мостами
навсегда останется с ними, будет лучшей их частью,
навсегда останется с нами – погостами, розами и крестами.*

У каждого из них – своя правда и свой Донецк. Но для тех, кто продолжает жить вне текстуального пространства, среди цветущих роз отчетливо проступают силуэты кладбищенских крестов – в память о тех, кого с нами нет и не будет.

Проведенный анализ позволил нам рассмотреть поэму Анны Ревякиной «Шахтерская дочь» как текст, имеющий конкретные географические координаты. Главные герои произведения – отец и дочь, в некогда безоблачную жизнь которых черным вихрем ворвалась война. Речевые характеристики героев свидетельствуют о том, что они соотносят себя с конкретным языковым пространством и не мыслят себя вне своего опального русскоязычного Донбасса. Ряд поэтических образов строится посредством связи привычных для нас явлений и вещей (луна, металлический крестик) с понятиями, характерными для профессиональной шахтерской среды.

При описании пейзажей наиболее часто упоминаются донецкая степь и донецкий же террикон. Они не только формируют поэтическое пространство поэмы, но и существенно дополняют ее сюжет: так, земная жизнь героев (степь, земля, война)

заканчивается не смертью, а переходом в жизнь небесную (террикон, облака, вечный покой). Сам Донецк становится тем самым идеальным пространством, которое способно объединить героев с автором и читателем.

Все это позволяет говорить о том, «Шахтерская дочь» Анны Ревякиной – это действительно *донецкий* текст, который можно и нужно рассматривать в тесной связи с особым лингвистическим и культурным пространством Донецка, которое его породило.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрейко И.А. Региолект как особая форма функционирования национального языка / И.А. Кудрейко // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2016. – № 3 – С. 19–24.
2. Ревякина А.Н. Шахтерская дочь. Поэма. / А.Н. Ревякина. – Харьков, 2016. – 56 с.
3. Хайрулин Т. «Инфернальный» Донбасс #2: поэтические трансмутации Арсения Александрова / Т. Хайрулин. – Режим доступа: <https://syg.ma/@timur-hayrulin/infiernalnyi-donbass-nomier-2-poetichieskiie-transmutatsii-arseniia-alieksandrova>.

Поступила в редакцию 10.12.2017 г.

ANNA REVYAKINA's DONETSK TEXT

Ye. V. Skripchenko

The article is dedicated to the organization of literary space in Anna Revyakina's poem «A Coal Miner's Daughter». The relevance of the topic can be explained by the interest in studying poetic texts by modern Donetsk authors and assessing these texts as *regional* ones. The analysis of key characteristics of the *Donetsk text* in the poem, as well as relevant expressions and figures of speech, is conducted. It is concluded that the text is associated with Donetsk linguistic space in many ways.

Key words: Donetsk text, regional text, literary space, figures of speech.

Скрипченко Елена Валентиновна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Преподаватель кафедры русского языка.
E-mail: skripchenkoelen@gmail.com.

Sripchenko Yelena Valentinovna.
Donetsk National University.
Assistant of Department of Russian language.
E-mail: skripchenkoelen@gmail.com.

УДК 81'28; 81'286

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ГОВОРАХ

© 2018. *И.М. Филатова*

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

В статье рассматривается лексика, характеризующая образ человека в донских казачьих говорах. Актуальность темы обусловлена тем, что наименования человека отражают живые процессы народной номинации и способствуют более глубокому изучению диалектной речи. В ходе исследования были выделены лексико-тематические группы семантического поля «Человек», определены основные универсальные признаки донской диалектной картины мира.

Ключевые слова: диалектная картина мира, донские казачьи говоры, человек.

Слова, характеризующие человека, образуют большую лексическую группу в русском литературном языке и его территориальных говорах, так как непосредственно связаны с человеческим фактором в языке, с тем, что жизнь и деятельность человека протекают в территориально и культурно ограниченном месте в определенное историческое время и в конкретном социуме.

Говор донских казаков тесно связан с историей формирования субэтнической группы донского казачества. Донские говоры складывались в результате заселения степных районов бассейна Дона выходцами из различных мест России, преимущественно из южных губерний. На протяжении длительного периода Донской край был объектом набегов кубанских, крымских и ногайских татар, турок и калмыков, что приводило к межэтническим и межъязыковым контактам. Смещение различных диалектов способствовало появлению своеобразных черт донских говоров в определённых ареалах [3, с. 9-10].

На сегодняшний день, донские говоры основательно изучены такими учёными, как В.Ф. Соловьев, А.В. Миртов, И.Г. Долгачев, Л.М. Орлов, Е.И. Диброва, Р.И. Кудряшова. Различные аспекты лингвистического анализа лексики тематической группы «Человек» затрагиваются в трудах Н.Д. Арутюновой, Т.В. Бахваловой, Е.В. Брысиной Т.М. Ворониной, Н.А. Григорьевой и др.

Современная лингвистика в качестве основного принципа изучения языка выдвигает антропоцентрический, в соответствии с которым изучение языка должно производиться в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурой и духовной жизнью. Присутствие человека даёт о себе знать на всём пространстве донского диалекта, но более всего оно сказывается в лексике.

Источником исследования стали: «Словарь русских донских говоров»; «Словарь донских говоров Волгоградской области»; художественные произведения М.А. Шолохова; лексический материал, собранный в станице Нижний Чир и хуторе Суворовка Суровикинского района Волгоградской области. Материалом исследования послужила авторская картотека, полученная методом сплошной выборки из перечисленных диалектных источников, включающая 525 диалектных единиц, относящихся к характеристике человека.

Семантическое поле «Человек» может быть представлена следующими лексико-тематическими группами: «внешность», «интеллект», «эмоции», «трудовая деятельность». Рассмотрим более подробно каждую из этих групп.

Лексико-тематическая группа «внешность». Самым многочисленным, подвижным, емким, допускающим большую вариативность и больше поэтизированных значений,

является признак, характеризующий человека по внешности. Данная группа включает в себя 8 микротем.

1) **Лицо и его части.** **Глазатый** ‘человек с хорошим зрением’ (*Ты глазатый, поглядика сколькя время*); **дурнохарий** ‘некрасивый, невзрачный, с некрасивым лицом’ (*Он такой дурнохарий, страшный*); **Мурлан**, ‘человек с круглым, упитанным лицом’ (*Он там такой мурлан, шиоки толстыи, румяныи*); **косаротый** ‘о человеке, который во время еды часто роняет пищу изо рта’ (*Бабка касаротая, посля яды столькя крошик на палу пада мной*); **чернобровая**, «чернобровая» становится постоянным эпитетом донской казачки (*Ой да, здрастуй, девочка, Будто, чернобровочка*) (Казачья песня). Смещение славянских и азиатских кровей обусловило появление некоторых особенных внешних черт белого населения, осевшего на Дону. Одно из них является то, что казачка обязательно «чернобровая» или «с черными бровями».

2) **Прическа, состояние и цвет волос:** **патлы** ‘волосы’ (*Патлы длинныи у няё*); **патлатый** ‘непричёсанный, косматый, лохматый’ (*Патлатый, не расчесанный вышил*); **виски** ‘волосы’ (*Виски свои распустила*); **чубатый** ‘мужчина, имеющий, волнистый и густой волос’ (*Он красивый, чубатый*). «Чубатый», как постоянный эпитет, часто встречается в песнях (*Ой, донские казаки, чубатые ребята*); **распокрыться** ‘обнажить себе голову, снять с себя головной убор’ (*Я давя распакрылась, а сонца припакать*). **Патлы** и **виски** чаще употребляются с негативной оценкой, когда говорящий хочет подчеркнуть неопрятную причёску, особенно, когда речь идёт о женщине.

3) **Вес и связанный с этим общий вид, физическое состояние:** **гладкий** ‘полный, толстый’ (*Эта рубаха на няво не залезит, он гдаткий*); **разжирелый** ‘толстый, тучный, разжиревший’ (*Разжирелая я уш стала*); **бесчерёмный** ‘очень худой, болезненный’ (*Бесчирёмный – эта худой значить*).

4) **Рост:** **удлишиша** ‘высокий, худой’ (*Жана у няво удлишиша*); **гицуль** ‘длинноногий, худощавый человек’ (*Гицуль, ноги у няво длинныи*); **длинногачий** ‘длинноногий’ (*Длинногачий – ноги больна длинныи*).

5) **Фигура:** **коршеватый** ‘крепкий, коренастый’ (*Не только бабу квётую и пустомясую, а и ядрёных каршеватых атаманцев умел Степан валить с ног ловким ударом в голову*); **кургузая** ‘статная, упитанная’ (*В дефках какая-та худая была, щас кургузая, важная стала*); **приглядчивый** ‘приятный на взгляд, привлекательный, приглядный’ (*У маей систре зять очинь приглядчивый*).

6) **Походка:** **причичекать** ‘прийти, хромая, с трудом передвигаясь’ (*Пака причичекаю я, ноги та бальныи*), **залатошитъ** ‘пойти быстро’ (*Ана залаташыла впирёт мине*); **дошкандылять** ‘дойти с трудом’ (*Я сама ели дашкандыляла*).

7) **Одежда и степень её презентации:** **убратая** ‘красиво одетая’ (*Нивеста дюже харашо была убратая*); **предакуратить** ‘придать себе более нарядный, красивый вид, привести себя в порядок’ (*Я адываюсь, нада придакуратиться*); **затёрханный** ‘заношенный, затёртый (об одежде)’ (*В затёрханной пальтушке пришла*).

8) **Степень чистоты и аккуратности:** **промытая** ‘чистая, ухоженная женщина’ **зачуханный** ‘грязный, неопрятный, неряшливый’ (*Што и ты ходишь такой зачуханный*); **захлюстанка** ‘нечистоплотная, неаккуратная, неряшливая женщина’ (*Захлюстанка – очень грязная, ниаккуратная*).

Лексико-тематическая группа «интеллект»

Ум как способность понимать и познавать действительность и глупость как несоответствие обозначенной норме всегда сопровождали человеческую коммуникацию. В донском диалекте ценность «ум» занимает в сознании носителей одно из немаловажных мест. Среди лексем, характеризующих человека по его умственным способностям, по его

сообразительности и способности находить выход из любой ситуации, условно можно выделить следующие микротемы:

1) **Ум, сообразительность:** *мозговатый* ‘сообразительный’ (*Ты жа мышлёный, подумай как тут лучше атрезать*); *башиковитый* ‘сообразительный, умный’ (*Ана такая башиковитая, сразу саабразила*); *учёный* ‘умный, много знающий’ (*Он такой учёный, стока кних прочёл*).

2) **Недостаток ума:** *Толкушка* ‘непонятливый, бестолковый человек’ (*Толкушка ты, целый час гаварю, а ты никак в ум ни вазьмёи*); *тупоумок* ‘глупый, бестолковый, тупой человек’ (*Ани яво фсяда тупаумкам звали*); *дурка* ‘глупая, недалёкая женщина, дурочка’ (*Та дурка понабрешишь*).

3) **Умственная деятельность:** *пораховать* ‘подумать’ (*Давай с тобой парахуем, как лучше*); *смикетить* ‘понять, догадаться, сообразить’ (*Я смикетила, как эта сделать*); *недотюкать* ‘недодуматься’ (*А я и не датюкала, што так можна*).

Лексико-тематическая группа «эмоции»

Человеческие эмоции являются неотъемлемой частью объективной реальности. «В этом заключается специфика эмоций человека: они – и объект отражения в языке, и инструмент отражения самих себя и других объектов действительности» [4, с. 7]. Под эмоциональными явлениями в современной психологии понимаются субъективные переживания человеком, его отношения к предметам, явлениям, событиям, другим людям.

Как известно, эмоции любой языковой общности социально и психологически обусловлены национальным опытом народа, не только являясь реакцией на окружающую действительность, но и составляя значительный фрагмент картины мира определённого этнокультурного сообщества. Эмоциональная окрашенность номинации является одним из универсальных признаков донской диалектной картины мира по отношению к общезыковой и другим диалектным картинам мира, наряду с антропоцентризмом и субъективизмом. Данная тематическая группа включает в себя множество микротем.

1) **Радость:** *радый* ‘рад, доволен’ (*Радая я вам всем*); *взрадаться* ‘обрадоваться’ (*Немцев прогнали, так весь хутор взрадался*).

2) **Страдание:** *жаль* ‘сострадание, сочувствие, жалость’ (*Да неужто у вас никакой жали нет*); *жалковать* ‘печалиться, горевать’ (*Чтоб её сердце не жалковало, не горевало*); *тома* ‘уныние, тоска, душевная мука, томление’ (*Вот мне быстра тома прибила*).

3) **Гнев:** *вызвериться* ‘рассверипеть, с жестокостью отнестись к кому-либо’ (*Мать как вызверится, сразу лупить зачинает*).

4) **Пренебрежение:** *кочетиниться* ‘нервничать, проявлять заносчивость’ (*Он на собрании вечно кочетиниться*); *косоротиться* ‘кривить лицо, выражая неудовольствие’ (*Она скосоротилась и не поздоровкалась со мной*).

5) **Враждебность, грубость:** *набычиться* ‘обидеться, рассердиться, нахмуриться, сделать недовольное лицо’ (*Мне тоже неприятно, так что же, набычиться и сидеть?*); *дуроломный* ‘грубый, драчливый, несдержанный’ (*Он дуроломный такой, ат няво нада падавшие держаца*).

6) **Страх:** *захолонуть* ‘испытать ощущение холода под влиянием страха или другого сильного чувства’ (*Немец зашёл, а у меня ноги отнялись, всё захолонуло*); *чураться* ‘пугаться’ (*Он чурается, не подходит*).

7) **Тревога:** *взгурмаишиться* ‘начать тревожиться’ (*Сказали автобус не приедить, все взгурмаишились*); *взболумутить* ‘внести смятение, беспокойство’ (*Взболумутил нас попусту*).

8) **Стыд:** *страм* ‘стыд, позор, бесчестие, срам’ (*Страму на фсю станицу наделали*); *страмота* ‘То же, что страм’ (*Ой, страмата-т какая*); *страмотить* ‘стыдить’ (*Её за такие дяла застрамотить надо*).

Лексико-тематическая группа «трудовая деятельность».

1) **Трудолюбие:** *рабочий* ‘охотно и много работающий’ (*Он хароший, бяручий, рабочий*); *бяручий* ‘берущийся за любую работу’ (*У мене зять молодец, бяручий*); *суетной* ‘расторопный, быстрый, проворный’ (*Баба суетная, вертицца возля печки, харошая, быстрая, фсё делать*).

2) **Безделье:** *шабоня* ‘лодырь’ (*Ты зачем яво приняла, шабоню?*); *шлындать* ‘ходить, слоняться без дела’ (*Шлындаши, ходиши*).

Донское казачество исторически сложилось как замкнутое военно-служилое сословие, для которого, в отличие от основной массы русского социума, был характерен особый образ жизни. Участие в военных действиях, самоуправление, относительная независимость, полное обеспечение со стороны правительства и государства – всё это ставило казачество в особое положение, способствовало образованию замкнутого привилегированного сословия. «Человек придерживается определённой системы ценностей, которые представляют собой разделяемые членами этнокультурного коллектива, убеждения относительно целей, к которым следует стремиться» [1, с. 135].

Своеобразие военного уклада жизни и быта казаков нашло отражение в лексике и фраземике донского диалекта. На Дону появилось множество слов и выражений, отражающих специфику казачьей военной жизни. Многие слова и выражения с внутренней военной семантикой со временем переосмысливаются и начинают активно функционировать в речи местных жителей. Например: *загнуть за Можай* ‘заставить кого-либо отступить’; *не оставить кожу на барабан* ‘сильно избить’; *под турецкую границу* ‘далеко, неизвестно куда, в чужую сторону’; *не мня ряды* ‘не внося панику, не расстраивая боевой порядок’; *служивка* ‘служивый человек’; *вздымать орду* ‘поднимать шум, скандал’; *выпить стремленную* ‘проводить казака на службу’; *выкинуть с десятка* отбраковать; *у нашего полку нет толку* ‘у кого-либо ничего не получается’ (поговорка); *зыпунь добывать* ‘ходить в поиск, за военной добычей’; *бить сполох* ‘бить тревогу, беспокоиться’; *лучше живой урядник, чем мертвый сотник* (пословица); *потерять язык* ‘замолчать, стать молчаливым’; *бывать в бывальницах* ‘об опытном, мудром человеке’; *не пойти на лихо* ‘суметь постоять за себя, дать отпор, не дать себя в обиду’; *посадить на прикол (на кукан)* ‘привлечь к ответственности, лишиться самостоятельности, свободы; арестовать’; *во рту портянки помое и высушит* ‘необыкновенно ловкий, находчивый, изворотливый’.

В настоящее время, когда военная миссия казачества отошла на второй план, многие из указанных лексем перешли в пассивный словарный арсенал. Следует, однако, отметить такое современное языковое явление, как актуализация некоторых слов и выражений, изначально принадлежавших к военной сфере. Так при сборе материала в станице Нижний Чир и хуторе Суворовском, нами было выявлено ряд часто употребляемых слов и выражений: *атаман, атаманиша, атаманить, казаковать, махать шапкой, круговой сбор, собрался круг, полчанин*.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что универсальными признаками донской диалектной картины мира по отношению к общезыковой и другим диалектным картинам мира, являются такие, как антропоцентризм, субъективизм, эмоциональная окрашенность номинации. Антропоцентризм мировидения диалектоносителей проявляется ещё и в том, что в донских говорах представлена развёрнутая синонимия наименований всего, что связано с самим человеком, его чувствами, переживаниями, физическими и физиологическими состояниями [2, с.101]. Например, общерусскому слову *глаза*, которое употребляется как оценочно нейтральное, в донских говорах соответствуют стилистически маркированные слова *бельтюки, бельма, вытраски, волосы – патлы, виски* и др.

Таким образом, рассмотренное семантическое поле «Человек», в донских казачьих говорах, является живой, продуктивной подсистемой лексики и активно взаимодействует с другими тематическими группами. Лексико-фразеологический фрагмент языковой картины мира носителей донского диалекта отражает все основные стороны жизнедеятельности человека. Человек является своеобразной начальной точкой отсчёта.

Опираясь на данное исследование, можно продолжить разработку системы лексических оппозиций как словообразовательных, так и лексических моделей, а также при изучении различных типов диалектных текстов, подвергнув их лингвистическому анализу по определению ключевой функции лексики данной тематической группы.

Собранный и изученный материал донских говоров в дальнейшем может быть исследован при более полном моделировании синонимических рядов и подробном описании способов образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Брысина Е.В. Лингвокультурное пространство казачьего подонья / Е.В. Брысина, В.И. Супрун, Е.И. Алещенко. – Волгоград: Перемена, 2016. – 358 с.
3. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): монография / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1998. – 93 с.
4. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – Волгоград: Перемена, 2008. – 419 с.
5. Шолохов М.А. Тихий Дон : роман в 4-х кн. / М.А. Шолохов. – М.: Профиздат, 1990. – 368 с.
6. Юрченко С.А. Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров): автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук (10.02.01) / С.А. Юрченко. – Волгоград, 2008. – 25 с.
7. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.
8. Словарь русских донских говоров: в 3 т. Ростов-на-Дону: Изд-во Рос. ун-та, 1975–1978.

Поступила в редакцию 15.12.2017 г.

THE IMAGE OF A MAN IN THE DON COSSACK DIALECTS

I.M. Filatova

The article examines vocabulary, characterizing the image of a man in the don Cossack dialects. The relevance of the topic due to the fact that names reflect live processes of the people's nomination and contributed to a better understanding dialectal speech. The study was selected lexical-thematic groups of the semantic field "Man", the basic universal characteristics of the don dialect picture of the world.

Key words: dialectal picture of the world, the don Cossack dialects, people.

Филатова Ирина Михайловна.
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет».
Кафедра русского языка и методики его
преподавания.
E-mail: IRINA.50390@yandex.ru.

Filatova Irina Mikhaylovna.
Volgograd State Socio-Pedagogical University.
Department of Russian language and its teaching
methods.
E-mail: IRINA.50390@yandex.ru.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ В МАЛОЙ ГРУППЕ

© 2018. *А.В. Сидоренков*

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

В статье представлен обзор исследований, в которых использовался типологический подход к изучению межличностных конфликтов в малых группах. Выделены и рассмотрены несколько аспектов применения типологического подхода: связь между типами конфликта, восприятие членами группы и интенсивность типов конфликта, детерминанты или предикторы типов конфликта, типы конфликта как промежуточная переменная в связи между групповыми и/или персональными явлениями, детерминирующая роль типов конфликта относительно групповых явлений и процессов, связь типов конфликта с работой и эффективностью группы. Обнаружено, что типологический подход достаточно широко распространен за рубежом и практически не применяется в российской психологии.

Ключевые слова: малая группа, межличностный конфликт, типы конфликта.

Конфликты внутри малых групп представляют значительный интерес с точки зрения науки и практики. Это обусловлено тем, что они неизбежны, играют весомую роль в жизнедеятельности группы. Они оказывают прямое или косвенное, положительное или отрицательное влияние на внутригрупповые процессы и явления, результаты групповой деятельности, психологическое состояние членов и их удовлетворенность группой. В конечном счете это отражается на функционировании и эффективности группы.

Феномен межличностного конфликта в малых группах имеет сложную природу, о чем свидетельствуют разные формы его проявления. Так, в зависимости от целей противоборствующих сторон, в конфликтах могут преследоваться личные, групповые или общественные цели; с точки зрения оправданности конфликты могут способствовать или не способствовать достижению целей противоборствующими сторонами; в этическом плане конфликты могут иметь социально приемлемые и неприемлемые формы проявления [1]. По содержанию противоречий, лежащих в основе конфликтов, последние подразделяются на конфликт мнений, интересов, ценностей и поведения [3]. В аспекте последствий конфликта [4], его позитивных или негативных функций [8] различают конструктивные и деструктивные конфликты. Конфликты также разделяют на реалистические, возникающие из-за наличия у оппонентов конкурентных целей, и нереалистические, обусловленные, скорее, необходимостью разрядки напряжения, по крайней мере у одной из сторон [2]. Кроме того, выделяют симметричный и асимметричный конфликт. Первый предполагает, что обе стороны хотят изменения, а второй – что одна сторона хочет изменения, а другая стремится поддерживать статус-кво [21; 36; 47].

Однако более широкое распространение в литературе получила идея о типах межличностного конфликта, отличающихся по основаниям возникновения и сферам их проявления в жизнедеятельности группы. Чаще указывают на два типа конфликта, но с отличающимся их обозначением: конфликт задачи и отношения [28], предметно-

деловой и личностно-прагматический конфликт [5], деятельностно-ориентированный и субъектно-ориентированный конфликт [7], конфликт интереса и когнитивный конфликт [15], когнитивный и эмоциональный конфликт [37]. Несмотря на различия в терминологии, большинство типологий имеют много общего с точки зрения содержания каждой разновидности конфликта.

Наряду с конфликтом задачи и отношения также обращают внимание, но реже, на конфликт задачи [29; 31]. В настоящее время сложилось более или менее общепринятое за рубежом понимание этих типов конфликта. Так, конфликт отношения в общих чертах определяется как разногласия и воспринимаемая несовместимость между членами группы относительно личных проблем, предпочтений, ценностей, индивидуальных проявлений, не имеющие непосредственного отношения к основной деятельности производственной группы. Под конфликтом задачи подразумеваются разногласия (различие точек зрения, идей и мнений) среди членов группы относительно задач и путей их решения, интерпретации информации, связанной с задачами. Конфликт процесса трактуется как разногласия о распределении обязанностей и ресурсов, делегировании полномочий. Согласно еще одной точке зрения, конфликт задачи определяется как конфликт относительно результатов (исходов), а конфликт процесса – как конфликт относительно средств [14]. При этом исследователи предлагают выделять в конфликте процесса такие разновидности, как логистический конфликт и конфликт вклада. Первый является результатом разногласий о том, как наиболее эффективно спланировать и организовать работу группы над задачей, использовать ее ресурсы. Второй связан с разногласиями относительно вкладов отдельных членов группы в выполнение общей задачи. Несмотря на предложенную трехфакторную модель конфликта, большая часть специалистов изучает два типа конфликта: задачи и отношения. Это обусловлено концептуальной нечеткостью различения конструктов «конфликт задачи» и «конфликт процесса» [35], высокой корреляцией между этими двумя типами конфликта [24; 26; 32]. Поэтому существует необходимость в более четких определениях конфликта задачи и конфликта процесса, чтобы отобразить уникальный характер каждого из них.

В другой типологии, включающей деятельностно-ориентированный и субъектно-ориентированный конфликт, первый тип предполагает активную негативную направленность сторон друг на друга, связанную с ключевыми аспектами совместной (профессиональной) работы. Это может быть понимание членами сути задач, способов и ресурсов их решения, распределение ролей и ответственности в процессе работы и др. Такой конфликт фактически включает конфликт задачи и процесса, что было установлено эмпирическим путем [7]. Субъектно-ориентированный конфликт – это негативная активность сторон (субъектов) относительно друг друга в сфере коммуникации, которая прямым образом не связана с задачами и содержанием основной совместной работы. Предмет такого конфликта коренится не в профессиональных (деловых, инструментальных), а в сугубо субъектных характеристиках (например, личностные качества индивида) и поведении сторон, которые могут порождать негативные эмоциональные отношения между ними. Этот тип конфликта по своему содержанию ассоциируется с конфликтом отношения. Однако любой конфликт (конфликт отношения, задачи и процесса и др.) всегда касается отношений между участниками. Следовательно, термин «конфликт отношения» выходит за границы своего предметного поля и имеет очень широкое звучание.

Можно отметить несколько аспектов применения типологического подхода к анализу внутригрупповых межличностных конфликтов. Первый заключается в

изучении связи между типами конфликта. Так, в исследованиях, в которых использовалась шкала внутригруппового конфликта [28], значения коэффициента корреляции между субшкалами конфликта задачи и конфликта отношения варьировались от $-0,22$ до $0,73$, но в большинстве случаев между ними была выявлена значительная связь [11; 12; 28; 32; 41]. В литературе встречаются попытки объяснить эту связь. Одни специалисты обращают внимание на компоненты, которые создают точки соприкосновения между двумя типами конфликта: а) эмоционально основанные реакции членов группы на конфликт по поводу решаемой задачи; б) поведенческие проявления отрицательных эмоций; в) взаимное восприятие членами группы враждебности [37]. Другие предполагают, что в основе корреляции между двумя типами конфликта находится атрибуция [9; 31; 48]. А именно: когда конфликт задачи в группе воспринят как личное нападение, а не как обсуждение задачи, то он может вызвать конфликт отношения. С другой стороны, конфликт отношения может вызвать конфликт задачи, когда несовместимость по личным вопросам воспринята членами как различие в их позициях относительно рабочей задачи. К этим объяснениям мы можем добавить следующее предположение: одни и те же причины (например, конкуренция за карьерное продвижение) могут одновременно порождать разные типы конфликта, так что они протекают одновременно и являются связанными между собой общей причиной.

Выделено несколько моделей связи между конфликтом задачи и отношения:

- 1) конфликт задачи приводит к конфликту отношения;
- 2) конфликт отношения вызывает конфликт задачи;
- 3) существует взаимная непосредственная связь между конфликтом задачи и отношения;
- 4) влияние конфликта задачи на конфликт отношения опосредовано промежуточными переменными;
- 5) действие конфликта отношения на конфликт задачи обусловлено промежуточными переменными.

Эмпирическая проверка этих моделей в одном из исследований показала, что:

- а) конфликт отношения усиливает конфликт задачи (модель 2);
- б) связь между конфликтом задачи и последующим конфликтом отношения опосредована групповым негативным аффектом (модель 4);
- в) уровень доверия в группе модулирует действие конфликта задачи на конфликт отношения (модель 5), а именно: конфликт задачи вызывает более высокие уровни конфликта отношения в группах с более низким уровнем межличностного доверия, чем в группах с более высоким уровнем доверия [18].

Не были подтверждены модели 1 и 3. Тем не менее есть эмпирические свидетельства, например, детерминирующей роли конфликта задачи относительно конфликта отношения (модель 1) [43; 45; 48]. В других работах также рассматривались опосредованные связи между конфликтом задачи и конфликтом отношения. Например, обнаружено, что группы с высокими уровнями доверия лучше способны избегать перерастания конфликта задачи в конфликт отношения [48]. Высокий уровень конфликта задачи в сочетании с низким уровнем доверия приводит к высокому уровню конфликта отношения [45]. Наоборот, когда уровень доверия высок, то конфликт задачи слабо связан с конфликтом отношения.

Значительно реже специалисты обращаются к вопросу о связи конфликта процесса с конфликтом задачи и отношения. Например, исследование взаимовлияния трех типов конфликта в течение существования студенческой проектной команды

показало, что конфликт процесса появляется рано в жизнедеятельности команды, а высокая мера его выраженности в самом начале приводит к высоким уровням проявления всех трех форм конфликта (процесса, задачи и отношения) в последующий период [24]. В другом исследовании была обнаружена высокая корреляция между конфликтом процесса и конфликтом отношения, но не выявлена значимая связь конфликта задачи с конфликтом процесса [14].

В контексте второго аспекта рассматривается восприятие членами группы и интенсивность типов конфликта. Например, изучалось восприятие членами группы интенсивности и различия типов конфликта (задачи, процесса и отношения), а также позитивных и негативных последствий конфликта [35], восприятие степени выраженности конфликта задачи в зависимости от композиции (по экстраверсии и интроверсии членов) и коммуникативной среды (коммуникация «лицом к лицу» и опосредованная компьютером коммуникация [50].

Третий аспект предполагает изучение детерминант или предикторов конфликта. Так, была показана роль копинг-стратегий в эскалации конфликта отношения в течение времени [46], межличностного доверия в проявлении конфликта задачи и отношения при отрицательной обратной связи относительно результатов групповой деятельности [45], дистрибутивной несправедливости в конфликте задачи [49]. Среди возможных причин возникновения конфликта внимание уделяется также групповой композиции по определенным характеристикам членов. В частности, не выявлено непосредственной связи между разнообразием-однобразием по экстраверсии и конфликтом отношения [42]. В свою очередь, ценностное разнообразие положительно связано с конфликтом задачи и отношения [27], а разнообразие в связи переменных «срок пребывания – возраст» – с конфликтом отношения в диадах [17].

Четвертый аспект сконцентрирован на типах конфликта как промежуточной переменной в связи между какими-то персональными и/или групповыми явлениями. Например, исследована роль типов конфликта (задачи и/или отношения) в связи между композицией группы (возрастной и национальной гетерогенностью) и намерением членов остаться в команде [13], между групповой композицией (разнообразием экспертных знаний и мастерства членов) и выполнением работы командой [39], между неочевидными проблемами группы и ее эффективностью (воспринимаемой членами продуктивностью и объективными показателями работы) [33], между организационным гражданским поведением членов и групповой работой [17].

Пятый аспект применения типологического подхода в области межличностных конфликтов связан с изучением их детерминирующей роли относительно некоторых групповых явлений и процессов. Так, изучалось влияние конфликта задачи и отношения на информационный обмен между членами группы, в том числе с учетом опосредующих переменных (ощущение осмысленности, безопасности и доступности) и вовлеченности в работу [16], взаимозависимость руководителей и подчиненных в организации [19].

Шестой аспект охватывает анализ связи типов конфликта с работой и эффективностью группы. Например, изучалась связь конфликта задачи, процесса и отношения с продуктивностью группы, способностью членов координировать работу, их приверженностью групповой задаче [14], групповой работой [17], коллективной действенностью [23] и эффективностью группы [23; 25], связь деятельностно-ориентированного и субъектно-ориентированного конфликта с эффективностью производственных групп и неформальных подгрупп в группах [6]. Так, обнаружено, что деятельностно-ориентированный и субъектно-ориентированный конфликт

отрицательно связан с воспринимаемой членами производственно-экономической и социально-психологической эффективностью группы. Связи между двумя типами межличностного конфликта и показателем производственно-экономической эффективности группы по экспертным оценкам модулируются микрогрупповым деятельностно-ориентированным и групповым субъектно-ориентированным конфликтом.

Принято считать, что конфликт отношения практически всегда является дисфункциональным и отрицательно влияет на работу группы, организационное гражданское поведение, включенность в работу и удовлетворенность членов и др. [16; 17; 28; 29]. Однако не во всех исследованиях отмечена отрицательная роль конфликта отношения, например, в выполнении командой работы [14]. В свою очередь, умеренный конфликт задачи чаще позитивно действует на работу команды [28; 29; 31; 44]. Вместе с тем, конфликт задачи может создавать негативный эффект, например увеличивать уровень напряженности [22], отрицательно влиять на индивидуальную работу служащих [10]. Неоднозначность результатов исследований стимулировала интерес к так называемой модели непредвиденных обстоятельств, в соответствии с которой конфликт задачи и конфликт отношения имеют различное действие на эффективность работы команды в зависимости от определенных обстоятельств, включая задачи, нормы поведения в конфликте и стратегии управления конфликтом [20; 30]. Что касается конфликта процесса, то в разных работах получены как похожие, так и противоречивые результаты. Так, в одном исследовании не обнаружено влияние конфликта процесса на качество решения проблем в группах [35], а в других показано, что он уменьшает восприятие креативности и инновативности [38; 40], снижает удовлетворенность членов группой [14], связан с более низкой производительностью [34].

Некоторая неопределенность роли, которую играет конфликт задачи и конфликт процесса, может быть понята посредством анализа связи данных типов конфликта с конфликтом отношения. А именно: специалисты фокусируются либо на анализе действия соотношения и взаимоотношения типов конфликта на определенные аспекты эффективности группы [35], либо на промежуточной роли какого-то типа конфликта в связях между другим типом конфликта и определенными переменными эффективности группы [22; 28; 41].

В заключении надо отметить следующее. Во-первых, типологический подход к изучению межличностных конфликтов в малых группах достаточно широко распространен за рубежом и практически не применяется в российской психологии.

Во-вторых, в рамках типологического подхода существует несколько направлений исследования межличностных конфликтов в группах; а именно: связь между типами конфликта, восприятие членами группы типов конфликта, детерминанты или предикторы типов конфликта, типы конфликта как промежуточная переменная в связи между групповыми и/или персональными явлениями, типы конфликта как детерминанты или предикторы социально-психологических явлений и процессов в группе, связь типов конфликта с групповой работой и эффективностью.

В-третьих, межличностный конфликт преимущественно изучается в общегрупповом контексте. Вместе с тем межличностный конфликт целесообразно рассматривать в контексте социально-психологической структуры, т.е. внутри неформальных подгрупп в группе, между представителями разных подгрупп и т.д., так как особенности его проявления в этих структурных контекстах могут отличаться.

В-четвертых, помимо межличностного, могут быть другие уровни конфликта в группе: конфликт между индивидом и группой, между индивидом и неформальной

подгруппой, между подгруппами, между подгруппой и группой. Эти уровни конфликта, как и межличностный конфликт, могут иметь несколько типов. Поэтому надо комплексно изучать все уровни проявления конфликта по каждому типу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко В.В. Социально-психологический климат коллектива и личность / В.В. Бойко, А.Г. Ковалев, В.Н. Панферов. – М.: Мысль, 1983. – 207 с.
2. Донцов А.И. Проблема конфликта в западной социальной психологии / А.И. Донцов, Т.А. Полозова // Психологический журнал. – 1980. – Т. 1, № 6. – С. 119–133.
3. Первышева Е.В. Межличностный конфликт как фактор социализации старших подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.В. Первышева. – М., 1989. – 26 с.
4. Пископфель А.А. Концептуальные предпосылки организационно-деятельностной модели социального конфликта / А.А. Пископфель // Вопросы психологии. – 2002. – № 6. – С. 55–72.
5. Полозова Т.А. Межличностный конфликт в группе (теоретические принципы и опыт экспериментального исследования): автореф. дис. ... канд. психол. наук / Т.А. Полозова. – М., 1980. – 18 с.
6. Сидоренков А.В. Внутригрупповые конфликты и эффективность производственной группы / А.В. Сидоренков // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 35–50.
7. Сидоренков А.В. Инструментарий исследования типов межличностных противоречий и конфликтов в малых группах / А.В. Сидоренков, Е.А. Локтева, А.А. Мкртчян // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 2. – С. 103–117.
8. Сидоренков А.В. Социальная психология малых групп: учеб. пособие / А.В. Сидоренков. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. – 381 с.
9. Amason A.C. Distinguishing the effects of functional and dysfunctional conflict on strategic decision making: Resolving a paradox for top management teams / A.C. Amason // Academy of Management Journal. – 1996. – Vol. 39. – P. 123–148.
10. Anwar N. Task conflicts and its relationship with employee's performance / N. Anwar [et al.] // Interdisciplinary Journal of Contemporary Research in Business. – 2012. – Vol. 3 (9). – P. 1338–1343.
11. Ayoko O.B. The influence of team emotional intelligence climate on conflict and team members' reactions to conflict / O.B. Ayoko, V.J. Callan, C.E.J. Härtel // Small Group Research. – 2008. – Vol. 39 (2). – P. 121–149.
12. Balkundi P. Unlocking the influence of leadership network structures on team conflict and viability / P. Balkundi, Z. Barsness, J.H. Michael // Small Group Research. – 2009. – Vol. 40 (3). – P. 301–322.
13. Bayazit M. Should I stay or should I go? Predicting team members' intent to remain in the team / M. Bayazit, E.A. Mannix // Small Group Research. – 2003. – Vol. 34 (3). – P. 290–321.
14. Behfar K.J. Conflict in small groups: The meaning and consequences of process conflict / K.J. Behfar [et al.] // Small Group Research. – 2011. – Vol. 42 (2). – P. 127–176.
15. Brehmer B. Social judgment theory and the analysis of interpersonal conflict / B. Brehmer // Psychological Bulletin. – 1976. – Vol. 83. – P. 985–1003.
16. Chen Z. Exploring the underlying processes between conflict and knowledge sharing: A work-engagement perspective / Z. Chen, X. Zhang, D. Vogel // Journal of Applied Social Psychology. – 2011. – Vol. 41 (5). – P. 1005–1033.
17. Choi J.N. Group-level organizational citizenship behavior: Effects of demographic faultlines and conflict in small work groups / J.N. Choi, T. Sy // Journal of Organizational Behavior. – 2010. – Vol. 31. – P. 1032–1054.
18. Choi K. Competing hypotheses analyses of the associations between group task conflict and group relationship conflict / K. Choi, B. Cho // Journal of Organizational Behavior. – 2011. – Vol. 32. – P. 1106–1126.
19. Coleman P.T. Navigating conflict and power at work: The effects of power and interdependence asymmetries on conflict in organizations / P.T. Coleman [et al.] // Journal of Applied Social Psychology. – 2013. – Vol. 43 (10). – P. 1963–1983.
20. De Dreu C.K.W. Task versus relationship conflict, team member satisfaction, and team effectiveness: A meta-analysis / C.K.W. De Dreu, L.R. Weingart // Journal of Applied Psychology. – 2003. – Vol. 88. – P. 741–749.
21. De Dreu C.K.W. The structure and management of conflict: Fighting or defending the status quo / C.K.W. De Dreu, E.S. Kluwer, A. Nauta // Group Processes & Intergroup Relations. – 2008. – Vol. 11 (3). – P. 331–353.
22. Friedman R.A. What goes around comes around: The impact of personal conflict styles on work conflict and stress / R.A. Friedman [et al.] // International Journal of Conflict Management. – 2000. – Vol. 11. – P. 32–55.
23. Goncalo J.A. Can confidence come too soon? Collective efficacy, conflict and group performance over time / J.A. Goncalo, E. Polman, C. Maslach // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 2010. – Vol. 113. – P. 13–24.

24. Greer L.L. Conflict transformation: A longitudinal investigation of the relationships between different types of intragroup conflict and the moderating role of conflict resolution / L.L. Greer, K.A. Jehn, E.A. Mannix // *Small Group Research*. – 2008. – Vol. 39 (3). – P. 278–302.
25. Griffith T.L. Information processing in traditional, hybrid, and virtual teams: From nascent knowledge to transactive memory / T.L. Griffith, M.A. Neale // *Research in Organizational Behavior*. – 2001. – Vol. 23. – P. 379–421.
26. Hamm-Kerwin S. Intragroup conflict in non-profit sport boards / S. Hamm-Kerwin, A. Doherty // *Journal of Sport Management*. – 2010. – Vol. 24. – P. 245–271.
27. Hobman E.V. The role of team identification in the dissimilarity-conflict relationship / E.V. Hobman, P. Bordia // *Group Processes & Intergroup Relations*. – 2006. – Vol. 9 (4). – P. 483–507.
28. Jehn K.A. A multimethod examination of the benefits and detriments of intragroup conflict / K.A. Jehn // *Administrative Science Quarterly*. – 1995. – Vol. 40. – P. 256–282.
29. Jehn K.A. A qualitative analysis of conflict types and dimensions in organizational groups / K.A. Jehn // *Administrative Science Quarterly*. – 1997. – Vol. 42. – P. 530–557.
30. Jehn K.A. Intragroup conflict in organizations: A contingency perspective on the conflict – outcome relationship / K.A. Jehn, C. Bendersky // *Research in Organizational Behavior* / Ed. by R. Kramer, B. Staw. – Amsterdam, Netherlands: Elsevier, 2003. – Vol. 25. – P. 187–242.
31. Jehn K.A. The dynamic nature of conflict: A longitudinal study of intragroup conflict and group performance / K.A. Jehn, E.A. Mannix // *Academy of Management Journal*. – 2001. – Vol. 44. – P. 238–251.
32. Jehn K.A. The effects of conflict types, dimensions, and emergent states on group outcomes / K.A. Jehn [et al.] // *Group Decision and Negotiation*. – 2008. – Vol. 7. – P. 465–495.
33. Jehn K.A. The faultline activation process and the effects of activated faultlines on coalition formation, conflict, and group outcomes / K.A. Jehn, K. Bezrukova // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 2010. – Vol. 112. – P. 24–42.
34. Jehn K.A. Why differences make a difference: A field study of diversity, conflict, and performance in workgroups / K.A. Jehn, G.B. Northcraft, M.A. Neale // *Administrative Science Quarterly*. – 1999. – Vol. 44. – P. 741–763.
35. Kerwin S. “It’s not conflict, it’s differences of opinion”: An in-depth examination of conflict in nonprofit boards / S. Kerwin, A. Doherty, A. Harman // *Small Group Research*. – 2011. – Vol. 42 (5). – P. 562–594.
36. Kluwer E.S. The division of labor in close relationships: An asymmetrical conflict issue / E.S. Kluwer, J.A.M. Heesink, E. Van de Vliert // *Personal Relationships*. – 2000. – Vol. 7. – P. 263–282.
37. Kotlyar I. Leading conflict? Linkages between leader behaviors and group conflict / I. Kotlyar, L. Karakowsky // *Small Group Research*. – 2006. – Vol. 37 (4). – P. 377–403.
38. Kurtzberg T. The influence of daily conflict on perceptions of creativity: A longitudinal study / T. Kurtzberg, J. Mueller // *International Journal of Conflict Management*. – 2005. – Vol. 16. – P. 335–353.
39. Martins L.L. A Contingency View of the Effects of Cognitive Diversity on Team Performance: The Moderating Roles of Team Psychological Safety and Relationship Conflict / L.L. Martins [et al.] // *Small Group Research*. – 2012. – Vol. 44 (2). – P. 96–126.
40. Matsuo M. Customer orientation, conflict, and innovativeness in Japanese sales departments / M. Matsuo // *Journal of Business Research*. – 2006. – Vol. 59. – P. 242–250.
41. Medina F.J. Types of intragroup conflict and affective reactions / F.J. Medina [et al.] // *Journal of Managerial Psychology*. – 2005. – Vol. 20 (3/4). – P. 219–230.
42. Mohammed S. Surface- and deep-level diversity in workgroups: examining the moderating effects of team orientation and team process on relationship conflict / S. Mohammed, L.C. Angell // *Journal of Organizational Behavior*. – 2004. – Vol. 25. – P. 1015–1039.
43. Mooney A.C. Don’t take it personally: Exploring cognitive conflict as a mediator of affective conflict / A.C. Mooney, P.J. Holahan, A.C. Amason // *Journal of Management Studies*. – 2007. – Vol. 44. – P. 733–758.
44. Pelled L.H. Exploring the black box: An analysis of work group diversity, conflict, and performance / L.H. Pelled, K.M. Eisenhardt, K.R. Xin // *Administrative Science Quarterly*. – 1999. – Vol. 44. – P. 1–28.
45. Peterson R.S. The dynamic relationship between performance feedback, trust, and conflict in groups: A longitudinal study / R.S. Peterson, K.J. Behfar // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 2003. – Vol. 92. – P. 102–112.
46. Pluut H. Perceptions of intragroup conflict: The effect of coping strategies on conflict transformation and escalation / H. Pluut, P.L. Cuşeu // *Group Processes & Intergroup Relations*. – 2012. – Vol. 16 (4). – P. 412–425.
47. Pruitt D.G. Social conflict / D.G. Pruitt // *The handbook of social psychology* / Ed. by D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey. – 4th ed. – N.Y.: McGraw-Hill, 1998. – Vol. 2. – P. 470–503.
48. Simons T.L. Task conflict and relationship conflict in top management teams: The pivotal role of intragroup trust / T.L. Simons, R.S. Peterson // *Journal of Applied Psychology*. – 2000. – Vol. 85. – P. 102–111.

49. Spell C.S. Faultlines, Fairness, Fighting: A Justice Perspective on Conflict in Diverse Groups / C.S. Spell [et al.] // Small Group Research. – 2011. – Vol. 42 (3). – P. 309–340.

50. Topi H. The effects of personality and media differences on the performance of dyads addressing a cognitive conflict task / H. Topi, J.S. Valacich, M.T. Rao // Small Group Research. – 2002. – Vol. 33 (6). – P. 667–701.

Поступила в редакцию 28.01.2018 г.

TYPOLOGICAL APPROACH TO THE RESEARCH OF THE INTERPERSONAL CONFLICTS IN SMALL GROUP

A.V. Sidorenkov

The review of researches in which typological approach to studying of the interpersonal conflicts in small groups was used is presented in article. Several aspects of application of typological approach are allocated and considered: relation between conflict types, perception by members of the group and intensity of types of the conflict, a determinant or predictors of types of the conflict, conflict types as the intermediate variable in relation between the group and/or personal phenomena, conflict types as determinants or predictors of some group phenomena and processes, relation of types of the conflict with group work and effectiveness. Typological approach is widespread abroad and actually isn't applied in the Russian psychology.

Key words: small group, interpersonal conflict, conflict types.

Сидоренков Андрей Владимирович.

Доктор психологических наук, профессор.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

И.о. зав. кафедрой психологии управления и
юридической психологии.

E-mail: av.sidorenkov@yandex.ru.

Sidorenkov Andrey Vladimirovich.

Doctor of Science (Psychology), Professor.

Southern Federal University.

Head of the Department of Psychology of
Management.

E-mail: av.sidorenkov@yandex.ru.

УДК 159.9

ПОНИМАНИЕ САМОРЕГУЛЯЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ СВОБОДЫ

© 2018. А.А. Кацера

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье осуществлен анализ подходов к пониманию феномена свободы во взаимосвязи с проблемой саморегуляции. Большинство психологических концепций и теорий сходятся в одном – акцентируют значимость психологических (внутренних) аспектов свободы. При этом основное внимание уделяют внутреннему аспекту свободы, самодетерминации и саморегуляции как потенциалам, ресурсам человека в мире, как совокупности его возможностей. В то же время слабо раскрыта внешняя «проекция» свободы, межгрупповые различия в ее образах и механизмах реализации. Остается малоизученной динамика индивидуальной свободы человека.

Ключевые слова: феномен свободы, самодетерминация, саморегуляция.

В настоящее время нестабильные политические, социально-экономические условия жизнедеятельности человека подвергают личность возрастающим нервно-психическим нагрузкам, в связи с чем обостряется проблема совершенствования способностей индивида к управлению собственными ресурсами, регуляции своих состояний, установлению равновесия между внешним влиянием, внутренним состоянием и формами поведения. Актуальность проблемы саморегуляции возрастает также в сложных ситуациях жизни, связанных с продолжительным пребыванием в условиях военного конфликта, когда на основе уже имеющихся систем и механизмов осознанной психической саморегуляции у человека происходит раскрытие и мобилизация внутренних резервов, обеспечивающих его адаптацию. При этом человек стремится сохранить одну из самых значимых индивидуальных и социальных ценностей человечества – свободу. В связи с этим проблема саморегуляции поведения человека привлекает к себе внимание исследователей, осуществляющих разнообразные подходы к ее изучению. Данная статья содержит анализ подходов к пониманию феномена свободы во взаимосвязи с проблемой саморегуляции.

Мы считаем, что в исследовании явления саморегуляции во взаимосвязи с феноменом свободы важную роль играют концепции, позволяющие рассматривать эти феномены в крупном масштабе. Одной из таких концепций может быть Большая или Универсальная история [1]. Саморегуляция присутствует на различных уровнях природы – от наноразмерности до популяций животных, от кристаллов до систем, в обществе и в индивидуальном пути развития личности, стремящейся к независимости, к ощущению свободы, и на высших стадиях эволюции саморегуляция переходит в самоуправление [2].

Вопросы свободы личности до двадцатого столетия разрабатывались преимущественно в философских трудах, посвященных непосредственно самой свободе. Это работы Н. Бердяева, Г. Гегеля, Ю. Давыдова, М. Кагана, А. Камю, И. Канта, К. Ламонта, Б. Спинозы, А. Шопенгауэра и др. Они освещают соотношение свободы и необходимости, свободы и человеческого сознания, свободы и воли, свободы и выбора, свободы и нравственности, свободы и природных обстоятельств, особенности свободы в социальной жизни, свободы и морали, проблемы свободы в

историческом процессе. Свобода – сущность духовной жизни. Как сущность любого явления, она образует для него идеал.

Наряду с исследованием свободы как идеала, важным направлением анализа свободы становится проблема свободы личности. Она занимает центральное место в исследованиях П. Гуревича, В. Зеньковского, Л. Когана, К. Леви-Стросса, И. Кона, А. Леонтьева, М. Мосса, Э. Мунье и др. В этих работах рассматриваются вопросы смысла жизни человека, природы человека, индивидуальности человека, его воспитания, личность в истории, культуре и цивилизации. Особое место среди работ этих авторов занимают вопросы, связанные непосредственно со спецификой самого личностного бытия человека, в частности, сущности личности.

Целью данной статьи является рассмотрение психологических аспектов проблематики саморегуляции и свободы, что позволит понять современное состояние вопроса, в котором понятие «свобода» описывает феноменологически переживаемый контроль над своим поведением; а понятие «саморегуляция» используется как объяснительное на собственно психологическом уровне рассмотрения внутреннего содержания свободы [3,4].

Одной из философских предпосылок психологизации проблемы свободы стала идея Ф. Бэкона о том, что с помощью знания человек становится не только хозяином окружающей природы, но и своей собственной жизни. Эту идею развил Б. Спиноза. Он указал, что свобода – это наивысшая активность человека, независимая от внешних сил [5]. Свобода человека вытекает из самой ее природы, и никакой свободы воли вне этих естественных рамок нет. Люди осознают свои желания и думают, что обладают свободой. Такая иллюзия возникает потому, что они не знают причин своих желаний. Вопрос о соотношении свободы и необходимости нельзя решить, если их отрывать друг от друга. В противном случае это приводит к произволу. Б. Спиноза видел свободу в свободной необходимости. Необходимость – это не принуждение. Последнее всегда противостоит свободе. Проблема свободы, по мнению Спинозы, может быть решена в процессе познания. Незнание – это рабство. Степень знания определяет степень свободы. Но не всякое знание дает свободу. Свобода достигается, по его убеждению, только в том случае, когда раскрывается порядок и закономерность как окружающего нас мира, так и нас самих. Спинозовская концепция свободы связана с объективными законами развития природы. Человек является частью природы. Поэтому его стремление к свободе является естественным законом – законом самосохранения. Чтобы выжить, человечество должно сегодня стремиться к свободе, потому что свобода – это основной закон жизни.

Свобода – это общее свойство всех людей [6]. Сартр трактовал свободу как свободу выбора, которую никто не может отнять у человека. И здесь, на наш взгляд, уже четко прослеживается линия понимания саморегуляции как фактора свободы: концепция свободы воли развернулась у Сартра в теорию «проекта», согласно которой индивид не *задан* самому себе, а *проектирует*, «собирает» себя в качестве такового. Тем самым, он полностью отвечает за себя и за свои поступки.

Экзистенциализм внес новые изменения во взгляд на бытие человека как личности: свобода и ответственность; поиски смысла, полнота бытия (самореализация) и осознание смерти и небытия; осознание одиночества, заброшенности и переживание общения как ценности, а также – переживания персонального «Я» как ценности.

Таким образом, дилемма свободы-детерминизма, находясь долгое время в рамках философии, постепенно стала предметом внимания психологов. В современной психологии является чрезвычайно широким диапазон понимания проблематики

свободы, возможностей самодетерминации, степени внутренней свободы, которой обладают люди при выборе направления своих мыслей, возможностей осуществления саморегуляции своего поведения,

Так, одни концепции и подходы больше ориентированы на детерминацию, хотя они существенно различаются в объяснении факторов, определяющих поведение человека.

Например, концепция З. Фрейда детерминистическая, она уходит в своих основаниях в смешанную объяснительную модель в теории познания, которая сочетает в себе одновременно взгляды Локка и Канта, то есть подчиняется: а) принципу иерархичности и прямой зависимости «высших» переменных от «низших»; б) принципу, согласно которому сложные вещи (значения) являются наиболее абстрактными, а самые простые вещи, находящиеся в их основе, являются наименее абстрактными (принцип линейной зависимости).

В то же время – и это отразилось во взглядах З. Фрейда о том, что, подчиняясь инстинктам жизни, человек направляется ими к росту, развитию и творчеству (с помощью стремления к удовольствию и избеганию боли) – его концепция строится с учетом кантовской модели познания, которая предусматривает: а) отсутствие линейной зависимости между «ниже» и «выше» переменными; б) наиболее сложные вещи (значения), по сути, не являются наиболее абстрактными – они образуют наибольшее количество связей с другими в рамках данной теории. Кроме инстинкта жизни, воплощенного в понятии «libido», З. Фрейд сформулировал и инстинкт смерти («mortido»), который может проявляться в виде агрессивного влечения. Согласно основам психоанализа, овладение врожденной агрессивностью является одной из основных задач человечества.

Личностная структура включает три инстанции: Ид (Оно) – биологический компонент, первичный источник психической активности, вместилище инстинктов, управляемое принципом удовольствия. Инстанция сохраняется неизменной в течение всей жизни человека. Это неосознаваемая часть личностной структуры выступает импульсивным источником влечений и действий. Супер-Эго (Сверх-Я) – моральная инстанция личностного «Я», формирует оценку действий или намерений с точки зрения допустимости их с учетом интериоризированных общественных норм, правил, ценностей и идеалов. Эго (Я) – центральная инстанция саморегуляции личности. Управляемое принципом реальности, Эго контролирует поведение, уравнивая импульсы в соответствии с требованиями социального окружения, осуществляет рациональный анализ ситуации, вырабатывает план поведения, ориентируясь на окружающую среду [7].

Люди ведут себя так или иначе потому, что их побуждает к этому бессознательное напряжение, и их действия имеют целью уменьшение этого напряжения. Инстинкты как таковые являются конечной причиной любой активности. Но даже в этом достаточно жестко биологически детерминированном подходе остается место для таких феноменов, как свобода выбора, ответственность, самоопределение, самодетерминация – благодаря такому элементу психики, как Эго (Я).

Поведенческое направление уходит корнями в бихевиоризм Дж. Уотсона, Э. Торндайка, а также в работы В. Белла, И. Сеченова, И. Павлова. Именно И. Сеченову принадлежит идея рефлекторной дуги с тремя компонентами (сенсорный вход, процесс передачи первичного возбуждения и эффекторный выход), действие которой было положено в основу функционирования психики. [8]. Б. Скиннер тоже искал детерминанты поведения не внутри человека, а вне его. В своей теории оперантного

обучения он утверждал, что поведение детерминировано, предсказуемо и контролируется окружением. Он считал, что личность представляет собой не что иное, как определенные формы поведения, приобретенные с помощью оперантного обучения. Это означает, что люди зависимы от прошлого опыта обучения. В такой трактовке практически не остается места свободе выбора человеком собственного поведения.

На сегодня в бихевиоризме сосуществуют три основные тенденции детерминизма: классическое обусловливание (экспериментальные традиции И. Павлова); оперантное обусловливание (связано с именем Б. Скиннера и его «модификацией поведения»), а также мультимодальное программирование. Во главе современных бихевиористических теорий находится представление о том, что человек является продуктом и одновременно производителем своей окружающей среды. Иначе говоря, современные представители данного направления стремятся к преодолению механистического детерминизма XIX века, который доминировал во взглядах традиционного бихевиоризма на природу поведения, свободы-несвободы человека. Это подход, в котором человек трактуется как деятель, который своими поступками меняет действительность. И не реакция, а акция, ее опосредованность ментальностью и ответственность за нее составляет отличие современного бихевиоризма в его трактовке человека.

Другие концепции признают в большей степени возможность и способность человека быть свободным.

Так А. Адлер во многом сохранил естественнонаучный подход к человеку и его поведению, а среди философов, повлиявших на его теорию, называются имена Ф. Ницше, Г. Вайгингера. Основная идея Г. Вайгингера заключалась в том, что, приняв этическое требование И. Канта «вести себя так, будто Бог существует», он разработал концепцию «сценария вымысла», использованную затем впервые А. Адлером. Заимствованная А. Адлером у Г. Вейгингера философия «если бы» (то есть «желаемых обстоятельств») предполагает, что люди живут вымыслом и представлениями о должном, на их поведение гораздо больше влияют ожидания, связанные с будущим, чем события прошлого. А. Адлер считал, что люди, создавая с помощью вымысла свои личные цели, тем самым с помощью этих целей определяют свое поведение и стиль жизни. Цели поведения человека не меняются в течение жизни, меняются только аттитюды.

Итак, А. Адлер не отказывался от объективного обусловливания поведения, но считал его менее значимым, чем ценности, влияющие как на сознание, так и на подсознание. Ведь, согласно адлерианству, человек – это, прежде всего, сознательное существо, которое само себя определяет в жизни посредством свободы выбора смысла жизни и стремления к самореализации. Главное препятствие на пути самореализации человека – базисное чувство неполноценности, в преодолении которого состоит личностное развитие. Таким образом, А. Адлер выступил как предтеча субъективного (феноменологического) подхода в психологии, введя значимость внутренних переменных и экзистенциальных ценностей.

В свете идеи освобождения от строго детерминизма интересны работы Э. Фромма «Бегство от свободы» (1941) и «Человек для себя» (1947), в которых исследовались психологические проблемы этики, и в частности этические парадоксы свободы.

Философская и психологическая составляющая творчества Эриха Фромма посвящена, прежде всего, проблемам человеческого существования, среди которых основной он видит проблему создания плодотворного отношения к миру и к себе

самому. Решение этой проблемы – проблемы самоопределения – позволяет человеку творить себя как личность и строить зрелые связи с миром, которые будут, в том числе, и отношениями свободы. В этом контексте и следует рассматривать социально-психологические и этические парадоксы свободы, которые описаны в работах Э. Фромма [9, 10]. Смысл этих парадоксов заключается в том, что процесс индивидуализации человека проходит в определенных исторических и социально-психологических условиях, которые могут этому процессу способствовать или препятствовать.

Проводя анализ динамических факторов в психике современного человека, побуждающих его добровольно отказываться от свободы, Э. Фромм признает заслугу основателя психоанализа З. Фрейда в постановке и анализе проблемы иррациональных бессознательных сил, которые обуславливают поведение человека. Однако он не согласен с фрейдистским противопоставлением индивида и общества и признанием начальной порочности и антисоциальности человеческой природы. Здесь позиция Э. Фромма сближается с адлеровской. Он аргументирует свое несогласие тем, что человеческий характер возникает не из инстинктивных биологических сил в человеке, а является продуктом социального процесса. И общество (по Э. Фромму) выступает не столько инстанцией подавления личности, сколько инстанцией ее создания.

Существуют исторические, общественные, семейные условия, которые являются вредными, иррациональными и препятствуют развитию человека. Задача человека – эти условия понять и изменить. Впрочем, есть путь, который не приводит к неразрешимым конфликтам – путь производительных и спонтанных связей человека с природой и другими людьми. Этот путь должен быть основан на установлении таких связей человека с миром, которые не уничтожают его индивидуальность. Высшими их проявлениями являются любовь и творческий труд, основанные на личностной целостности. Такие связи не только не ограничивают развитие личности, но и способствуют ее полному выражению. Трагедия заключается в том, что неблагоприятные социально-исторические условия, оказывающие сдерживающее и препятствующее влияние на процесс индивидуализации человека, вызывают болезненные чувства бессилия, неуверенности, никчемности и изоляции. Если экономические, политические и социальные условия, от которых зависит процесс индивидуализации человека, не могут обеспечить его продуктивную реализацию, свобода превращается в невыносимое бремя. В свою очередь это включает социально-психологические механизмы бегства от свободы. Эрих Фромм выделил три типичных механизмы бегства от свободы: 1) авторитаризм; 2) разрушительность (деструктивность); 3) автоматический конформизм.

Трем средствам бегства от свободы Э. Фромм противопоставил спонтанную активность как свободную деятельность личности, которая может проявляться в интеллектуальной и эмоциональной жизни человека, а также в его воле.

Концепция А. Адлера с ее принципами целостности, социальности, целевой ориентированности и гуманизма, идеи Фромма о том, что динамические факторы в психике человека побуждают его отказаться от свободы или, наоборот, превращают свободу в ведущую цель, нашли свое отражение в гуманистическом направлении в психологии и оказали влияние на целое поколение психологов.

Так А. Маслоу считал, что поведение человека регулируется иерархией потребностей. Первую строчку его пирамиды образуют основные, наиболее сильные и неотложные из всех потребностей – потребности физического выживания, а высшую ступень – потребности самоактуализации, которые, по Маслоу, выступают на первый

план, как правило, тогда, когда все остальные потребности удовлетворены в достаточной степени. Чем выше человек поднялся по лестнице потребностей, тем он свободнее от влияния дефицитных мотивов. В этом случае у человека больше возможностей развивать свою собственную индивидуальность, он может функционировать на уровне метапотребности, то есть реализовать врожденное побуждение актуализировать свой потенциал [11]. Другими словами, чем выше человеку удастся подняться в иерархии потребностей, тем он становится свободней.

К. Роджерс также считал, что люди свободны в решении, какой должна быть их жизнь (в контексте врожденных способностей и ограничений), то есть они играют активную роль в формировании своей жизни. Клинический опыт убедил его, что в трудных жизненных ситуациях люди, в конечном счете, сами принимают решения, и сделанный ими выбор определяет направление дальнейшего развития личности даже в большей степени, чем признает экзистенциальная философия [12]. В теории К. Роджерса свобода рассматривается как составная часть тенденции актуализации. Тенденция актуализации берет начало в физиологических процессах организма и ответственна за то, чтобы организм всегда стремился к какой-либо цели, будь то начинание, исследование, изменения в окружении, игра или творчество. Она двигает человека в направлении повышенной автономии и самодостаточности. В феноменологической психологии поведение человека регулируется уникальным восприятием окружения: каждый из нас реагирует на события в соответствии с тем, как мы субъективно их воспринимаем.

Самость (self) – центральное понятие в концепции К. Роджерса – это целостность, включающая в себя телесный (сенсорный, висцеральный) - на уровне организма, и символический, духовный опыт – на уровне сознания. По К. Роджерсу, когда все переживания ассимилируются по отношению к «self» и становятся частью ее структуры, тогда появляется тенденция к уменьшению того, что можно назвать «самосознанием». Поведение становится более спонтанным, выражение отношений менее охраняемым – «самость» может принять эти отношения и это поведение как часть себя. Таким образом, «самость» – это система внутренних отношений, которая феноменологически связана с внешним миром и явлена человеку в его «Я». Между этими двумя группами теорий находятся теории с промежуточной позицией по вопросу о свободе.

Так социально-когнитивная теория А. Бандуры [13] раскрывает концепцию взаимного детерминизма, то есть взаимной и непрерывной связи между а) открытым поведением, б) окружением (их реакцией поощрения, наказания), в) личностными факторами (ожиданиями, самовосприятиями и др.) – люди влияют на окружение в той же мере, в какой окружение влияет на них. В результате индивиды не являются ни беспомощными объектами, вполне контролируемым окружением, ни совершенно свободными существами, которые могут делать все, что им заблагорассудится. Они *обладают способностью к саморегуляции, то есть могут контролировать свои чувства, мысли и действия с помощью ожидаемых результатов, но они могут делать это только до определенного предела.*

Эта мысль в определенной степени нашла свое отражение во взглядах отечественных психологов [14]. Например, И. Вачков, опираясь на существующие в настоящее время подходы к пониманию природы и динамики развития человеческой субъектности (С. Рубинштейн, К. Абульханова-Славская, И. Зимняя, В. Петровский, Д. Леонтьев и т.д.), считает, что это системообразующее качество человека, «в котором реализуется ... стремление к проявлению и реализации себя как в пространстве

собственного внутреннего мира, так и в пространстве окружающего мира» [15; С. 70]. Мир – это совокупность возможностей. А возможности определяются одновременно свойствами предметов и человеческими свойствами. Изменяя свои свойства (используя механизмы саморегуляции, самоуправление) – увеличивая знания, формируя новые умения, развивая личностные качества и т.п., – человек расширяет свои возможности, а значит и расширяет пространство своей свободы.

Таким образом, рассматривая проблематику свободы, психология выделяет и вопрос саморегуляции личности. Термин саморегуляция чаще всего означает уровень осознанной, произвольной регуляции собственного поведения, который опирается на предшествующие, более низкие уровни (как указывалось ранее). Ресурсами саморегуляции служат интеллектуальный потенциал, эмоциональность, способность к произвольной организации действий и волевых усилий, предполагающих гибкость в зависимости от изменяющихся условий.

Выводы. В последнее десятилетие проблема саморегуляции породила множество разноплановых эмпирических исследований, касающихся выяснения причин, побуждающих людей действовать, работать, учиться и развиваться как в повседневных условиях, так и в условиях чрезвычайных, экстремальных, предъявляющих особые требования к человеку

В психологии диапазон понимания феномена свободы, степени внутренней свободы, которой обладают люди в выборе направления своих мыслей и осуществлении контроля над своим поведением, и средой, очень широк: от отрицания какой бы то ни было свободы выбора до наделения людей полной свободой, от объявления стремления людей к свободе врожденным или социально или ценностно обусловленным до обоснования побега от нее.

Большинство психологических концепций и теорий сходятся в одном – они акцентируют значимость психологических (внутренних) аспектов свободы. При этом в большинстве психологических концепций основное внимание уделяют внутреннему аспекту свободы, самодетерминации и саморегуляции как потенциалам, ресурсам человека в мире, как совокупности его возможностей.

В то же время пока слабо раскрыта внешняя «проекция» свободы, межгрупповые различия в ее образах и механизмах реализации. Остаются малоизученными гендерные, профессиональные, социальные аспекты, динамика индивидуальной свободы человека.

Следует подчеркнуть, что в перспективе психологическое понимание саморегуляции личности в контексте психологии свободы, реализация его через практику развития, психокоррекции, психотерапии имеет большое значение для углубления представления о саморегуляции как необходимом условии ощущения человеком свободы и условия психологического благополучия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Leonid E. Grinin, Andrey V. Korotayev, Barry H. Rodrigue Evolution: A Big History Perspective. Волгоград: ООО "Издательство "Учитель", Sep 29, 2011 – Human evolution – 303 pages.
2. Гринин А.Л., Гринин Л.Е. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Кондратьевские волны. Наследие и современность. Волгоград: ООО "Издательство "Учитель", 2015. С.83–104.
3. Кацера А.А. Самодетерминация как «механизм» свободы: поиск методологических оснований понимания // Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції «Харківська школа психології: спадщина і сучасна наука» (19-20 жовтня 2012 року). – Харків: ХНПУ, 2012. – С. 110–112.
4. Кацера А.О. Проблематика свободы в контексті психологічних концепцій і теорій. Її зв'язок з психологічним благополуччям. / Психологічне здоров'я і благополуччя людини: теоретико-методологічний аналіз, емпіричні дослідження [Текст]: Монографія /За заг. ред. канд. психол. наук,

доцента А.В. Гордеевой, канд. психол. наук, доцента А.О. Кацера. – Донецьк: ООО «Східний видавничий дім», 2013. С. 106–130.

5. Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 315 с.

6. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2000. – 639 с.

7. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М.: Наука, 1991. – 465 с.

8. Бондаренко А.Ф. Психологическая помощь: теория и практика / А. Ф. Бондаренко, изд. 4-е, испр. и доп. – К.: Освіта України, 2007. – 332 с.

9. Фромм Э. Бегство от свободы = Die Furcht vor der Freiheit (1941) / Перевод Г. Ф. Швейника. - Москва: Аст, 2011. – 288 с.

10. Фромм Э. Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики = Man for Himself: An Inquiry Into the Psychology of Ethics (1947) / Перевод Э. М. Спириной. – М.: Аст, 2010. – 352 с.

11. Хьелл А., Зиглер Дж. Теории личности. – СПб.: Питер, 2005. – 607с.

12. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.

13. Бандура А. Теория социального научения. - СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.

14. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. №62. С. 18–37

15. Вачков И. Самодетерминация человека как субъекта / Особистісні та ситуативні детермінанти поведінки і діяльності людини - Донецьк: ТОВ «Південно-Схід, Лтд», – 2007. С. 70.

Поступила в редакцию 30.11.2017 г.

UNDERSTANDING OF SELF-REGULATION IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGY OF FREEDOM

A.A. Katsero

In this article it's author provides the analysis of different approaches to understanding of the freedom phenomena in its interrelationship with the problem of self regulation. Most of psychological theories converge in one - emphasize the importance of the psychological (internal) aspects of freedom. The accents are made on internal aspects of freedom, self-determination and self-regulation as potentials, human resources in this world (meaning the world to be a combination of its capabilities). But the external "projection" of freedom, the intergroup differences in its shapes and mechanisms of realization are poorly disclosed. The dynamics of individual freedom of a man remains little understood.

Key words: the phenomenon of freedom, self-determination, self-regulation.

Кацера Анжелика Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: katser@list.ru.

Katsero Angelica Alexandrovna.

Candidate of Psychological Sciences, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor at Department of Psychology.

E-mail: katser@list.ru.

УДК 159.9.01

ИГРОВЫЕ ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ СОЗАВИСИМЫХ СУПРУГОВ

© 2018. М.Ю. Рогозина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье освещается проблема созависимости в супружеских парах. В рамках раскрытия сущности данного феномена проанализированы игровые формы личностного поведения созависимых супругов, а также динамические характеристики этих форм поведения. В частности, рассмотрено значение игровых форм поведения во взаимодействии созависимых супругов.

Ключевые слова: созависимость, несозависимость, игровые формы поведения, реальные формы поведения, динамические характеристики.

Проблемы в современной семье, конфликты между супругами, разногласия в точках зрения и взаимодействия и даже насилие чаще всего связаны с наличием между членами семьи определенного вида эмоциональной зависимости – созависимости. Психологическое изучение созависимости в семье характеризуется многообразием подходов, многоплановостью применяемых категорий, неопределенностью и чрезмерной широтой охвата супружеских отношений.

Созависимость можно отнести к видам эмоциональной зависимости, объектом которой выступает другой человек. Чаще всего созависимость рассматривают в двух аспектах – как явление сильной привязанности, присущее членам дисфункциональных семей, в которых кто-то страдает химической зависимостью (алкоголизмом или наркоманией) и как болезненное состояние сильной погруженности и озабоченности, крайней зависимости (эмоциональной, социальной и физической) от другого человека. В связи с широким распространением химических зависимостей среди населения, первое положение активно исследуется отечественными психологами – О. Шороховой, В. Москаленко, С. Зайцевым и др. Второй аспект исследования созависимости – рассмотрение ее как негативного явления надзначительной взаимозависимости людей друг от друга без акцентирования способа ее формирования в большей степени разработан зарубежными учеными (Дж. Уайнхолдом, У. Эрхардтом, М. Битти). Сторонники этого подхода рассматривают негативное влияние созависимости на самостоятельность человека, его ответственность за свою жизнь и способность принимать решения.

В контексте данной статьи созависимость будет рассматриваться как состояние крайней зависимости (прежде всего, эмоциональной) от другого человека. Наиболее общее определение понятия данного термина было приведено на 1-й Конференции по созависимости (США, Аризона, 1989): «Созависимость – это устойчивая болезненная зависимость от компульсивных форм поведения и от мнения других людей, является попыткой обрести уверенность в себе, осознать собственную личность, определить себя как личность».

Проблема созависимости рассматривается в психологической литературе достаточно многопланово: проявления и характеристики созависимости рассматривались Б. Башмановым, Д. Витилендом, Б. Гузиковым, И. Джермаком, В. Москаленко, О. Калининенко; причины формирования черт созависимости рассмотрены в работах М. Жидко, Р. Поттер-Эфрона, Е. Проценко, соотношение

созависимости с зависимостью представлены в работах В. Москаленко. В рамках различных исследований феномен созависимости рассматривается не только как психическое состояние личности, но и как результат нарушения семейного взаимодействия, детерминанта возникновения дисфункциональной модели семьи.

Исследователи выделяют следующие характеристики созависимой личности: наличие патологического интериоризированного чувства стыда за неприятие окружающими, присущего члену дисфункциональной семьи, потеря собственной реальности и зависимость от реальности внешней (Дж. Брэдшоу) чрезмерную озабоченность чем-то или кем-то из чрезвычайной зависимостью – эмоциональной, социальной или даже физической (Ш. Вегшедер-Круз), замедление развития собственного «Я» и сильное реагирование на происходящее вокруг в сочетании с недостаточной реакцией на внутренние процессы (Дж. Фрилл), болезненная привязанность к отношениям с определенным человеком и проблемы, которые эти отношения вызывают (Р. Лернер), долгосрочное подчинение человека правилам, по которым не допускается открытое выражение чувств и непосредственное обсуждение внутренних и межличностных проблем (Р. Шубби), попытки воспроизвести отношения родитель-ребенок, значимые для созависимой личности, в отношениях с другими лицами (К. Клементс).

Учеными доказано, что человек обладает рядом личностных качеств и их сочетаний, которые делают его подверженным созависимым отношениям, но созависимость не может возникать без другого человека – объекта созависимой личности. Поскольку одной из основных характеристик семьи является эмоциональность контактов ее членов, именно в супружеских отношениях, с их особым эмоциональным взаимодействием между партнерами, феномен созависимых отношений наиболее распространен.

М. Жидко указывает на такие критерии созависимости: 1) амбивалентность отношений, их неоднородность, сочетание несовместимых тенденций; 2) наличие в каждой супружеской паре партнера, который имеет достаточно низкую самооценку, не любит и не ценит себя; 3) дисфункциональный характер отношений в семье; 4) проблемы в семейной, сексуальной и профессиональной сферах, возникающие из-за отрицательных эмоций, вызванных воздействием созависимых отношений на каждого из партнеров; 5) потеря друзей, полная погруженность в отношения с партнером; 6) наличие сильной ревности [2].

Впервые для обозначения зависимости от любимого человека, Р. Крафт-Эббинг ввел понятие «психосексуальное соподчинение», под которым он понимал сильную зависимость человека от партнера и их личностное единение. К. Хорни считала зависимость в любви патологическим повышением нормальной психологической потребности личности в эмоциональном принятии и положительной оценке окружающих, развитие зависимости, по ее мнению, происходит на фоне общего невротического развития личности, катализаторами которого выступают неудовлетворенные еще в детстве родителями базовые потребности.

С. Пил и А. Бродски считают основной потребностью созависимых лиц потребность в безопасности, а отношения аддикции – застывшими отношениями с другим человеком, в которых партнер выполняет функцию защиты. При этом партнер кажется зависимому настолько успокаивающим и безопасным, что он не может без него обойтись, и любое событие, препятствующее возможности удовлетворения болезненной потребности в безопасности, способствует еще большему застреванию на проблеме и погружению в созависимые отношения [2].

Обобщая точки зрения различных исследователей на проблему супружеской созависимости, можно определить такие ее основные характеристики. Во-первых, личностные границы супругов отсутствуют или являются размытыми, это ведет к спутанности семейных ролей. Во-вторых, наблюдается делегирование ответственности за себя на других, результатом чего является формирование гиперответственности за других и гипоответственности за себя. В-третьих, созависимым мужчине и женщине присуще компульсивное стремление контролировать жизнь, деятельность и отношения других членов семьи. В-четвертых, имеет место низкий уровень идентификации и дифференциации «Я» созависимых супругов. В частности, в отношениях с другими лицами проявляется неспособность уважать и признавать их принципы, убеждения, модели мышления и другие формы выражения личности, на тревожную ситуацию партнеры реагируют проявлением эмоций, а не интеллектуальным осмыслением проблемы и выбором разумного поведения. В-пятых, взаимодействие супругов строится через принятие определенных ролей и игрового поведения, которое позволяет скрыть реальные чувства, желания и отношение, или даже изменить их. В-шестых, имеет место низкое самоуважение супругов, ощущение негативной самооценки. И, наконец, в-седьмых, в созависимом супружестве наблюдается проявление сильной ревности и амбивалентность отношения партнеров друг к другу [1; 3; 5; 8].

Описанные выше особенности созависимости наиболее ярко проявляются в личном взаимодействии супругов друг с другом, в понимании ими цели такого взаимодействия. Формы личностного поведения супругов могут существовать как в реальном, так и в игровом варианте (при введении в межличностное взаимодействие операции условности). Заявляя притязания, партнер определяет границы своих прав и обязанностей, из соотношения которых формируется супружеский статус. Признавая притязания, другой партнер по взаимодействию подтверждает и принимает или не принимает такое распределение прав и обязанностей первого партнера, учитывая пределы своих прав и обязанностей. При взаимодействии партнеров на уровне реальных форм поведения ими заявляются действительные требования, которые в адекватной форме выражают содержание притязания.

Игровые формы личностного поведения – это такие формы, при которых модус личных отношений видоизменяется настолько (переходит в условный план), что форма извне начинает выражать притязания, прямо противоположные исходному (реальный план). Это достигается путем использования вербальных и невербальных средств, которые отличаются от обычно применяемых. Игровое личностное поведение характеризуется двуплановостью, действенностью и значимостью чувств, а также рефлексивностью осознания раздельности действительных и воображаемых притязаний. В результате введения игровых форм поведения и создания условной ситуации во взаимодействии, на месте реальных притязаний возникают мнимые притязания, то есть смысл поведения остается, но при этом меняется форма его проявления.

По мнению Н. Смирновой [6; 7], в здоровых супружеских отношениях игровые формы личностного поведения выполняют следующие функции: предотвращают возможные конфликтные ситуации, вносят разнообразие в супружеское взаимодействие, позволяют сместить знак эмоциональных отношений между партнерами в сторону позитивности, удовлетворяют потребности в понимании и сопереживании. В дисфункциональных, нездоровых отношениях искажаются функции игровых форм личностного поведения, это приводит к невозможности разграничить

реальное и условное взаимодействие, затрудняет возможность переключения между различными формами игрового поведения и переход от игрового поведения к реальному. Главная особенность игровых форм поведения в дисфункциональных супружеских парах – это использование их с манипулятивной целью, когда к партнеру по взаимодействию относятся как к средству достижения внешних по отношению к нему целей. При этом все стороны общения видоизменяются и характеризуются фрагментарностью, стереотипизацией, выдвиганием ложных мотивов и причин действий.

Целью данной статьи является выявление и объяснение различий между игровыми формами личностного поведения, присущими созависимым и несозависимым супругам.

Исследование было организовано исходя из двух предположений: первое – в созависимом супружеском взаимодействии игровые формы поведения преобладают над реальными, а в общении несозависимых супругов формы поведения сбалансированы, наблюдается равное предъясвление реальных и игровых форм поведения; второе – созависимые и несозависимые супруги имеют различные динамические характеристики личностных форм поведения.

В исследовании принимали участие супружеские пары из 44 семей. Выборка была разделена на 2 группы: в первую вошли 23 семьи с созависимым партнером, во вторую – 21 семья с несозависимыми супругами. Для получения результатов были использованы следующие методики: «Проверка личностных качеств на созависимость» и «Игровые формы личностного поведения супругов».

Полученные результаты свидетельствуют о том, что соотношение реальных и игровых форм личностного поведения созависимых супругов отличается от соответствующих форм поведения несозависимых партнеров (различия доказаны с помощью t-критерия Стьюдента).

Реальное доминирование у созависимых супругов преобладает над игровым доминированием ($t_{эмп} = 3,51$; $p < 0,01$), в то время как несозависимые партнеры в равной степени демонстрируют реальное и игровое доминирование. Эти различия могут объясняться тем, что среди основных особенностей всех созависимых лиц является компульсивное желание контролировать брачного партнера, исходя из результатов исследования, проявляется через реальное доминирование. Открыто выражая в поведении приказы или инструкции, созависимый партнер вмешивается в психологическое пространство другого с целью тотального контроля процессов его жизнедеятельности.

Следующее различие наблюдается в показателях игрового подчинения ($t_{эмп} = 3,51$; $p < 0,01$), отмечено преобладание такого вида поведения над реальным подчинением во взаимодействии созависимых супругов, а также сбалансированность данных форм в несозависимых парах. Созависимые лица во взаимодействии выбирают игровое подчинение, это объясняется тем, что такая форма поведения удовлетворяет их потребность в перекалывании ответственности на другого человека. Подчинение требованиям и выполнения просьб партнера помогает им снять собственную ответственность и отойти от решения проблемы. С помощью игрового подчинения созависимая личность реализует стратегию поведения, которая приводит к растворению своей психологической территории в территории партнера.

Реальная позитивность поведения в сравнении с ее игровой формой, присуща как созависимым, так и несозависимым женам. Поэтому, можно предположить, что реальная позитивность является достаточно универсальным способом взаимодействия супругов.

Созависимыми мужьями и женами чаще выбирается такая форма поведения как игровая, а не реальная негативность. Игровая негативность дает возможность созависимым партнерам замаскировать свои негативные переживания в отношении друг друга посредством введения в диалог ложноположительных слов и действий, выражающих скорее положительное отношение. Выбирая данную стратегию поведения в супружеском взаимодействии, созависимые партнеры реализуют стремление угодить брачному партнеру путем демонстрации и даже переживания чувств, которые ему нравятся, а также стремление скрыть истинные эмоции с целью удовлетворения потребности в эмоциональном принятии за счет соответствия ожиданиям партнера.

Исходя из полученных результатов можно увидеть, что несозависимым женам и мужьям присуще равноценное предъявление как реальных, так и игровых форм поведения. В таких семьях игровое поведение прежде всего выполняет функции снижения конфликтных ситуаций, внесение разнообразия в супружеские отношения и удовлетворения потребности в понимании и сопереживании. Несозависимые супружеские пары демонстрируют сбалансированность форм поведения, равную частоту использования ее игровых и реальных форм, а во взаимодействии созависимых партнеров наблюдается замена реальных форм поведения их игровыми аналогами.

Для того чтобы проанализировать насколько устойчивыми являются показатели преобладания игровых форм поведения во взаимодействии супругов, были сопоставлены показатели динамических характеристик игровых форм поведения созависимых и несозависимых супружеских пар.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что созависимые и несозависимые жены достоверно ($p < 0,01$) различаются по таким динамическими характеристикам игровых форм поведения как переход доминирования, устойчивость покорения и устойчивость позитивности. Созависимые жены демонстрируют высокую степень перехода от реального доминирования к игровой, или, наоборот, от игровой позитивности к реальной. Данные особенности созависимых жен является подтверждением общей для созависимых людей тенденции к стихийности и импульсивности поведения вследствие чрезмерной ориентации на оценку и действия брачного партнера, а также превалирование эмоционального компонента поведенческих реакций над их интеллектуальным осмыслением.

Одной из особенностей созависимых личностей считается поведенческая ригидность, что проявляется в поведении созависимых жен в форме игрового подчинения. Использование созависимыми женами данной формы поведения служит для растворения своей психологической территории в территории партнера и снятия с себя ответственности, а также позволяет скрыть истинные мотивы своего подчинения мужчине. В созависимом супружеском взаимодействии данная форма поведения является ригидной, поэтому жены испытывают трудности в замене игровой направленности подчинения его реальным проявлением даже в тех ситуациях, когда муж категорически не поддерживает шуточный тон жены и возможно возникновение конфликта.

Таким образом, у созависимых жен наряду с повышенной лабильностью одних форм поведения наблюдается ригидность других форм поведения, что указывает на зависимость динамической стороны поведения от личностных особенностей и потребностей, обусловленных наличием у них созависимости. При этом динамическая сторона игровых и реальных форм поведения несозависимых жен характеризуется гибкостью, целесообразностью и прогнозируемостью, которые позволяют оптимизировать отношения в супружеской паре.

Между созависимыми и несозависимыми мужчинами также доказаны достоверные различия в динамических характеристиках всех форм поведения, а именно: переход доминирования ($t_{эмп} = 2,04$; $p < 0,05$), устойчивость подчинения ($t_{эмп} = ,82$; $p < 0,01$) переход позитивности ($t_{эмп} = 4$; $p < 0,01$), устойчивость позитивности ($t_{эмп} = 2,28$; $p < 0,01$), устойчивость отрицательности ($t_{эмп} = 2,57$; $p < 0,01$).

Таким образом, созависимые мужчины отличаются скоростью перехода от реального доминирования к игровому и от реальной позитивности к игровой, что свидетельствует о компульсивности, зависимость выбора поведенческой стратегии от эмоциональных реакций и стремления удовлетворить собственные потребности, а не от осознания наиболее эффективной, компромиссной стратегии в супружеском взаимодействии.

В то же время, у созависимых мужчин ведущими являются такие формы поведения как игровое подчинение, игровая позитивность, игровая негативность, которые проявляются в значительной зависимости от желаний и реакций жены, ее поведения и поддержки. Чрезмерная ориентация на эмоциональную реакцию жены и ее поведенческую стратегию провоцирует неустойчивость и фрагментарность игровых и реальных форм поведения созависимых мужчин. Постоянный поиск стиля поведения, который бы соответствовал ожиданиям жены в деятельностном и в эмоциональном планах, провоцирует «пробный» характер применяемых поведенческих стратегий. Несозависимые мужчины, наоборот, демонстрируют достаточную скорость перехода от реального поведения к игровому, и оптимальную способность придерживаться выбранной формы игрового поведения.

Подводя итоги, можно отметить, что соотношение реальных и игровых форм поведения созависимых супругов характеризуется преимуществом игрового поведения, то есть взаимодействие созависимых супругов происходит в рамках своеобразной игры. Взаимодействие несозависимых супругов характеризуется равным предъявлением как игровых, так и реальных форм личностного поведения, что обусловлено их стремлением, в первую очередь, оптимизировать отношения. Несбалансированность реального и игрового компонентов супружеских отношений в созависимых парах связана с тем, что выбор ими конкретного стиля поведения зависит от манипулятивных намерений. Последние, в свою очередь, позволяют удовлетворить личные потребности и компенсировать чувство неполноценности собственного «Я». Игровые формы поведения позволяют созависимым лицам контролировать жизнь партнера, снять с себя ответственность за принятие решений и их результаты, соответствовать ожиданиям партнера и, тем самым, быть достойным любви.

Зависимость динамических характеристик игровых форм поведения от личностных потребностей созависимых мужей и жен провоцируют повышенный динамизм и фрагментарность одних игровых форм поведения, и поведенческую ригидность в других аспектах взаимодействия. Динамическая сторона игровых и реальных форм поведения несозависимых жен характеризуется гибкостью, целесообразностью и прогнозируемостью, которые позволяют оптимизировать отношения в несозависимых супружеских парах.

Таким образом, как реальные, так и игровые формы поведения, а также их динамические характеристики игровых форм созависимых супругов, выступают неотъемлемыми компонентами сценария, которому подчиняется взаимодействие в паре, на основе которого должны осуществляться психологическое сопровождение и терапевтическая помощь созависимым супружеским парам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башманов В.В., Калиниченко О.Ю. Феномен созависимости: медико-психо-социальный аспект /В.В.Башманов, О.Ю. Калиниченко// Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2015. – № 1. Публикация 5-3. URL: <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2015-1/5093.pdf> (дата обращения: 23.03.2015).
2. Жидко М.Є. Особистісні чинники формування відносин подружньої співзалежності у чоловіків/ М.Є. Жидко // Наукові записки Інституту психології імені Г.С. Костюка АПН України / За ред. академіка С.Д. Максименка. – К.: Главник, 2005. – Вип.. 26, в 4 –х томах. Том.2. – С. 71–77.
3. Москаленко В.Д. Созависимость – новая болезнь / В.Д. Москаленко // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1994. – №2. – С. 95–99.
4. Проценко Е.И. Созависимость как психологическая категория /Е.И. Проценко. – СПб.: Речь, 2006. – 255 с.
5. Пил С., Бродски А. Любовь и зависимость/ С. Пил, А. Бродски. – М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2005. – 384 с.
6. Смирнова Н.В. Методика изучения игровых форм поведения в супружеском взаимодействии / Н.В. Смирнова // Психологическая служба. – 2003. – № 1– С. 47–56.
7. Смирнова Н.В. Семья и супружеское взаимодействие/ Н.В. Смирнова// Здоровы лад жыцця. – 2002. – № 9. – С. 37–40.
8. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости /Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд // Перев. с англ. А.Г. Чеславской, под ред. В.М. Бондаровской – М.: Класс, 2002. – 224 с.

Поступила в редакцию 12.12.2017 г.

GAME FORMS OF BEHAVIOR OF CO-DEPENDENT SPOUSES

M.Y. Rogozina

The article highlights the problem of co-dependence in couples. Within the revealing of the essence of this phenomenon, the game forms of personal conduct of co-dependent spouses were analyzed, as well as dynamic characteristics of these behavioral forms. The importance of the game behavioral forms in the interaction of co-dependent spouses was considered, in particular.

Key words: co-dependence, interdependence, the game behavioral forms, the real behavioral forms, dynamic characteristics.

Рогозина Марина Юрьевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: muysan@mail.ru.

Rogozina Marina Yuryevna.

Candidate of Pedagogical sciences, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor at the Department of Psychology.

E-mail: muysan@mail.ru.

УДК 159.956.2

ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА ОЦЕНКУ ВЕРОЯТНОСТИ СЛОЖНЫХ СОБЫТИЙ СТУДЕНТАМИ С ДОМИНИРОВАНИЕМ ИНТУИТИВНОГО КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ

© 2018. *Н.В. Устинова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Статья посвящена теоретическому и экспериментальному исследованию специфики проявления интуитивного компонента в структуре когнитивного стиля учебно-познавательной деятельности студентов. Выявлены различия в особенностях решения задач на оценку вероятности сложных событий студентами с доминированием интуитивного или аналитического компонента в структуре когнитивного стиля.

Ключевые слова: интуитивное познание, интуитивный и аналитический компонент когнитивного стиля, точность формирования прогнозов.

Развитие общества в современных условиях требует быстрых перемен, новых прогрессивных идей, что ставит ряд задач по формированию творческого потенциала личности. Это обусловлено, во-первых, тем, что одним из решающих факторов экономического развития сейчас является интеллектуальное производство, а ключевой формой капитала – интеллектуальная собственность. Во-вторых, интеллектуальное творчество, будучи неотъемлемой признаком человеческой духовности, является социальным механизмом, который противостоит регрессивным явлениям в развитии общества. Чем меньше людей с творческим интеллектом в обществе, тем более отчетливо проявляются деструктивные тенденции в нем.

Кардинальные изменения в обществе, в свою очередь, связаны с глубокими изменениями, своего рода поворотными периодами в развитии знаний, и становлением принципиально новых научных подходов, принципов, формированием новых научных парадигм и схем в познавательной сфере. Принципиальные изменения происходят и в самих системах научных знаний, которые за последние 20-25 лет достигли исторически нового состояния развития. Их характеризуют новые подходы и принципы, которые, однако, не отрицают, как довольно часто подчеркивается в современной специальной литературе, принципов и возможностей классического рационального знания. Они открывают более широкие сферы и пространства развития знаний, где формируются новые и универсальные законы, вводятся новые формулы и формы, новые средства познания, определяются новые проблемные ситуации, направленности поиска и решения, которые не укладываются в рамки рационального, логического обоснования классических знаний. На смену классическому и неклассическому рационализму приходят так называемые постнеоклассические знания, в рамках которых проблема интуитивного познания занимает новое и особенное место.

К числу рассматриваемых обстоятельств, связанных с повышением интереса к интуитивному познанию, относится также и действие так называемого информационного бума. Во время данного процесса объективное накопление, уплотнение информационного пространства, многоплановая дифференцированность, сложность взаимопроникновения и взаимодействия информации создают особую и более сложную среду, участвующую в формировании психики индивида, структур поведения, условий построения взаимосвязей в деятельности, обеспечивает разные

формы и уровни сознательного и бессознательного восприятия этой информации и ее рефлексии. Таким образом интуиция, как непосредственное знание, играет все большую роль в самом процессе познания. Объективизация явления интуитивного познания, превращение его в предмет изучения, как явления, которое существует объективно, соответственно определяет задачи по выделению и исследованию механизмов и специфики условий возникновения интуитивного познания.

Экспериментальному изучению особенностей интуитивного познания, изучению факторов, способствующих или препятствующих ему, посвящены работы В.Ф. Асмуса, Н. Бунге, А.В. Брушлинского, Л.Л. Гуровой, А.Н. Лука, А.М. Матюшкина, В.А. Моляко, А.А. Налчаджяна, Я.А. Пономарева, Б.М. Теплова, В.К. Тихомирова, А.С. Кармина и Э.П. Хайкина и др.

В соответствии с современными научными концепциями, которые существуют в психологической науке, интуиция исследуется как познавательный процесс (Д.К. Берри, Д.Е. Бродбент, Л.Л. Гурова, Я.А. Пономарев, А.С. Ребер, И.С. Якиманская) или как свойство личности (К.В. Аллисон, Е.А. Голубева, С. Эпстайн, Г. Пачини, Дж. Хейс, Е. Шелл). Индивидуальные различия в проявлениях интуитивности рассматриваются как параметр личности и как параметр когнитивного стиля [6].

В качестве доступного выявления параметра когнитивного стиля интуиция рассматривается как оказание предпочтения одному из двух альтернативных способов переработки информации - аналитическому или интуитивному. Личности с интуитивным когнитивным стилем оценивают проблему целостно, с видением глобальной перспективы, принимают решение на основании подсознательного акта мышления, который не разворачивается в цепь сознательных логических рассуждений, то есть на основании предположений, без применения систематических методов исследования с четкими последовательными этапами. Противоположным полюсом когнитивного стиля является склонность к поэтапному логическому анализу проблемы.

Из приведенного выше следует, что методы выявления, активизации, формирования и развития интуитивного компонента когнитивного стиля в современной психологии приобретают сегодня большое теоретико-научное и практическое значение. В этом контексте изучение интуиции, как компонента когнитивного стиля, является современным актуальным направлением психологических исследований и содержит большое количество неисследованных проблем.

Проведенный теоретический анализ предмета исследования показывает, что наряду с довольно значительным количеством теоретических исследований феномена интуиции наблюдается дефицит экспериментальных работ по его разностороннему изучению. Эмпирические исследования усложняются вследствие того, что интуиция, как явление психологической реальности, не проявляется непосредственно в ощущениях, не воспринимается как нечто обозримое, материальное. Она не присутствует в чувственной реальности непосредственно, а существует в рамках психических феноменов косвенно в когнитивной сфере, сфере отношений и поведения. При этом субъект интуиции открывает для себя только свойства интуитивного образа [1, 2]. В то же время уже существующий опыт экспериментальных исследований выступает достаточной предпосылкой для дальнейшего познания интуиции как компонента когнитивного стиля.

Экспериментальной базой исследования выступил Донецкий национальный университет. Всего в исследовании приняли участие 150 человек – 19-23 лет (79 юношей и 71 девушка), студентов 2-4 курсов факультета математики и

информационных технологий специальностей «Математика» (81 человек), «Прикладная математика» (54 человека), «Информатика» (15 человек).

Целью первого этапа исследования было выявление исследуемых с выраженным интуитивным когнитивным стилем. В качестве методик, позволяющих осуществлять диагностику интуитивного когнитивного стиля, использовались:

- шкала «Доверие интуиции» опросника С. Эпстайна (апробация В.В. Степаносовой) состоящая из двух субшкал: интуитивная способность и использование интуиции;
- «Методика оценки уровня интуитивности» Е.А. Науменко с двумя шкалами: «интуитивности» и «внушаемости»;
- «Индикатор типов Майерс-Бригс (МВТИ)».

Указанные методики, которые вошли в диагностический комплекс, являются достаточно стандартизированными, прошли процедуру статистической проверки и имеют необходимую степень валидности.

Целью второго этапа было выявление особенностей решения задач на оценку вероятности сложных событий в условиях ограничения времени испытуемыми с доминированием интуитивного или аналитического компонента в структуре когнитивного стиля.

Методологически проводимые в работе исследования основываются на положениях работ Б.Г. Ананьева, В.М. Аллахвердова, В.М. Дружинина, В.П. Зинченко, С.Д. Максименко, Я.О. Пономарева, О.К. Тихомирова.

Процессы решения творческих задач и проблемных ситуаций, основанные на взаимодействии логических и интуитивных процессов, приводящих к решению, описаны многими авторами (В.М. Дружинин, В.М. Пушкин, Я.А. Пономарев, Дж. Бери, Дж. Брунер, Г. Штернберг). Опираясь на методологическую основу субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна, можно сделать предположение, что специфика интуитивного процесса решения задачи соотносится, с одной стороны, со структурой задачи, с другой – со свойствами субъекта, одним из которых является интуитивный компонент в структуре когнитивного стиля. По мнению Я.А. Пономарева, изучение и управление процессом решения творческой задачи строится по принципу создания условий, способствующих возникновению интуитивного решения. Такими условиями могут выступить структурные особенности задачи, которые успешно решаются с помощью интуиции [5]. В процессе проводимого исследования была поставлена задача: путем сопоставления данных наблюдения за поведением испытуемых, анализа протоколов решения ими задач и опроса после обучающего эксперимента выделить характерные особенности процесса решения задач студентами с доминированием интуитивного компонента в структуре когнитивного стиля, а также определить, какие из выявленных особенностей связаны с интуицией исследуемых. В процессе исследования студентам было предложено решить задачи на оценку вероятности сложных событий. В основу выбора этого типа задач было положено представление о механизмах становления интуитивных предвосхищений как основы предрешения (что, по Ю. Козелецкому, является этапом принятия решения и служит информационной составляющей выбора) [3]. Предполагалось проверить, как интуитивный когнитивный стиль влияет на различия в точности формирования прогнозов. Были сформулированы следующие гипотезы:

- интуитивный когнитивный стиль связан с выраженностью интуитивных процессов становления предвосхищений;

• опора на интуитивные процессы становления предвосхищений способствует повышению эффективности сформированных прогнозов.

В задаче необходимо было оценить, какая вероятность является наиболее возможной в заданных условиях. Процесс решения задачи ограничивался во времени (необходимо было дать ответ через 5-6 секунд). Ограничение во времени рассматривалось как фактор увеличения психологической трудности задачи. По данным исследований, фактор ограничения и сложности может способствовать актуализации интуиции [4]. Оценивалась правильность нахождения вероятности событий.

Основной задачей первого этапа исследования было выявление доминирования у студентов интуитивного или аналитического компонентов в структуре когнитивного стиля. По результатам тестовых методик и опросников вся выборка испытуемых были разделена на 3 группы: группу «интуитов» с выраженным доминированием интуитивного компонента в структуре когнитивного стиля; группу «аналитиков» с доминированием аналитического компонента и «смешанную» группу, к которой были отнесены студенты с отсутствием доминирующего компонента в структуре когнитивного стиля. Компонент когнитивного стиля считался достаточно выраженным, если хотя бы по показателям двух из пяти примененных шкал были выявлены высокие результаты. Распределение группы испытуемых по признаку доминирования указанных компонентов когнитивного стиля приведены на рис. 1.

По гендерному признаку группа исследуемых с доминированием интуитивного компонента в структуре когнитивного стиля распределилась следующим образом: юноши – 27 человек (51 %), девушки – 26 человек (49 %). Таким образом, существенных различий в выраженности интуиции среди юношей и девушек выявлено не было.

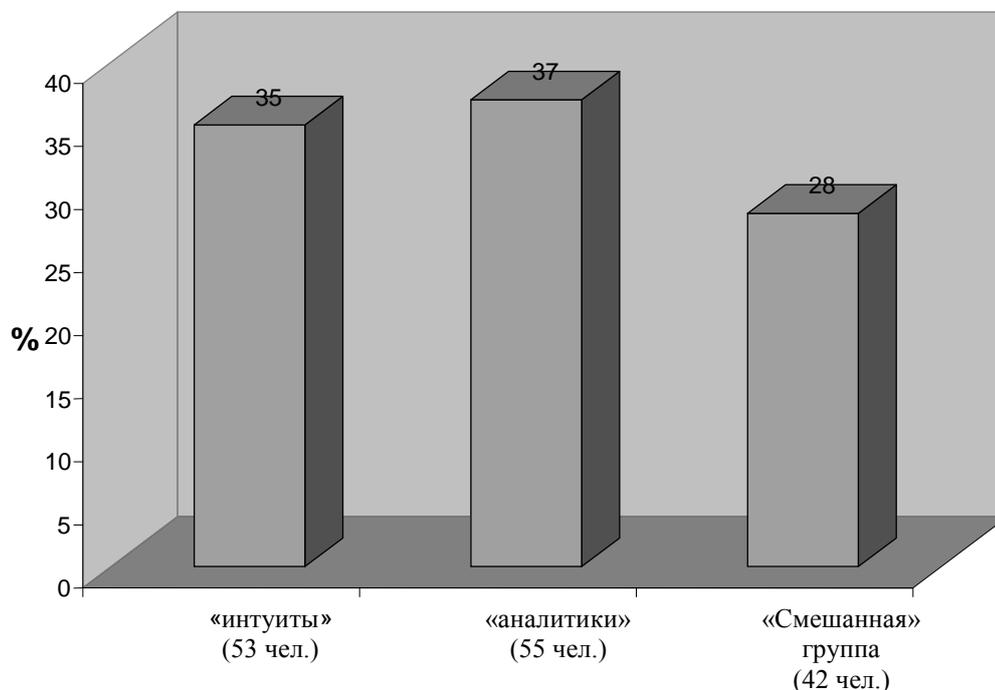

Рис. 1. Диаграмма распределения количества исследуемых студентов с доминированием различных когнитивных стилей.

Основной задачей второго этапа исследования было выявление успешности и особенностей процесса решения задач на оценку вероятности сложных событий в

выборках испытуемых с выраженным интуитивным, аналитическим или невыраженным смешанным компонентом в структуре когнитивного стиля. Критерием оценивания был правильный выбор наиболее вероятного варианта. Результаты корреляционного анализа связей успешности решения задач со шкалами выраженности интуитивного стиля представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа успешности решения задач на оценку вероятности событий студентами с доминированием интуитивного стиля

Показатели	Доверие интуиции	Использование интуиции	Интуитивность	Внушаемость	Доминирование интуиции по методике MBTI
Правильность решения	0,63	0,44	0,61	0,48	0,65

Примечание: уровень значимости всех показателей $p < 0,01$.

Анализируя полученные результаты, можно отметить, что положительная связь между показателями шкал «Доверие интуиции» и «Использование интуиции» и правильности формирования прогноза свидетельствует о том, что склонность доверять собственной интуиции, полагаться на нее и использовать при принятии решений положительно влияет на преодоление субъективной неопределенности при принятии решений, что, в свою очередь, позволяет формулировать более точные и эффективные прогнозы – суждения о будущих событиях, которые выступают информационной основой выбора субъекта. Прогнозирование, как преодоление субъективной неопределенности, готовность субъекта доверять или не доверять интуиции, выраженность интуитивных компонентов прогностического процесса определяется его стилевыми особенностями. Субъективная неопределенность, как субъективная система гипотез о возможных вариантах решения, преодолевается за счет информационных процессов организации элементов ситуации, в том числе и процессов прогнозирования, которые заключаются в отборе и оценке удельного веса значимых элементов или дополнения информации, которой не хватает. Поэтому можно предположить, что именно интуитивный стиль способствует ускорению этого процесса отбора, позволяя сделать правильный прогноз.

Положительные связи между правильностью прогноза и шкалами «Интуитивности» и «Внушаемости» ($p < 0,01$) свидетельствуют о том, что высокий уровень интуитивного компонента в структуре когнитивного стиля способствует неосознанному выделению ключевых признаков значимых элементов в представленной информации и выделению из них тех элементов, которые имеют значение в контексте существующей ситуации в условиях ограничения времени. Это, в свою очередь, способствует формированию наиболее точных и эффективных прогнозов при решении задач, которые предполагают использование интуиции.

Положительная связь со шкалой «Доминирование интуиции (по методике MBTI)» свидетельствует о том, что интуитивный способ восприятия информации позволяет бессознательно синтезировать взаимосвязи между свойствами ситуации, в результате чего возникают интуитивные предчувствия относительно вероятности будущих событий. Сравнение распределения правильности прогнозов вероятности сложных событий у студентов с разными когнитивными стилями приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Сравнение распределения прогнозов вероятности сложных событий у студентов с различными когнитивными стилями

Когнитивный стиль	Правильный прогноз		Не правильный прогноз	
	Количество	Процент	Количество	Процент
Аналитический стиль (55 чел.)	7	13	48	87
Смешанный стиль (42 чел.)	11	26	31	74
Интуитивный стиль (53 чел.)	45	85	8	15

Анализируя различия в успешности формирования прогнозов студентами с доминированием интуитивного, аналитического или «смешанного» когнитивного стиля, необходимо отметить, что наименьшее количество правильных прогнозов давали студенты с выраженным аналитическим компонентом в структуре когнитивного стиля (рис. 2).

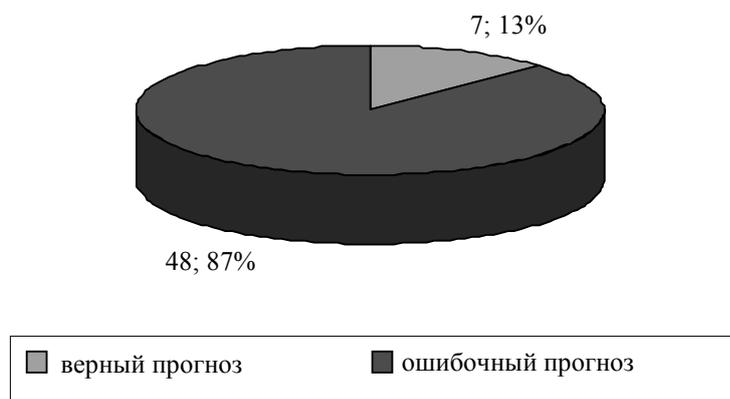

Рис 2. Диаграмма распределения прогнозов вероятности сложных событий у студентов с выраженным аналитическим компонентом в структуре когнитивного стиля (количество, процент).

Низкие показатели правильности прогноза у студентов этой группы могут быть обусловлены тем, что в условиях ограничения времени, данного на оценку вероятности событий, использование присущего им способа решения путем поэтапного анализа всех возможных альтернатив было осложнено, что повлекло за собой неуверенность в собственных прогнозах, невозможность их точной оценки, что, в свою очередь, повлекло ошибочность выдвинутых предположений.

В группе студентов со «смешанным» когнитивным стилем показатели правильной оценки вероятности сложных событий были несколько выше, чем в предыдущей группе (рис. 3). Эти показатели могут свидетельствовать о том, что студенты со «смешанным» неопределенным когнитивным стилем, не имея четкого доминирования интуиции или склонности к анализу, в процессе принятия решений или решения задач могут более гибко приспосабливаться к условиям ситуации, используя в зависимости от имеющейся ситуации и особенностей задачи тот или иной способ переработки информации. Но низкие показатели этой группы по шкалам «Доверие интуиции» ($x=36,87$) и «Использование интуиции» ($x=35,87$) свидетельствуют о том, что студенты

со «смешанным» стилем в целом не склонны полагаться на собственную интуицию и использовать ее для принятия решений, поэтому даже когда в процессе работы над задачей возникает интуитивная догадка, они, не всегда доверяя собственным предчувствиям, игнорируют ее или проверяют с помощью развернутого анализа, что увеличивает срок решения и в условиях ограниченного времени может стать причиной неправильного ответа.

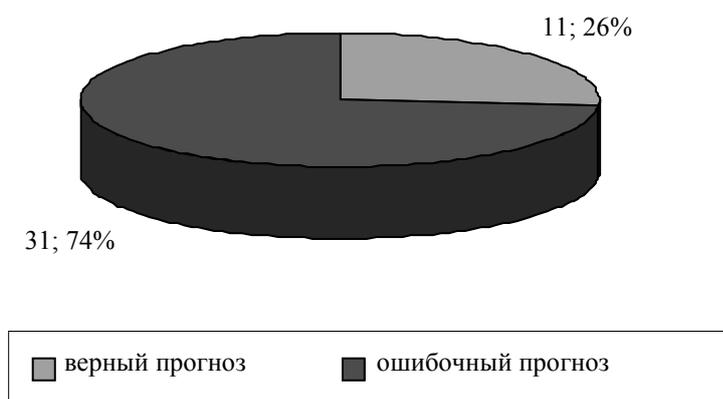

Рис 3. Диаграмма распределения прогнозов вероятности сложных событий у студентов со «смешанным» когнитивным стилем (количество, процент).

У студентов с интуитивным когнитивным стилем был выявлен самый высокий среди трех групп показатель правильных ответов при оценке вероятности сложных событий в условиях ограничения времени. Приведенные показатели свидетельствуют о том, что хоть интуиция может стать причиной ошибочных решений при неправильной оценке ситуации, однако при создании прогнозов в условиях ограниченности времени ее использование дает высокие показатели правильности решения (рис. 4).

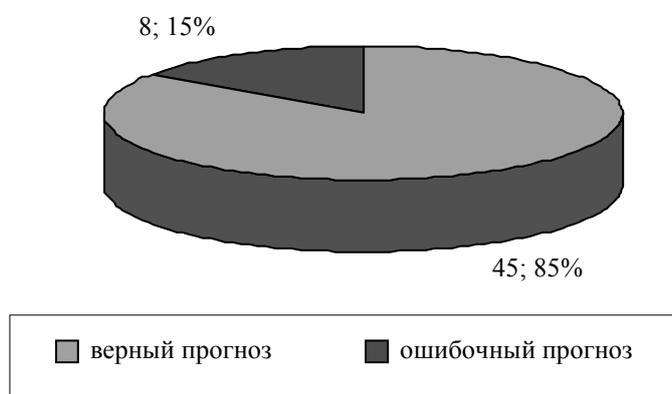

Рис 4. Диаграмма распределения прогнозов вероятности сложных событий у студентов с выраженным интуитивным когнитивным стилем (количество, процент).

Статистическая проверка, выполненная с помощью критерия ϕ^* – углового преобразования Фишера, показала значимые различия между количеством студентов всех 3-х групп, которые правильно выполнили задания (табл. 3).

Таблица 3
Результаты сравнения групп студентов с помощью ϕ^* критерия Фишера

Группы	ϕ^* эмпирическое	Уровень значимости p
интуитивный и смешанный	6,143	0,001
интуитивный и аналитический	8,385	0,001
аналитический и смешанный	1,683	0,05

Статистическая проверка различий между группами студентов с доминированием аналитического, «смешанного» или интуитивного стилей по показателю правильности оценки вероятности событий в условиях ограничения времени показала значимые различия между испытуемыми с доминированием аналитического, «смешанного» или интуитивного компонентов в структуре когнитивного стиля (табл. 4).

Таблица 4.
Особенности формирования прогноза вероятности сложных событий разными группами испытуемых

Доминирующий стиль	Сравниваемые группы					
	«Интуиты» – «Смешанный стиль»		«Интуиты» – «Аналитики»		«Смешанный стиль» – «Аналитики»	
Фактор	t	p	t	p	t	p
Прогноз	11,37	0,000	7,761	0,000	1,493	0,139

Примечание: различие между средними оценками показателей выявлялось с помощью t-критерия Стьюдента.

Анализируя различия успешности формирования прогнозов в выборках с доминированием различных компонентов в структуре когнитивных стилей, можно отметить, что «интуиты» чаще, чем «аналитики» и студенты со «смешанным» стилем, давали правильный прогноз в ситуаций оценки вероятности сложных событий в условиях ограничения времени. Таким образом, можно сделать вывод, что применение интуиции при формировании прогнозов является преимуществом, если принятие решения осуществляется в сложной, неопределенной, плохо структурированной ситуации, а также, если время на формирование прогноза является ограниченным.

В целом можно сказать, что именно ситуация принятия решения часто построена таким образом, что человеку, который совершает выбор, приходится с одной стороны взаимодействовать со сложными и неопределенными проблемами, с большим количеством информации, а с другой – быстро реагировать на изменения, действовать в условиях дефицита времени, не имея возможности тщательно обдумывать ситуацию. Таким образом, актуализация быстрых, свернутых интуитивных процессов помогает принять решение в ситуации неопределенности.

Выявленные закономерности могут использоваться в практике обучения профессионалов, деятельность которых включает в себя принятие решений в неопределенных ситуациях. В связи с выявленной эффективностью решений,

опирающихся на интуицию, возникает проблема поиска психологических механизмов, благодаря которым профессиональный опыт трансформируется в адекватные интуитивные прогнозы и решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ) / А.В. Брушлинский // М.: Мысль, 1979. – 230 с.
2. Гурова Л.Л. Психологический анализ решения задач / Л.Л. Гурова // Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1976. – 327 с.
3. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений / Ю. Козелецкий // М.: Прогресс, 1979. – 503 с.
4. Моляко В.А. Психология решения школьниками творческих задач / В.А. Моляко // К.: Радянська школа, 1983. – 94 с.
5. Пономарев Я.А. Психика и интуиция / Я.А. Пономарев // М.: Юридическая литература, 1967. – 256 с.
6. Степаносова О.В. Современные представления об интуиции / О.В. Степаносова // Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 133-142.

Поступила в редакцию 09.12.2017 г.

FEATURES SOLVE PROBLEMS ON EVALUATION OF PROBABILITIES OF DIFFICULT EVENTS STUDENTS WITH THE DOMINANCE OF INTUITIVE COGNITIVE STYLE

N.V. Ustinova

The article is devoted to theoretical and experimental study of the specificity of manifestations of the intuitive component of the structure of cognitive style learning and cognitive activity of students. The differences in the features of decision of tasks on the assessment of probabilities of compound events students with the dominance of intuitive or analytical component in the structure of cognitive style.

Key words: intuitive cognition, intuitive and analytical cognitive style component, the accuracy of making predictions.

Устинова Наталья Валериевна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: d-ustin.80@mail.ru.

Ustinova Natalia Valerievna.

Candidate of Psychological Sciences, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of Psychology.
E-mail: d-ustin.80@mail.ru.

УДК 159.964.28

ПРИМЕНЕНИЕ ЮНГИАНСКОГО АНАЛИЗА В ТОЛКОВАНИИ СКАЗОК (НА ПРИМЕРЕ СКАЗКИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО»)

© 2017. Л.В. Яновская

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Статья посвящена анализу сказки «Приключения Пиноккио», основанной на теории К. Дж. Юнга. Автор исследует персонажей сказки через призму архетипических фигур процесса индивидуации. Основные символические формы и их характеристики анализируются на основе сходных мотивов в художественной и духовной литературе. В статье подчеркивается ценность сказок для преодоления конфликтов развития.

Ключевые слова: юнгианский анализ архетипов сказки; персона, тень, великая мать, отец.

Наша работа посвящена анализу сказки «Приключения Пиноккио» [5].

Прежде всего, следует отметить принципиальное различие сказок «Приключения Пиноккио» и «Приключения Буратино». В конце сказки К. Коллоди деревянный мальчик становится человеком, а в конце сказки А. Толстого управляет кукольным театром. Превращение в настоящего человека символически означает преобразование собственной природы. Управление кукольным театром – овладение собственной природой. По сути, эти два процесса предполагают друг друга: невозможно преобразоваться, не овладев собственными страстями, и так же невозможно научиться управлять своей природой, не изменившись коренным образом. Однако, преобразование предполагает некое таинство, чудесность, наличие некоего «другого измерения» жизни – духовного мира. Буратино – это такой «немножко атеистический» Пиноккио, и поэтому про его волшебное преобразование речи не идет. Потому и другие персонажи сказок заметно отличаются, так, Фея с Голубыми волосами превращается в девочку-куклу с голубыми волосами – Мальвину. Волшебные силы в волшебной сказке становятся моральными силами в сказке социальной.

Мы попробуем проанализировать сказочный текст, придерживаясь основ юнгианского анализа.

Итак, жил-был... «Король!» – воскликните вы. Нет, жил-был обыкновенный кусок дерева. Нет, он был все-таки необыкновенным, он умел разговаривать.

С самого начала мы оказываемся свидетелями таинства рождения. Рождение людей из дерева, или превращение людей в дерево, присутствует во многих мифологических системах. Близость растительного мира и растительной души человеку, его стяжанию Духа, отражено как в древних мистериях, так и в современных религиозных праздниках. Смысл этой связи заключен, прежде всего, в идее возрождения, «постоянного возвращения». Древо жизни, мировое древо, древо познания добра и зла, древо распятия, - символ дерева сопровождает человека всю его земную жизнь.

Человек и символ Древа – это обширная и глубокая тема [4, 8, 11]. В рамках нашей статьи мы обратим внимание прежде всего на то, что дереву, как живому существу, в первую очередь, присуще *стремление к росту*, и огромная сила для проявления этого стремления – где только не вырастают деревья! И одновременно древо – признак недоумия. Говорят «тупой, как дерево». Чем Пиноккио не Иван-дурак

русских сказок? Пиноккио водится с плохими персонажами, но плохое к нему «не пристаёт», он остается таким же добрым, оптимистичным, и не теряющим надежду. В сказке нередко отмечается, что Пиноккио был сделан из хорошего крепкого дерева. После очередных «неудачных походов» Пиноккио раскаивается и рыдает, прося прощения у своего отца и Феи с голубыми волосами, которая становится для него матерью.

Отец и мать тоже волшебные элементы сказки. По сути, появляется Пиноккио непорочным образом. И то, что отцом (- создателем) является плотник, навеивает ассоциации с Историей Спасителя. Но, в отличие от последней, у Пиноккио просто нет природной матери. У него появляется Духовная Мать – Фея с Голубыми (Лазурными) волосами. Феи как таковые, конечно, присутствуют во многих сказках, и в их задачи входит и помочь и проучить главного героя. Они проявляют сострадание, и материнскую заботу, но они не сопровождают героя так, как это происходит в сказке «Пиноккио». Близкий мотив заботы можно встретить в тех сказках, где Крестная опекает сироту, обижаемую мачехой.

Одним из фундаментальных открытий юнгианского анализа является описание теневых сторон Личности. Архетип Матери предполагает как Добрую, так и Злую Мать [2, 10]. Образ Злой Матери, как ни странно это звучит, необходим для развития и взросления («вхождения в культуру») ребенка. Поскольку сознание не допускает негативных материнских черт, образ злой матери является ребенку во снах в виде ведьм, страшных старух, пьяниц и т.д. – персонажах, обладающих разрушительной силой. Такие сны появляются обычно у детей в 5-7 летнем возрасте и знаменуют важный кризис 7-летнего возраста – переход от ведущей непроизвольной регуляции психического к произвольной. Если говорить языком психоанализа – так проявляется табу на инцест, запрет образа матери как сексуального объекта. В психоанализе табу рассматривается как способ направить ребенка в русло культурного развития – через сублимацию. Но само развитие в психоанализе в качестве цели предполагает лишь смутную идею адаптации, которая будет соответствовать удовлетворенности влечений. Если же мы будем считать развитие не бесцельным, то целью будет являться преобразование. Образу Доброй Матери свойственно держать нас «в своих объятьях» (как «добра старушка» из сада цветов, усыпившая Герду в самом начале ее пути), не давая возможности осуществиться преобразованию. Образ матери слишком уютен, но психическое ребенка (суть которого развитие) теснится в старых пределах, и чтобы отказаться от этого уюта видит в Добром черты Злого. Так Добрая Мать «покидает» ребенка. Можно посмотреть на это иначе: для внутреннего мира человека мать – символ собственной материальности, телесности, - отсюда, ограниченности, зависимости. Обнаружение своей небезграничности, смутная догадка об отсутствии бессмертия – вот корень появления образа Злой матери.

У Пиноккио нет природной матери. Он ничем не ограничен. Казалось бы – вот его совершенство. Но он еще и не рожден. Он не Настоящий мальчик, и он к этому стремится. Вот какой парадокс: Джеппетто создает деревянную куклу для того, чтобы с ее помощью зарабатывать деньги, ходить по дворам и выступать. Способность куклы разговаривать его должна бы порадовать в плане достижения своей задумки, да и стремящийся разбогатеть и поест вдоволь Пиноккио, казалось должен бы быть рад. Однако, Джеппетто неожиданно (!) отправляет куклу в школу. Но не просто быть Настоящим. Надо стремиться уметь различать Добро и Зло, Ложь и Правду, - собственно самые НАСТОЯЩИЕ моменты жизни человека связаны именно с этим различием. Это нельзя выучить, потому что жизнь всякий раз дает следующую задачу, и то, что ты понял вчера уже неприменимо ко дню сегодняшнему. Всякий раз

мы заново открываем для себя, казалось бы прописные истины. Такова природа развития. Невозможно почивать на лаврах достигнутого. Но начало способности различения состоит в появлении образов Доброй и Злой матери. Как уже говорилось, это не сознательная работа, сознание вытесняет Злой образ, это некое внутреннее целостное впечатление, переживание, которое выражается в том, что есть некое Плохо, от совершения которого ты будешь страдать. Пиноккио не настоящий мальчик, у него нет этого изначального целостного переживания, поэтому так часто ему приходится попадать в опасные ситуации. Его встречи наполнены лживыми вороватыми существами, которых он не может распознать вследствие своего неведения, его окружение становится этим недостающим для него образом Злой матери.

Как же обстоит дело с Отцом, образ которого тоже имеет свою теневую сторону? Одно из первых приключений Пиноккио – его знаменитый поход в кукольный театр, где он встречает страшного хозяина кукольного театра Манджафоко. Ужаснейший на вид, этот господин собирается сжечь деревянного мальчишку, но неожиданно жалеет его, услышав его рыдания «Я не хочу умирать! Отец, спаси меня!». Собственно, ему не важно, кого жечь, чтобы дожарить своего барашка, и выбор подает на Арлекина. Пиноккио умоляет пожалеть своего товарища, и Манджафоко ест полусырой ужин. Эта картина напоминает нам Сатурна, пожирающего своих детей. Куклы для директора кукольного театра и есть его дети. Могущественная сила, породившая этих детей, также может их и истребить. Снова здесь не хочется пройти и мимо библейской параллели. Бог иудеев просит Иакова принести в жертву его любимого сына. И когда уже нож занесен над жертвой, Бог заменяет человека ягненком.

Рассмотрим подробнее эпизоды, сопутствующие этому. Вследствие непослушности и неведения Пиноккио, Джеппетто оказывается в полицейском участке, но сам Пиноккио остается беспомощным, голодным, и в итоге лишается ног (они обгорели). Все заканчивается благодаря Джеппетто благополучно, но Пиноккио опять нарушает свое обещание. Грозность теневой стороны образа Отца проявляется в личности Манджафоко. И опять деревянному мальчику в наказание за его непослушание грозит огонь. Огонь – это мужской элемент. Огонь несет как свет и тепло (позитивный аспект), так и пожар и разрушение (негативный аспект) [4,8,11]. Встреча с теневой стороной Отца грозит встречей с негативным аспектом огня.

И еще – что заслуживает наше внимание – куклы в театре узнали Пиноккио, и назвали его своим братом! Они обратились к нему по имени, тогда как он не успел им представиться. Персона – это первое осознание человеком себя. *Per soner* – переводится как «звучать через». Можно сказать, что это маска, роль, некая форма, благодаря которой человек представляет себя в обществе. Наш деревянный герой обретает Персону в театре таких же деревянных человечков. Роль Персоны в социальной жизни состоит, пожалуй, в адаптации, но в *развитии* без Персоны невозможно человеку интегрироваться, становиться целостным. Благодаря Персоне открывается Тень, и в дальнейшем признание Тени дает возможность интегрировать обе стороны в целостное Эго (как центр сознательной части личности). В отличие от других деревянных кукол, у Пиноккио есть отец, который проявляет истинную заботу о развитии мальчика. Поэтому наделение деревянного мальчика Персоной не сдерживает его, он не остается в кукольном театре, а идет за его пределы.

Итак, грозная Тень Отца простила Пиноккио. Пиноккио даже получил для Отца 5 золотых монет! Если бы у Пиноккио не было золотых монет, он бы беспрепятственно добрался домой, - эти золотые монеты стали искушением. Тут же он встречает мошенников, которым с гордостью сообщает, что теперь он стал ВАЖНОЙ

ПЕРСОНОЙ! Высокомерие, гордыня – да, это «болезнь» Персоны. Тем более для таких людей, у которых очень длинный нос.

Что означает нос в символическом плане? Нос – это выпирающая часть лица, которая заметно увеличивается с возрастом. Нос нужен, чтобы быть бдительным, уметь что-то различать, быть в курсе происходящего, длинный нос – это избыточное любопытство (стремление к контролю над внешними событиями). Но одновременно, нос – это характер человека, то, каким образом человек проявляет себя. Есть различные толкования особенностей формы носа, связанные с характером человека. Длинный нос – это гордыня. Это увлечение внешними атрибутами и игнорирование внутренней сущности. Этот сюжет обнаруживается в сказке Гауфа «Карлик-нос» (за свое высокомерие мальчик заколдован в уродца с длинным носом), этот смысл мы находим в повести Гоголя «Нос». В повести Гоголя чиновник теряет свой нос, и не может появиться в обществе, тогда как Нос становится господином, посещает все высокосветские мероприятия. Последний сюжет перекликается с сюжетом сказки Андерсена «Тень». Но если Нос представляет Персону, то как он может быть связан с Тенью? С точки зрения внутреннего мира, которому присущи аутентичность и развитие, Персона и будет представлять собой Тень (на эту тему есть прекрасный анализ сказки М.Л. фон Франц) [9]. Иначе говоря, если сознание человека чересчур перегружено Персоной, настолько, что он перестает решать задачи развития, его Персона сама становится Теневым аспектом. В обычной жизни это происходит в том случае, когда человек озабочен исключительно своим статусом (социальным или семейным), когда ему важно соответствовать тем требованиям, которые он слышит от значимых для него людей, в общем, во всех тех случаях, когда внешнее начинает значительно превалировать над внутренним.

Длинный нос Пиноккио начинает обладать странным свойством – он растет, когда деревянный мальчик врет. Происходит это в присутствии Феи, которая спасла его от смерти. Мошенники, не получив от Пиноккио денег, повесили его на Большом Дубе. Большой Дуб настолько часто встречается в мифах, сказаниях и сказках, что не стоит и сомневаться, что благодаря именно такому выбору дерева Пиноккио встретился с духовной сущностью – Феей с Голубыми Волосами. (Говоря языком современного фэнтези, Большой дуб – это портал). В результате повешения Пиноккио становится «то ли жив, то ли мертв» – по заключению осматривавших его врачей. Говоря по-другому, врачи обсуждают, является ли его болезнь «к смерти», или «к жизни» [6]. Его болезнь – к жизни, потому что он плачет, когда слышит справедливые обвиняющие его слова Сверчка, и остальные врачи свидетельствуют: «Когда мертвый плачет – это признак того, что он находится на пути к выздоровлению», и более пессимистичное суждение «Когда мертвый плачет – это признак того, что он не хочет умирать». В следующей главе благодаря своей лжи Пиноккио встречается со смертью, и наполняется ужасом, таким, что соглашается пить горькое лекарство. Уж не горькое ли лекарство стало помогать в различении Правды и Лжи? (что лучше – сладкая ложь или горькая правда?). Фея говорит, что есть два рода лжи – у одной длинный нос, у другой – короткие ноги. Пословица «у лжи короткие ноги» известна во всех европейских культурах и означает, что на лжи далеко не уйдешь, не уедешь. Но при чем тут длинный нос? Возможно, что обыгрывается фраза «обвести вокруг носа» или, наоборот, «остаться с носом». Но у Пиноккио нос растет. Человек врет для того, чтобы скрыть свои уязвимые места, и лучшим прикрытием является именно Персона. Защищая свой образ «хорошего человека», не желая приносить неприятности другим (вроде бы из благих побуждений), человек скрывает правду, называет свои поступки

другими именами, не признавая себя виновным в неприглядном поступке. Со лжи начинается трудный путь человечества. Сознайся Адам и Ева в Раю, что «да, они сами сделали выбор и вкусили запретный плод», для них был бы открыт путь к раскаянию и прощению. Но они отказались признавать свою вину: Адам говорил, что виновата Ева, Ева говорила, что виноват Змий. Ложь не просто делает человека двойственным – «для себя» и «для других», она отравляет внутренний мир человека, все более заставляя его быть привязанным к своей Персоне – к внешнему облику, сея во внутреннем мире беспорядок и хаос.

Ложь и гордыня тесно связаны между собой. Можно сказать, что гордыня заставляет человека лгать. Но и наоборот, когда человек лжет, он начинает взращивать свою гордыню. Во всех духовных учениях гордыня рассматривается как самое трудное и коварное препятствие, она означает богоотступничество, «отпадение от Бога». «Гордыня ведет ко всем другим порокам; это - состояние духа, абсолютно враждебное Богу... Именно из-за нее дьявол стал тем, чем он стал» [7]. Гордыня свойственна для Пиноккио, эта тема звучит на протяжении всей книги. И в Городе Рабочих Пчел, когда он возмущен предложением поработать, чтобы получить еду, ему говорят «А если ты действительно так голоден, отрежь себе два-три толстых ломтя от своего высокомерия и съешь их, только смотри не подавись».

Ложь открывает врата всем остальным порокам. В христианстве говорят о семи пороках: гордыня, жадность, вождление, ненасытность, злоба, зависть и праздность. В сцене, где Пиноккио противостоит своим друзьям-бездельникам, он обзывает их семью смертными грехами, из-за чего, собственно, и начинается драка. К этому времени Пиноккио уже становится прилежным учеником, он знает, что такое грехи, но видит их в других, а не в себе! Опять гордыня не дает возможность деревянному мальчику устоять перед искушениями (в данном случае – предотвратить драку). Несмотря на еще не-способность противостоять дурному влиянию, Фея принимает решение превратить его в настоящего мальчика. Правда, этому предшествуют некоторые испытания. После того, как Пиноккио удалось избежать несправедливого ареста, и не стать «деликатесом» для Страшного Рыбака, он возвращается в дом Названной Матери – Феи. В дороге он сопротивляется искушению вранья, и признает себя «невоспитанным бездельником». Он поневоле проявляет терпение, ожидая, когда Улитка откроет ему дверь. И самое главное – он *сердечно* переживает за мальчика, который пострадал в результате драки (слава Богу, тот остался жив-здоров). Но оказалось, что самое настоящее испытание ждало его после. Несмотря на великую радость стать Настоящим мальчиком, он оказался к этому не готов. Всем известно, что когда человек решается на что-то для себя особо важное, обстоятельства жизни тут же готовят Великий Соблазн, как бы проверяя готовность. Так и тут. Видимо, понимая, что превращение в настоящего мальчика несет в себе большую ответственность, в Пиноккио просыпается жажда бесконечных удовольствий и праздного образа жизни. Пиноккио сбегает на Остров Дураков для того, чтобы навсегда остаться в детстве. Известно, кто не хочет взрослеть, превращается в осла...

После этого его проглатывает огромная акула.

Голубая козочка на скале пытается ему помочь. Пиноккио узнает в ней образ Доброй Феи. Но почему она является в таком виде? Коза, как и овца символ жертвенности, она искупает вину, беря ее на себя [4]. Коза также воплощает материнскую заботу, и это подчеркивает тот же – Голубой, небесный цвет. Так добрая Фея пытается спасти Пиноккио. Но его все равно проглатывает Акула. Или именно для спасения его проглатывает акула? Удивительная тема: Манджафоко, желая сделать

добро, дает Пиноккио деньги, но это приводит деревянного мальчика к очередным злоключениям, Фея старается вызволить его из бушующего моря, казалось бы, ее усилия напрасны, однако поглощение темными водами приводит в конечном итоге Пиноккио к спасению.

Быть проглоченным морской бездной – вернуться в материнское лоно[4]. Вода – женский элемент. И, так же как огонь, имеет позитивный и негативный аспекты. В нашем случае вода сначала имеет спасительное значение, превращая Пиноккио из осла в деревянного мальчика, но затем негативное, поглощая его. Пиноккио встречается с образом Великой Матери (которая сочетает в себе и доброе и злое начала).

Иона оказался во чреве кита, потому что отказался от возложенной на него задачи. Бог велел ему идти проповедовать в Ниневию. А он решил бежать от лица Бога. Но во время настигшей корабль бури, сознался в содеянном. Его раскаяние состояло в том, что он сказал корабельщикам: «возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря». Находясь во чреве кита, он молился за спасение души своей. «Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита была голова моя... Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего» [1]. Бог услышал его молитву.

Пиноккио оказывается во чреве кита, и встречает там своего отца. Иона обратил в молитвах лицо свое к Господу, Пиноккио вернулся к своему отцу. Обретя Отца, как и Иона, он возвращается к своей жизненной задаче. Он становится опорой своему отцу в жизни.

Благодаря Пиноккио они выбирают наружу. Найдя дом, в котором они встречают Сверчка, Пиноккио начинает зарабатывать не только на стакан молока для старого и больного отца своего, но и на другие разумные траты. Он самостоятельно начинает учиться. Он, ни на минуту не сомневаясь, отдает свои сбережения Фее, когда узнает, что она больна и бедна.

Для Пиноккио перестает существовать значимость его собственной Персоны. Удивительно, но в тексте сказки, в том фрагменте, где Пиноккио благодарит Тунца за спасение, мы читаем: «Друг мой, ты спас моего отца», а о себе не говорит ни слова.

Способность с любовью и преданностью заботиться о Другом превращает деревянного мальчика в Настоящего человека.

Сказка заканчивается словами Пиноккио: «Какой я был смешной, когда был Деревянным Человечком! И как я счастлив, что теперь я настоящий мальчик!» Многие ли могут сказать о себе так?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Книга Пророка Ионы.
2. Биркхойзер-Оэри С. Мать: Архетипический образ в волшебных сказках / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2006.
3. Гауф В. Сказки. М.: Художественная литература, 1992.
4. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994.
5. Колллоди К. Приключения Пиноккио. – М.: Эксмо, 2012.
6. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. – М.: Академический проект, 2014.
7. Льюис К.С. Просто христианство. – М.: Гендальф, 1994
8. Тресиддер Д. Словарь символов / Пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
9. Франц, М. – Л. фон. Феномены Тени и зла в волшебных сказках. М.: Класс, 2010.
10. Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуации / Пер. с англ. – М.: Наука. 1996.
11. Словарь символов. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru>.

Поступила в редакцию 06.12.2017 г.

**APPLICATION OF THE YUNGIAN ANALYSIS IN INTERPRETATION OF FAIRY TALES
(ON THE EXAMPLE OF THE FAIRY TALE OF THE "PINOCCHIO ADVENTURE")**

L.V. Yanovskaya

Article is devoted to the analysis of the fairy tale "The Adventures of Pinocchio", based on C. G. Jung's theory. The author examines the characters of the fairy tale through the prism of the archetypal figures of process of an individuation. The basic symbolic forms and their characteristics are analyzed based on similar motives in the artistic and spiritual literature. The article emphasizes the value of fairy tales to overcome the growing conflicts.

Key words: Jungian analysis of fairy tale archetypes: Persona and Shadow, the Great Mother, Father.

Яновская Лариса Владимировна.

Кандидат психологических наук.

ГОУ ВПО Донецкий национальный университет.

Доцент кафедры психологии.

E-mail: yanovlar1@mail.ru.

Yanovskaya Larisa Vladimirovna.

Candidate of Psychological Sciences.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of Psychology.

E-mail: yanovlar1@mail.ru.

УДК 159.955

О ВЛИЯНИИ ЧУВСТВА СОБСТВЕННОСТИ НА МЫШЛЕНИЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

© 2018. М. И. Яновский, Е. В. Чуканов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье ставится проблема возможного влияния феномена собственности, отражаемой в аффективных и когнитивных психических структурах, на мышление. Дается феноменологический анализ чувства собственности. Выявлена сложность, комплексность его состава. Изложена гипотеза о связи чувства собственности с эгоцентрическим мышлением. Проанализированы возможные корреляции компонентов чувства собственности со свойствами эгоцентрического мышления по Ж. Пиаже, а также пра-логического мышления по Л. Леви-Брюлю.

Ключевые слова: собственность, чувство собственности, эгоцентрическое мышление.

Феномен *собственности* как формы отношения человека к предметам – явление, изучаемое экономистами, юристами, социологами, философами и психологами [1]. В различные периоды истории, в разных обществах, менялась политико-идеологическая трактовка собственности – от признания ее святости и незыблемости как основы жизни личности и общества до демонизации как причины социальных конфликтов и моральной деградации человека. Собственность – один из значимых, эмоциогенных факторов жизни людей. Но в дискуссиях о ней и вокруг нее не хватает знаний и аналитического понимания ее природы, в частности, психологических основ данного явления, механизмов взаимосвязи с сознанием человека.

Данная статья – попытка построить, на теоретическом уровне, представление о возможных психологических механизмах и особенностях влияния собственности на мышление человека.

Психологически собственность – это такое отношение субъекта к объектам, при котором они переживаются как продолжение «Я»: «моё» – это нечто зависимое от моей воли (и не зависимое от чужой), подконтрольное мне. Собственность и чувство собственности, по представлениям исследователей, может выполнять ряд психологических функций: защита и стабилизация Я-концепции, регуляция межличностных и социальных отношений, формирование границы личного пространства и т. д. [2]. Тем не менее давно существует и вызывает споры вопрос: является ли владение собственностью естественной частью природы человека или это искусственный, «изобретенный» на определенном историческом этапе развития общества элемент жизнедеятельности индивида? Вопрос этот слишком обширен для данной статьи и выходит за рамки психологии. Здесь мы попытаемся наметить, на теоретическом уровне, возможное понимание одного аспекта этого вопроса: существует ли связь между чувством собственности и структурными особенностями мировосприятия и, в частности, мышления? В трудах мыслителей XIX и XX веков данная проблема ставилась как возможность влияния частной собственности на сознание и мировоззрение людей. Вопрос этот обсуждался в различных аспектах, однако ответ на него искали в рамках какой-либо системы идеологических постулатов. Факт такого влияния принимали (или отвергали) как идеологему. Тогда как вполне возможна постановка этого вопроса как научной проблемы, как предмета для исследования.

Поскольку «внешние причины действуют через посредство внутренних условий» [3], мы возьмем отношение собственности в психологическом измерении – как отражаемое в эмоциональной и когнитивной сфере в определенных чувствах и явных или неявных образах, как некоторое специфическое сложное переживание отношения субъекта к вещам. Также в рамках данной статьи мы абстрагируемся от разницы «частной» и «личной» собственности как отдельной проблемы.

Попробуем проанализировать чувство собственности феноменологически.

Во-первых, чувство собственности амбивалентно, двойственно. Оно содержит в себе как некоторую властность по отношению к объекту, так и бережность к нему. Если взять эти два чувства сами по себе и несколько их усилить, то их можно представить как *агрессию* и *жалость*. Чувство собственности – своего рода их сумма. Эти два, вроде бы несовместимые чувства, совмещаясь, создают внутренне напряженный, но за счет взаимной компенсации двух полюсов относительно устойчивый комплекс. Агрессия обеспечивает направленность на подавление (в пределе – разрушение) объекта, а жалость к нему – на его сохранение. Компромисс между тем и другим – это и есть чувство собственности, в котором то и другое уравнивается. Обратим внимание, что и агрессия, и жалость – переживания, адресованные к объекту.

Во-вторых, чувство собственности – это определенное изменение переживания самого себя у субъекта. Благодаря собственности я как бы «богатею», «прирастаю», «капитализируюсь», достраиваюсь. Тем самым приобретаю ценность, статус, силу и защищенность. И здесь можно обнаружить амбивалентность: я «прирастаю» – и приобретаю значительность и важность, но в то же время я «теряю» – обезличиваюсь, упрощаюсь, теряю свою уникальность, индивидуальность. Возможное *прирастание* и возможное *упрощение* – это сочетается в том комплексном самопереживании, которое есть у собственника.

Данное описание феноменологической архитектоники чувства собственности в определенной мере подтверждается проведенным Е. В. Чукановым исследованием факторной структуры субъективной семантики категории «собственность». Подробное изложение результатов этого исследования будет сделано в другой публикации. Здесь укажем, что на основе материала, полученного при помощи «Семантического дифференциала», было выявлено четыре фактора семантического пространства категории «собственность»: «Свой-Чужой», «Сильный-Слабый», «Дорогой-Дешевый» и «Сложный-Простой». При этом подкатегория «частная собственность» оказалась «Своей» и «Слабой», а подкатегория «государственная собственность» – «Чужой» и «Сильной». Можно усмотреть в этом как бы распадение амбивалентности агрессии-жалости: «государственная собственность» ассоциируется с агрессией, «частная собственность» – с жалостью. По двум другим факторам «государственная собственность» оказалась «Дорогой» и «Сложной», а «частная» – «Дешевой» и «Простой». И в данном случае можно усмотреть распадение амбивалентности прирастания-упрощения: «государственная собственность» ассоциируется с прирастанием (возрастанием ценности и сложности), «частная» – с упрощением.

Таким образом, собственность субъективно представлена в сознании как две пары оппозиций: агрессия-жалость и прирастание-упрощение.

Через чувство собственности «Я» как бы врывается в реальность этого мира, самоутверждается в нем. Исследования онтогенеза чувства собственности согласуются с этим. Чувство собственности появляется после кризиса 3-х лет, когда ребенок начинает осознавать свое «Я».

Следует обратить внимание, что агрессия-жалость, «упакованные» в чувстве собственности, лишают субъекта возможности сущностного контакта с объектом или сущностного познания его. Равно как искусственное достраивание-упрощение себя как личности обезличенными, но ценными формами представленности своего «Я» лишает субъекта доступа к самому себе какой он есть. Поэтому здесь возникает двойное отчуждение: от объекта и от самого себя («моё» заменяет и «Я», и мир, объективную реальность). Отчуждение это неизбежно должно выражаться в погружении в некую виртуальную реальность, заменяющую реальность подлинную.

Действительно, ребенок, у которого появляется чувство собственности (3-7 лет), как бы живет в своем мире, который возникает благодаря *эгоцентрическому* мировосприятию. Эгоцентрическое мышление и восприятие подробно изучил и описал Ж. Пиаже [4].

Проведение аналогии между миром эгоцентрического мышления и миром собственника – спорно. Пиаже свои исследования проводил на детях, а собственниками являются люди любого возраста. Тем не менее, методологический принцип развития, в одном из аспектов, состоит в том, чтобы особо внимательно изучать начальные этапы формирования какого-либо явления в силу того, что в них заложены в еще не замаскированной форме будущие свойства этого явления. Значит, возрастной период, когда рождается и делает первые шаги чувство собственности, содержит в себе в явной форме то, что уходит в тень в последующих возрастах. Кроме того, само чувство собственности – не является ли формой эгоцентризма по своему содержанию? В чувстве собственности, как и в эгоцентризме (в обычном его понимании, по Пиаже), эго является безусловным центром, безусловной отправной точкой. Пиаже в качестве ключевого свойства операций эгоцентрического мышления называет *необратимость* – отсутствие возможности обратной симметричной операции по отношению к совершённой, т. е. асимметрия системы возможных мыслительных операций: некоторые априори приоритетнее других. Асимметрия – и в чувстве собственности: присвоение, как действие в пользу собственности, априори предпочтительнее отдавания (которое наносит ущерб собственности), «моё» приоритетнее «чужого».

Итак, индустрирование чувством собственности искажений в мышлении по типу эгоцентрического мышления возможно.

Пиаже описывает целый список особенностей эгоцентрического мышления [4]:

- синкретизм
- нечувствительность к противоречиям
- интеллектуальный реализм
- феноменализм
- а-рефлексивность
- партиципация
- артифициализм
- непроницаемость для опыта

Наметим некоторые сопоставления.

Синкретизм – это соединение в один образ, понятие или суждение элементов, внутренне разнородных, даже несоединимых, что возможно еще и благодаря нечувствительности к противоречиям (пример – известное шуточное выражение: «копать от забора до обеда»). Эгоцентрические понятия и суждения могут представлять собой нагромождения бессвязных элементов. Но феномен собственности основывается на аналогичном наращивании субъекта вещами, как бы усилении его присваиваемыми элементами, качество и сущность которых при этом теряет самостоятельное значение. Значит, собственность («богатство») – это как бы материализованный синкретизм. Можно

полагать, что из чувства собственности мир структурирован так же синкретично, как это характерно для структур эгоцентрического мышления. Но тогда, вероятно, при довлении чувства собственности в сознании человека воспроизводится эта особенность мышления.

Синкретизм – причина нарушений логики, в частности замены логических и каузальных мыслительных цепочек ассоциациями по подобию или по смежности (например: «если ты рассказал плохую новость, то значит ты причина этой новости»). Синкретизм делает невозможным отделение существенного от несущественного, иерархизацию элементов какой-либо информации по значимости. Поэтому синкретизм обуславливает феноменализм – заикливание на изменчивых и обманчивых внешних видимостях при игнорировании сути. Ясно, что такое сознание не может игнорировать внешнюю эффектность объекта, его «товарный вид». Пиаже отмечал, что синкретизм и нечувствительность к противоречиям обусловлены а-рефлексивностью, т. е. неумением выйти за рамки центрированности на эго-позиции и посмотреть на свои действия (в т. ч. интеллектуальные) со стороны. Очевидно, чувство собственности может выступать препятствием покидания своей эго-позиции, быть своего рода эго-ловушкой.

А-рефлексивность обуславливает, по Пиаже, и так называемый интеллектуальный реализм: неразличение ментальных процессов и реальности, своих фантазий и реальных событий (например: «мне понятно то, что я сказал; значит всем это понятно»). Вполне резонно полагать, что чувство собственности может мешать отказу от своих (понятных) мыслей и образов в пользу «чужой», холодной (и непонятной) реальности: своё приоритетнее.

Возможным последствием такого неразличения субъективного и объективного может быть появление в восприятии вещей свойства магичности, приписывание вещам особой «силы», валентности, «магнетизма». Такого рода явление иногда называют фетишизмом. Действительно, фетишизм нередко сопровождает чувство собственности.

Здесь возникает вопрос о возможности сопоставления характеристик мировосприятия, определяемых чувством собственности, со свойствами магического мышления. Л. Леви-Брюль, описавший последнее как пралогическое (до-логическое) мышление, действительно давал ему сходные характеристики: синкретизм, нечувствительность к противоречиям, феноменализм и т. д. Сам Пиаже считал, что эгоцентрическое мышление имеет структуру, в значительной мере близкую к пралогическому [5]. Обратим внимание, что Леви-Брюль выделял как главное свойство пралогического мышления «партиципацию». Партиципация – невидимая причастность вещей друг другу, участие друг в друге. Не является ли чувство собственности разновидностью партиципации как причастность субъекта предметам своей собственности, и как их причастность субъекту?

Партиципация в многочисленных примерах, приводимых Леви-Брюлем в работе «Сверхъестественное в первобытном мышлении» [6], ярко выражается в способности предметов замещать друг друга, становиться на место другого предмета. Выше мы говорили, что чувство собственности можно рассматривать как соединение агрессии с жалостью к предмету собственности, что дает отчуждение от сути, от качеств предмета, замещает его обезличенным образом. И здесь открывается способность предмета собственности быть заместителем ответственности субъекта-владельца, т. е. как бы «козлом отпущения». Это делается через приписывание предмету своей воли, которая делает возможным сделать его виноватым, т. е. переложить на него ответственность. Приписывание предметам своей воли свойственно и эгоцентрическому мышлению, и Пиаже назвал это артифициализмом. Артифициализм делает возможным вменить в вину неодушевленным (или просто сторонним) предметам какие-либо злые (или добрые) умыслы и действия.

Мышление, использующее артифициализм в понимании реальности как норму, в малой или большой степени приобретают качество, которое в психопатологии называют паранойальностью. Вместо поиска и анализа объективных процессов в мире оно настроено на поиск и раскрытие (разоблачение) за любым событием чьей-то злой или доброй воли. В пралогическом магическом мышлении это норма. Но, вероятно, и чувство собственности обуславливает определенную склонность к артифициализму, следовательно, в той или иной степени – к паранойальности.

Таким образом, на теоретическом уровне есть основания говорить о влиянии чувства собственности на особенности мышления человека. Это влияние может состоять в понижении уровня реалистичности, логичности и связности, рефлексивности мышления, в формировании элементов виртуальной (квазимагической) реальности, в которой такое мышление замыкается (делается нечувствительным к противоречиям и опыту).

Естественно, эти рассуждения носят предварительный характер. Требуется эмпирической проверки мера и сам факт влияния чувства собственности на мышление. Можно рассматривать данную статью как постановку проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуканов Е.В. Обзор философско-психологических концепций феномена собственности / Е. В. Чуканов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 199–205.
2. Чуканов Е.В. Формирование отношения к собственности в процессе социализации личности / Е. В. Чуканов // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2016. – Т. 15. – № 3 (136). – С. 30–37.
3. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – С. 172.
4. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М.: Римис, 2008. – 416 с.
5. Реджиненс Л. О статусе логики в теории Пиаже / Л. Реджиненс // Международный журнал социальных наук. – 2005. № 51. – С. 115–131.
6. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.

Поступила в редакцию 10.12.2017 г.

ON IMPACT OF FEELINGS OF PROPERTY ON THINKING (PROBLEM STATEMENT)

M. I. Yanovsky, E. V. Chukanov

The article raises the problem of the possible impact of the phenomenon of property, reflected in affective and cognitive mental structures in thinking. Presents a phenomenological analysis of feelings of property. Revealed the complexity, the complexity of its composition. A hypothesis about the relationship of a feelings of property with egocentric thinking. Analyzed potential correlation of components of a feelings of property with the properties of egocentric thinking by J. Piaget, as well as great-logical thinking, according to L. Lévy-Bruhl.

Key words: property, feelings of property, egocentric thinking.

Яновский Михаил Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru.

Yanovsky Mikhail Ivanovich.

PhD of Psychology.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of Psychology.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru.

Чуканов Евгений Валериевич.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Ассистент кафедры психологии.
E-mail: chukanove.v@gmail.com.

Chukanov Evgeniy Valerievich.

Donetsk National University.
Assistant of the Department of Psychology.
E-mail: chukanove.v@gmail.com.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона 4-8 страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, hiteeva.v@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пушица и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристраничные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.]. – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
 - название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине по левому краю, без абзацного отступа),
 - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание *Key words*: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION «UNDER» IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по правому краю) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
--	--

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание (если имеются)		
Должность		
Организация, в которой		

работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3-5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition «under» in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (e-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Хитеева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (e-mail: hiteeva.v@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2018. – № 2

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Хитеева

Подписано в печать 01.06.2018 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 11,9
Тираж 100 экз. Заказ № 18-июнь14

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: +38 (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.